

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Социально- психологические исследования коррупции

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2017

УДК 159.9

ББК 88

С 69

Авторы:

В. Е. Гирица – глава 4 параграфы 1 (К), 1 (Б); 2; А. Л. Журавлев – глава 1 параграф 1; глава 5 параграф 1; Д. А. Кнтова – Введение, глава 3 параграфы 1–3, глава 5 параграф 2, Заключение; Т. А. Мстисл – глава 2 параграф 3; глава 5 параграф 3; Т. А. Соколова – глава 4 параграфы 1 (В), 1 (Б); 3; В. А. Соснин – глава 1 параграфы 2–3; глава 2 параграфы 1–3; глава 5 параграф 3; Н. С. Ломоносов – глава 4 параграф 2; А. В. Юрков – глава 1 параграф 1; глава 5 параграфы 1, 3

С 69 Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Кнтова, В. А. Соснин. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 285 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0351-8

УДК 159.9

ББК 88

Монография посвящена одной из актуальных и сложных проблем современной цивилизации. Объектом исследования является коррупция в качестве системного феномена в целом и социально-психологического – в частности. Предмет исследования – социально-психологические факторы коррупции. Цель работы – проведение комплексного анализа и оценки социально-психологических параметров проявлений коррупции (прежде всего в российском обществе). В работе обоснованы основные теоретические подходы к социально-психологическому исследованию коррупции в России и за рубежом. Выделены методологические основы и методический инструментарий исследования коррупции в современной социально-психологической и социологической литературе. Изложены результаты эмпирического исследования отношения различных социально-возрастных групп населения к коррупции и коррупционным правонарушениям. Проанализированы социально-психологические факторы и условия совершения коррупционных преступлений (на примере бытовых сотрудников уголовно-исполнительной системы). Сформулированы научно обоснованные предложения по социально-психологическим направлениям профилактики и противодействия коррупции.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

ISBN 978-5-9270-0351-8

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1	
Теоретические подходы к социально-психологическому исследованию феномена коррупции	11
1.1. Социально-психологические факторы коррупции как предмет психологического исследования	11
1.2. Социально-психологические исследования коррупции в России	22
1.3. Зарубежные социально-психологические исследования коррупции	30
Глава 2	
Методологические основы и методический инструментарий исследования коррупции в отечественной и зарубежной литературе	38
2.1. Методология исследования коррупции: становление проблемы	38
2.2. Макропсихологические подходы к исследованию коррупции	45
2.3. Проблемы эмпирических методов исследования и индикаторов измерения коррупции в современной социальной психологии и социологии	52
Глава 3	
Эмпирическое исследование отношения населения к коррупции и коррупционным правонарушениям	63
3.1. Социально-психологические предпосылки и факторы коррупции в экономическом сознании несовершеннолетних (на примере старшеклассников)	63
3.2. Дескриптивный анализ представлений молодежи о коррупции, ее последствиях и возможностях противодействия	88
3.3. Социально-психологический анализ отношения россиян к коррупции и коррупционным правонарушениям	111
Глава 4	
Эмпирический анализ социально-психологических факторов и условий совершения коррупционных преступлений	130
4.1. Сравнительный анализ социально-демографических и уголовно-правовых особенностей личности осужденных за коррупционные преступления	130
4.2. Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления	188

4.3. Социально-психологические условия совершения коррупционных преступлений (на примере осужденных – бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы)	202
Глава 5	
Социально-психологические направления противодействия коррупции: составные и перспективы	213
5.1. Социально-психологические препятствия противодействию коррупции	213
5.2. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегическое направление противодействия коррупции	219
5.3. Перспективные фундаментальные и прикладные исследования социально-психологических механизмов противодействия коррупции	237
Заключение	255
Литература	259

ВВЕДЕНИЕ

Среди многочисленных социально-экономических и правовых проблем развития российского общества наиболее выпукло выделяется проблема коррупции. Современная коррупция пронизывает все социальные институты общества, неуклонно расширяет свои границы, становится острой угрозой стабильному развитию государства, угнетает субъективное благополучие человека, деформирует его правосознание. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности.

Отношение общества к коррупции и последствиям коррупционных правонарушений не всегда было однозначным. В некоторых странах на обсуждение данной темы было наложено табу, а в некоторых, напротив, расходы с коррупционной составляющей указывались в официальных налоговых декларациях. Аргументы в пользу существования «полезной» коррупции приводились даже в научных кругах. Однако результаты исследований последних лет доказали, что коррупция влияет на уровень экономического развития страны и что одним из ее негативных последствий является снижение конкурентоспособности государства. Так, например, среди наиболее острых проблем российского бизнеса предприниматели в 2014 г. выделили коррупцию в органах власти, высокие административные барьеры, недобросовестную конкуренцию и неэффективную судебную систему (Выдашьева, Сапсай, 2015).

Негативные последствия коррупции для государства и бизнеса вынуждают власть совершенствовать законодательные основы противодействия данному явлению, а бизнесу приходится разрабатывать и внедрять корпоративные методы предупреждения коррупции. Население также вынуждено предпринимать меры по «выживанию» в сложившихся условиях повсеместного распространения

коррупции. Каким будет решение, принятое каждым конкретным человеком в сложившихся условиях, не всегда можно предугадать.

По данным МВД РФ, общая экономическая преступность в России снижается с 2007 г. (см. рисунок 1). Однако снижение общего объема экономических правонарушений происходит на фоне увеличения коррупционных правонарушений, которые составляют 28% от всех выявленных в 2014 г. преступлений. В абсолютных значениях количество зафиксированных коррупционных преступлений в 2014 г. превышает 30 тысяч. В 2015 г. более 600 чиновников были привлечены к уголовной ответственности за коррупцию, а средний размер выявляемых в России взяток вырос до 212 тыс. рублей (Доклад Генерального прокурора..., 2016). Более того, в обществе начинает формироваться такое явление, как «принуждение к коррупции», когда со стороны различных властных органов или правоохранительных структур оказывается давление на отдельного человека – или даже коллективы – для достижения чьих-либо корыстных интересов (Макаев, 2016).

В связи с разрастанием коррупционных правонарушений современные исследователи все чаще обращаются к анализу феномена коррупции с различных точек зрения: экономической, правовой, социальной, этнической, моральной, нравственной. Их интересуют причины коррупции, особенности ее проявления и последствия, возможности противодействия (Суравлев, Куревич, 2014а, б, 2015; и др.).

В современной научной литературе коррупция рассматривается отечественными и зарубежными авторами под различными углами зрения: как общенациональная проблема (Э. Мигел, Р. Фисман),

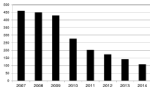

Рис. 1. Динамика общего числа зарегистрированных экономических преступлений в 2007–2014 гг. (см.: Статистика..., 2014)

как социально-правовой феномен (Д. И. Аминин), как угроза экономической безопасности государства (А. А. Цырко), как исторически обусловленный феномен (В. Р. Соловьев), как общемировая проблема (Я. Ламмерс, С. Роуз-Аккерман).

Большое внимание уделено частным особенностям и сферам проявления коррупции. Представлены работы следующей тематики: коррупция и бюрократизм (Г. И. Ивланов), коммерческий подкуп (С. Д. Красноусов), институциональная коррупция (Л. М. Тимофеев), коррупция на дорогах (М. А. Краснов), индикаторы вузовской коррупции (В. Н. Конашова, А. А. Сергунин), коррупция в системе органов внутренних дел (А. А. Макаров). Пристальное внимание исследователей привлекают проблемы борьбы с коррупцией (Ю. П. Гармаев, В. Г. Гриб, А. М. Жуков, Э. Ю. Колонов, С. В. Максимов, Л. Е. Оже).

Коррупция как психологическая проблема активно изучается и психологами (Ю. А. Антонян, О. В. Вановская, А. Л. Журавлев, Л. М. Закирова, В. А. Соснин, А. В. Юревич).

Современные психологи выделяют различные теоретические и практические аспекты проблемы, исследуют разнообразные структурные, содержательные и процессуальные элементы коррупции, коррупционных правонарушений, коррупционного поведения. Выделяются следующие направления исследований:

- психология субъектов коррупционных отношений (коррупционеров и коррумпируемых), игровые мотивы коррупции, феномен крутовой поручи коррупционеров, общественное отношение к коррупции и коррупционерам (А. Л. Журавлев, А. П. Леферов, В. А. Соснин, А. В. Юревич);
- психологические особенности формирования коррупционного поведения у госслужащих (Е. Е. Гаврина, Д. В. Сочиник);
- психологические методы противодействия коррупции с учетом индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей субъектов правоотношений (Ю. А. Антонян, Е. Е. Гаврина, А. В. Молоткова, Т. А. Синакова);
- взаимосвязь коррупции и агрессии (высказываются предположения, что основным фактором склонности к коррупции выступает скрытая агрессия) (А. В. Юревич, Д. В. Ушаков, И. П. Цапенко);
- психологические причины коррупционного поведения, такие как низкий уровень правосознания населения, многовековая историческая предрасположенность к коррупционному поведению (Ю. М. Антонян);

- психологические особенности вымогательства и взяточничества (К. А. Болотова, О. М. Иванова, В. М. Статный, О. В. Цикайло);
- нравственные аспекты коррупционного поведения (А. В. Сульдина);
- коррупционал устойчивость личности (Э. П. Базачева);
- социально-психологические факторы коррупции: организованный характер коррупции (коррупционные сети), ее размах и др. (С. В. Алексеев);
- исторический анализ коррупционных преступлений (Ю. А. Антонин);
- представления молодежи о коррупции; противодействие коррупции через систему образовательных учреждений (Д. А. Китова).

На сегодняшний день психологами выявлены и описаны специфические психологические феномены коррупционного поведения. Так, согласно зарубежным исследованиям, наибольшую опасность для общества при совершении коррупционных преступлений представляют коррупционеры с высокими интеллектуальными и творческими способностями. А. Л. Журавлев и А. В. Юренич выделяют следующие типично российские феномены: «толерантность к коррупции», т. е. осуждение населением не самих коррупционных актов, а наличие высоких ее размеров; приоритет неформальных отношений над формальными; размытость границ между взяткой и благодарностью (Журавлев, Юренич, 2013).

Под влиянием неблагоприятных социально-экономических условий, потока хаотичной, нерегулируемой информации, в молодежной среде складываются асоциальные представления о способах достижения материального благополучия, а коррупция воспринимается как неотъемлемый атрибут жизнедеятельности современного человека. В частности, психологи отмечают, что современная молодежь, вступая в самостоятельную жизнь, воспринимает коррупцию как естественную составляющую современной социальной среды, считает ее атрибутом взрослости, связывает с умением решать проблемы и преодолевать трудности (Соснина, 2014; Китова, Егизов, 2015).

Проведенные нами ранее исследования среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет показали, что достижение экономического благополучия более трети всех респондентов (33,7%) связывают с нелегитимными способами обогащения, среди которых: незаконное присвоение активов, коррупция, взяточничество, искажение отчетности и т. д. (Китова, 2015).

Сложившаяся ситуация требует глубокой научной рефлексии: выявления особенностей развития экономического правосознания населения и его отношения к коррупции, выделения социально-психологических факторов и условий совершения коррупционных преступлений и разработки социально-психологических технологий профилактики коррупции и формирования антикоррупционного сознания общества. Эти позиции и определили структуру настоящего социально-психологического исследования феномена коррупции.

Композиция монографии продиктована общей логикой научного подхода к исследованию психологии социальных явлений.

Во введении обосновывается актуальность проблемы исследования, цель, задача и структура научного анализа.

В первой главе представлены теоретические подходы к социально-психологическому исследованию феномена коррупции в современной научной литературе: анализируются социально-психологические факторы коррупции; приводится системный анализ социально-психологического аспекта проблемы коррупции в России; рассматриваются состояние и перспективы исследования коррупции в зарубежных социально-психологических исследованиях.

Во второй главе обосновываются методологические подходы и методический инструментарий исследования коррупции в отечественной и зарубежной литературе. Рассматриваются, в частности, междисциплинарные подходы и методологические сложности исследования коррупции; исторически сложившиеся концепции и концептуальные подходы к изучению феномена; основные социально-психологические особенности исследования коррупции в условиях глобализации; проблемы эмпирических методов исследования и индикаторов измерения коррупции в современной социологии и социальной психологии.

В третьей главе представлены методологические подходы, социально-психологический инструментарий и результаты эмпирического исследования отношения различных слоев населения (несовершеннолетние, молодежь и трудоспособное население) к коррупции и коррупционным правонарушениям. В частности, анализируются социально-психологические предпосылки и факторы коррупции в экономическом сознании старшеклассников, дескриптивные структурно-содержательные особенности представлений молодежи о коррупции, ее последствиях и возможностях противодействия, социально-психологические особенности отношения взрослой части населения к коррупции и коррупционным правонарушениям.

В четвертой главе проведен сравнительный анализ социально-демографических и уголовно-правовых особенностей личности осужденных за коррупционные преступления, выявлены их индивидуально-психологические особенности, проанализированы социально-психологические условия совершения подобных преступлений.

В пятой главе анализируются общее состояние и перспективные векторы социально-психологических направлений борьбы с коррупцией, среди которых можно выделить социогуманитарные платформы и социально-психологические технологии противодействия коррупции, формирование экономического правосознания молодежи и т. д. Приводится анализ фундаментальных и поисковых исследований, выявивших наиболее действенные социально-психологические механизмы противодействия коррупции.

Заключение содержит общие выводы и перспективный анализ состояния социально-психологических исследований коррупции в России и за рубежом, а также включает в себя выделение и обоснование наиболее перспективных направлений социально-психологического исследования коррупции.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ

1.1. Социально-психологические факторы коррупции как предмет психологического исследования

Коррупция как социально-психологическая проблема

Исследователи подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое (Geozmian, Trempf, 1987), системно организованное социальное явление, имеющее экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие (Глинкова, 2010). Присутствует в нем и психологическая составляющая: имея самостоятельное значение, она органически включена в перечисленные – социальную, управленческую, этическую и др. Это порождает острую необходимость включения психологической науки в междисциплинарное изучение коррупции, а психологической практики – в ее искоренение.

Психология только начинает приспосабливаться к сообществу научных дисциплин, изучающих коррупцию (Журавлев, Юренич, 2014а, б, 2015). В частности, справедливо отмечено: «В современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» (Социально-психологические исследования..., 2010, с. 188). При этом «научные исследования коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их однобокость: в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятку, злоупотребляют своим служебным положением и т. д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишенные потребностей и чувств. Поэтому

и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» (Антоян, 2011, с. 2). Такого рода дисбалансы в исследовании проблем коррупции, особенно психологических ее аспектов, сохраняются до сих пор, о чем свидетельствуют многие авторы (Соснин, 2014; Журавлев, Юревич, 2015; Китова, Найманова, 2016; и др.).

Тем не менее, психология коррупции как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования начинает формироваться (Журавлев, Юревич, 2014а, б, 2015; Соснин, 2014; Соснин, Журавлев, 2013а; Нестик, 2014; Юревич, Журавлев, 2012, 2013, 2014). В психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как стремление общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. (Социально-психологические исследования..., 2016). Психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. Они, как правило, полагают, что расплата за их коррупционную деятельность не наступит никогда¹. Для них характерны также виды психологической защиты, как отрицание и компенсация, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Это убеждение позволяет коррупционерам, за счет включения механизмов психологической защиты, отрицать свою коррупционную деятельность как преступную («Все так делают: кто-то больше, а кто-то меньше») и сохранять психологический комфорт, интерпретируя свои поступки как своего рода «экспроприацию экспроприаторов» (т.е. восстановление ранее нарушенной справедливости).

В описанных исследованиях выявлялась также взаимосвязь коррупции и агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не обнаруживается. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупции служит скрытая агрессия; стало быть, высокая агрессивность как одна из главных характеристик соци-

1 Аналогичный эффект выявлен в зарубежных исследованиях коррупции и назван Я. Ламмерсом «моральной банкротностью» (Психологи изучали причины коррупции, 2011).

ально-психологической атмосферы современного российского общества (Юренич, Ушаков, 2009) вносит большой вклад в распространённость коррупции. Сказывается и нравственная атмосфера: в частности, трудно не согласиться с писателем Д. Корсакиным в том, что «все упирается в честь и совесть. Законы – вторичное явление» (Оберемко, 2012, с. 3).

Любопытные результаты дало социально-психологическое изучение мотивов коррупционного поведения, которое высветило два ведущих из них: достаточно очевидный, состоящий в стремлении к материальным благам, и менее тривиальный, заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре (Антонян, 2011). По мнению Ю. М. Антояна, «Игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняют как распространённость коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» (там же, с. 3).

Следует подчеркнуть, что и сам индекс коррупционности, широко используемый Transparency International, во многом «психологизирован», поскольку основан на экспертных оценках. А для придания ему более объективного характера необходим учет психологических механизмов вынесения таких оценок, их психологической специфики в разных странах и культурах, а также учет других социально-психологических факторов (Журавлев, Юренич, 2014а, б, 2015).

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции (вообще в данном случае дисциплинарная граница очень условна), проводимые фондом ИНДЕМ¹. В частности, фиксируются такие характеристики современной российской коррупции, как открытость и цинизм (Диагностика российской коррупции..., 2001). Они согласуются с приведенными выше данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся раскаты за свои действия и считают их вполне

1. Естественно, они ведутся и в других странах. Например, группа ученых из Института социологии г. Лунд (Швеция) провела интересное исследование под рубрикой «Взятки и мораль», в котором выдвинуты, в частности, пять основных элементов стереотипа взятки, существующих в массовом сознании: 1) секретность, 2) ценность, 3) производно-выгоды, 4) четкая последовательность (сначала дар, потом услуга), 5) принятие дара на дистанции от дарителя (см.: Царькович, 2012).

оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты, отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» вятчинничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. Отметим в данной связи, что, согласно данным зарубежных исследований, наибольших успехов в коррупционных махинациях добиваются высокоинтеллектуальные и творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач (Психологи изучали причины коррупции, 2011). В результате некоторые коррупционные схемы (например, схема организации коррупционной деятельности на таможне) поражают своей изощренностью и совершенством.

Отношение к коррупции в российском обществе

Исследователи проблемы подчеркивают три важных свойства российского отношения к коррупции, непосредственно связанные с нашей массовой психологией.

Первое – *малериничность* к коррупции, отношение к ней как к повсеместному («воруют-ся», «все берут» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю. Ю. Болдырев, «сама идея нормальности „минимума коррупции“ уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неизбежного зла» (Болдырев, 2010, с. 457). А в отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции – относительное спокойствие и равнодушие» (*Диагностика российской коррупции...*, 2011, с. 3).

Второе важное свойство нашего отношения к коррупции состоит в том, что выраженные осуждение получают не сами по себе акты коррупции, а лишь *затраченные размеры взяток*, в особенности если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, случай, когда рядовой следователь требовала с предпринимателя взятку в 3 миллиона долларов. Получается, что, если бы взятка имела более скромные размеры, все обошлось бы?

Третья регулярно акцентированная особенность российского отношения к коррупции – *непоследовательность и противоречивость*. Как и во многих других ситуациях, prevалирует система двойных стандартов: «я и мое окружение – другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается в качестве вынужденного ответа на объективные обстоятельства («не подмазывать – не поедешь» и т. п.), не ас-

социруется с коррупцией и не получает отрицательной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Отвечая на вопрос о том, кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционных сделок, более трети респондентов называют чиновника, а чиновника, одолевая свой собственный опыт таких сделок, составляют лишь 17% респондентов (Диагностика российской коррупции, 2001). Очень симптоматично и восприятие нашими согражданами своего поведения в соответствии с формулой: «Да, влятки берем, но решаем по совести». Подобная «асимметрия восприятия» органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии (Авдеева, 1997; и др.).

Важная социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции, состоит в приоритете неформальных социальных отношений над формальными, «кулавыми» над «установками» (Журавлев, Юренич, 2014а, б, 2015). Как отмечает Т.А. Нестик, «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры» (Нестик, 2002). В результате обмен неформативных услуг на деньги как всего лишь одна из форм коррупции дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и ин. др. В этой связи следует подчеркнуть, что в слове понятие коррупции (от лат. *corruptio* – «портить») определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам (Социально-психологические исследования..., 2010, с. 191). В международных же документах, касающихся коррупции, взятки в денежной форме вообще не упоминаются. Например, коррупция определяется как «злоупотребление властью или понятием доверия ради персональных привилегий или в пользу привилегий другому лицу или группе лиц, к которым наблюдается отношение лояльности» (цит. по: Церкасевич, 2012, с. 532). «Взятка, – пишет В. Радася, – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам

подношениям» (Радася, 1998, с. 162). Вместе с тем подобные виды коррупции в отличие от ее материальных форм вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченные возможности.

Нашей российской культуре, как и другим, не чуждым элементам патриархальности, свойственны клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, «теневые» способы решения проблем, в том числе в властных структурах, всевозможные «серые кардиналы», «банановый» (по родственному признаку) механизм приближения к власти и т. п. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственничий круг» (Алексеев, 2011). Отсюда проистекают также очень характерные для нашего общества явления, как, например, то, что жены высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. А «родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. Не менее удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти» (Коррупция, 2011). Сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют свои прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. Справедливо отмечено: «Не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» (Цепляков, Писоваирова, 2011, с. 4), – в отличие от западных стран, где чиновник обязан немедленно сообщать о подобных конфликтах. Нет и закона об исхальдерстве, который запрещал бы чиновникам использовать служебную информацию в целях личного обогащения, а также предоставлять ее своим родственникам и знакомым. Бытовой лексикон россияне изобилует такими выражениями, как «искать выход на» (далее указывается имя «большого начальника»), а для поведенческой практики наших сограждан очень характерно, попав в какую-либо неприятную ситуацию, например, в ДТП в качестве виновников, тут же начинать звонить не в ГАИ и не в службу Скорой помощи для спасения пострадавших, а своим друзьям и знакомым, дабы «отмазали». Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина:

не доверяющего власти, но полностью от нее зависящего, готового взаимодействовать с государством только через «черный ход» беззакония» (Дубая, 2011, с. 19).

Привычка добиваться чего-либо «через черный ход» – по знакомству, по благу и т. п., органически внедренная в российский менталитет и крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, сохранилась и поныне, будучи теперь обращена не на товары народного потребления, а на другие цели (Журавлев, Юревич, 2015). Исследование, проведенное в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, продемонстрировало: на вопрос «Что необходимо, чтобы стать богатым в России?» 63,6% выбрали ответ «Иметь нужные связи» (Нестик, 2002). Другой опрос показал, что проблеме борьбы с коррупцией 86% населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при этом 40% выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике (Клямкин, Тимофеев, 2000), очевидно, не видя связи одного с другим. А по данным фонда ИНДЕМ необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся. Активную же антикоррупционную установку имеют лишь 13% предпринимателей и 15% граждан (Диагностика российской коррупции..., 2001). В подобных условиях не выглядит удивительным, что, вступая в международные организации по борьбе с коррупцией, такие как ГРЕКО, наша страна систематически не выполняет соответствующих конвенций, в частности, не вводит закон о конфискации имущества коррупционеров и их ближайших родственников.

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие российскую склонность к коррупции: 1) коррупция – это пережиток советской экономики дефицита; 2) психология взяток укоренена в традиционных для патриархальных культур отношениях одаривания; 3) взятка представляет собой рациональный инструмент нашей специфической рыночной экономики (Алексеев, 2011). В то же время идея о том, что коррупция не возникает на пустом месте, а служит продолжением отношений, характерных для данного общества, нуждается в уточнении применительно к разным уровням таких отношений. В частности, если на низшем уровне коррупция представляет собой «вершущку айсберга» традиций одаривания и других видов патриархальных отношений, то на высшем уровне выглядит лишь как одно из свидетельств бесконтрольности власти.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «неустановленных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «установленными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей организованный характер. С. П. Глинкина отмечает: «Коррупционер-«одиночка» в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции»» (Глинкина, 2010, с. 443). В результате Россия причисляется не просто к коррумпированным, а к системно коррумпированным странам (Никитов, 2012).

В таких «сетях» отчетливо выражены горизонтальное и вертикальное «измерения». Горизонтальное проявляется в тех случаях, когда, например, «трести баллотникова» приходят двое полицейских и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», а другой воздерживался от этой практики. Вертикальное – в ситуациях построения коррупционных структур как «коррупционных вертикалей», в рамках которых нижние чины непременно делятся с вышестоящими, те – со своим начальством и т.д. Попадая в коррупционные сети, практически невозможно остаться некоррумпированным. Если же такой человек появляется, от всего стремится избавиться. Коррупционеры «своих не сдают», отчетливо проявляется феномен круговой поруки. «В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» (Алексеев, 2011, с. 2). Что-либо изменить в соответствующих структурах можно только извне и при личном участии высшего начальства. Все это не только придает коррумпированным организациям характер «бюрократических единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дистрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если человек делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы и т.д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» (Глинкина, 2010, с. 443).

Следует отметить и то, что в отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматрива-

ется как благодарность (Журавлев, Юренич, 2014а, б, 2015; Соснин, 2014; Соснин, Журавлев, 2013а; Нестия, 2014; Юренич, Журавлев, 2012, 2013, 2014). Еще с советских времен у нас принято считать, что некоторые виды услуг предполагают выражение благодарности, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, хотя оказывающие такие услуги должны это делать бесплатно. Скажем, многие считают просто неприличным прийти, например, к врачу поликлиники без подарка. Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются *добровольно*, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны – просто потому, что «так принято». (Вспоминаются слова из «Песенки про Черного Кота» Б. Окуджавы: «Каждый сам ему выносит / И спасибо говорит».) И неудивительно, что основная часть коррупционного оборота приходится в нашей стране не на долю постоянно критикуемых чиновников, а на представителей таких профессиональных групп, как врачи, учителя, таможенники, пожарные и т. п. Также подношения воспринимаются в нашей стране не как коррупционные, а как выражающие естественную человеческую благодарность, однако встречают полное непонимание в других культурах (так, добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой).

Многие из нас считают нормальным и обыденным то, что в западных странах расценивается как коррупционное преступление. Причем, как показывают социологические исследования, коррупционное предложение, т. е. количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает сейчас коррупционный спрос, т. е. количество случаев вымогательства (Алексеев, 2011).

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод: коррупция в России, особенно в современной, – «это больше, чем коррупция», даже при ее самом широком толковании в международных программах борьбы с ней. Она оценивается как наш образ жизни (Гудков, 2010). Возможно, это преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «коррупция в нашей стране образует давно укоренившуюся систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» (Диагностика российской коррупции..., 2001, с. 2).

Кроме того, наша страна испытывает воздействие общемировых закономерностей проявления коррупции. Так, например, доказано,

что уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм, которые еще не закреплены в законах, и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников (Huntington, 1968), поэтому, в частности, радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников рассматривается в качестве одного из главных направлений борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также анония, равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовый цинизм и утрата здравого смысла (Klitgaard, 1991). Коррупция связана с различными чертами национальной общественной жизни, например, с традицией дарить подарки (Aronvig, 1991; Arundhane, Tanjaha, Lemas, 1994), с такой характеристикой, как коллективизм-индивидуализм (LaPalombara, 1994), с особенностями религиозных конфессий (LaPorta et al., 1999) и с другими факторами. В результате «коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры» (Нестив, 2002).

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований социокультурной обусловленности коррупции (Журавлев, Юренич, 2010; Журавлев, Юренич, 2013). Высказывается, например, точка зрения, согласно которой «антикоррупционная этика базируется на определенном западноевропейском идеале» (Церковнич, 2012, с. 538), что подтверждается более низким уровнем коррупции в европейских странах по сравнению с неевропейскими¹. Вместе с тем следует подчеркнуть и опасность абсолютизации подобных позиций, ведь если уровень коррупции определяется некими особенностями национальной культуры, то попытки его снижения выглядят обреченными на провал. Существуют опровер-

1 В целом же по Индексу восприятия коррупции (ИВК) из 174 стран, для которых он рассчитывается, лишь 24 (14%) страны определяются как страны с низким уровнем коррупции, а для остальных она представляет серьезную проблему (Насионич, 2012). При этом и в странах с низким уровнем коррупции, например, в Швеции, с ней тоже далеко не все благополучно (см.: Церковнич, 2012). Отмечается, что «коррупция имеется во всех странах, но особенно она распространяется в государствах, где правовая система, средства массовой информации и государственное управление слабы и неразвиты» (Церковнич, 2012, с. 534).

жения таких представлений, состоящие в том, что, например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились одутихих успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм в данном плане внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переезжающие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия (Психологи изучали причины коррупции, 2011). Однако, возвращаясь в родные, высокор腐урированные страны, они снова берутся за старое – начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология человека, которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» (там же).

Социально-психологические факторы коррупции можно структурировать в системе трех основных компонентов, которыми являются: 1) коррупционер; 2) коррумпированный; 3) их окружение – косвенные участники коррупционных актов. Как отмечает Т. А. Нестик, «коррупция – это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон... эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой невидимого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» (Нестик, 2002, с. 2). Следует подчеркнуть, что традиционная трактовка коррупционных актов обычно игнорирует их прямую сторону, учитывая лишь коррумплируемого и коррумпированного, в результате чего за пределами анализа остаются важнейшие механизмы коррупции и соответствующие социально-психологические процессы. Как подчеркивает Л. В. Церкасевич, «в коррупцию вовлечены обе стороны, т. е. дающий и берущий, хотя обычно в фокусе внимания находится только берущий» (Церкасевич, 2012, с. 53).

Можно выделить и основные проблемы, возникающие в связи с социально-психологическим изучением коррупции. К их числу относятся: 1) макропсихологические факторы коррупции; 2) социально-психологические особенности коррупционеров; 3) социально-психологические характеристики коррумпированных; 4) социально-психологические факторы отношения к коррупции в обществе; 5) психологические меры противодействия коррупции; 6) психологический мониторинг антикоррупционных законов; 7) этнопсихологические типы коррупционного поведения; и др.

1.3. Социально-психологические исследования коррупции в России

Проблема коррупции получает освещение в современной российской социально-психологической литературе (Нестик, 2002; Нестик, Латов, 2002; Социально-психологические исследования..., 2010; Глявкина, 2010; Гаврина, Балахов, 2011; Гаврина, 2012; Журавлев, Юревич, 2012а, б, в; Соснин, 2014; Журавлев, Юревич, 2015; Китова, Егизов, 2015; Китова, Найманова, 2016; и др.).

К сожалению, социально-психологические исследования коррупции не имеют общей методологии и системного подхода к изучению проблемы. Они в основном основаны на аналитических соображениях авторов. Понятно, что эмпирические исследования проблемы коррупции исключительно затруднительны: коррупционер (потенциальный или реальный) независимо от своего ранга не склонен делиться с исследователем данными о своих коррупционных возможностях.

Социологи и особенно юристы в исследовании проблемы коррупции в России занимают ведущие позиции. Можно сослаться на базовый отчет Института ИСПИ РАН «Разработка научно обоснованных социологических параметров проявления коррупции» (2013): это современное исследование, содержащее анализ проблемы коррупции с позиций социологической науки, включает отдельные вопросы, относящиеся к социально-психологической проблематике и юриспруденции.

Социологи претендуют на анализ социально-психологических методов исследования коррупции (Климовицкий, Карпова, 2013). Понятно, что социологические и социально-психологические методы анализа (особенно опросные методики в области измерения параметров коррупции) и для социологов, и для психологов одинаковы. Но социально-психологические методы исследования имеют свои особенности и не могут сводиться только к опросам и аналитическим обобщениям статистической информации: они должны раскрывать самочувствие человека, его отношение к другим людям, характеризовать индивидуальные и коллективные особенности восприятия и оценки коррупционных явлений. Таким образом, психолог не может ограничиться фиксированием особенностей коррупционного поведения больших и малых групп, ему нужны дополнительные методики для исследования психологических особенностей влияния коррупции на отдельных людей, группы и общество в целом.

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных, соседствуя с такими государствами, как Бенин, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем еще в 2000 г. наша страна находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Объем коррупционных сделок увеличился в России с 40 млрд долл. в 2001 г. до 300 млрд долл. в 2006 г. (Глинкина, 2010). Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долл., средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10% от стоимости заказа, в середине 2000-х годов – 30%, в конце же 2000-х – до 70% (Александров, 2011). А в 2011 г., по данным МВД, в нашей стране было совершено 26000000 (!) коррупционных актов. По данным Следственного комитета, в нашей стране совершается 14 млн. коррупционных преступлений в год, оборот взяток и откатов составляет 480 млрд долл. Почти 90% российских бизнесменов не верят, что свое дело в нашей стране можно вести без коррупционных связей. К Антикоррупционной хартии, принятой в 2012 г., присоединились только 400 представителей бизнеса и госкорпораций (Гевинка, 2014). Опросы ВЦИОМ показывают, что, по мнению 80% россиян, уровень коррупции в нашей стране, несмотря на все принимаемые меры, остается высоким (Оберемко, 2014).

При этом, если верить СМ/ИК, в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект». Отечественная рыночная экономика – самая «рыночная» в мире в том печальном смысле, что у нас продается многое: не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, знания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и т. д. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», – отмечает С. П. Глинкина (Глинкина, 2010, с. 236). Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе (Цепляев, Пивоварова, 2011, с. 4), говорится о том, что коррупционные доходы депутатов в 15–20 раз превышают их официальные заработки (Диагностика российской коррупции..., 2000). Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» (Глинкина, 2010) и т. п., причем на подобные темы зубанкуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае в среде журналистов.

Все чаще звучат утверждения: «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» (Болдырев, 2010, с. 460), «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» (Глишнина, 2010, с. 444), «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является самым массовым» (Диагностика российской коррупции..., 2001), «Коррупция для России страшнее НАТО» (Гудков, 2010) и др. Анкетные опросы показывают, что первейшим условием модернизации страны наши сограждане считают жесткую и эффективную борьбу с коррупцией (Мореева, 2012).

В психологии русского народа (как русского – основного этноса России, – так и других традиционных национальностей страны) есть внутренние факторы, связанные с культурно-психологическими традициями отношения к преступлениям и коррупции. О них говорится подробнее в различных разделах данной монографии и в ряде социально-психологических исследований коррупции у других авторов (см., например: Журавлев, Юренич, 2012). Однако попытаемся рассмотреть их здесь более системно.

Конечно же, психологические проблемы, присущие нашей культурной традиции в отношении к преступлениям вообще и к коррупции в частности, независимо от влияния Запада, существуют (Решетников, 2008; Максимцев, Локшина, Бахрах, 2011, с. 26–33). Одна из них – преобладание в психологии русского народа неформальных отношений над формальными. Это, в частности, проблема кадровых назначений по принципу родственных и личных связей, свойственная и другим национальностям России (например, проживающим в регионе Северного Кавказа).

Кроме этого, в нашей культурной традиции нет особого разграничения понятий «взятка» и «благодарность». Неспособность отблагодарить госслужащего, врача или сантехника за получение услуги трактуется подчас как проявление неуважения к нему; в современной же законодательной практике – это взятка, за которую могут посадить. Соотношение берущих и дающих взятки склоняется не в пользу первых, т.е. взятку в России просят в 5 раз меньше, чем ее предлагают (Журавлев, Юренич, 2012). В нашем обществе считается, что лучше дать взятку, чем бороться с коррупцией, и это мнение, на наш взгляд, соответствует социокультурному архетипу русского человека, хотя и многие условия в современной России также способствуют сохранению такой тенденции.

В этой связи возникает вопрос: почему российский народ в целом так стал подвержен коррупции в современных условиях? Конечно,

находящаяся причина – смена социально-политической системы государственного устройства, а в этой связи – коррупция в высших эшелонах власти, которая заразительна. Но остается базовый вопрос: почему население страны так поддавалось на меркантильную ориентацию в своей жизни? Это же нельзя объяснить только влиянием Запада.

Приходится констатировать следующее: в нашем культурном архетипе как цивилизации есть базовые причины склонности и к преступлению в целом, и к преступлению в сфере коррупции. Эти aberrации в психологии нашего народа, несомненно, требуют своей коррекции, в том числе и проведения целенаправленной политики со стороны властных структур (Журавлев, Юревич, 2012).

Не будем перечислять рекомендации социальных психологов по борьбе с коррупцией: проблематику пропаганды в СМИ против коррупции, изменение отношения российского населения к данной проблеме (это, как представляется, объективное требование). Отметим только один вариант борьбы с коррупцией в стране.

В психологии русского народа (да и других национальностей России) доноительство осуждается в целом в соответствии с нашим культурным архетипом. Истоки такого отношения могут быть связаны со «сталинскими временами», с «тайными осведомителями» советской власти (порождавшими всеобщее недоверие и взаимную подозрительность) или провоцироваться недоверием власти. Одним словом, с этим феноменом полезно разобраться подробнее. В западных странах сообщение о клятве – не доноительство, а обязанность человека выносить правосудие. Если гражданин видит что-то противоправное в поведении людей, он не только имеет право, но обязан обратиться в правоохранительные структуры (достаточно подать анонимное заявление). На всех стендах правоохранительных структур присутствует подробная информация – куда, как, к кому обратиться (с указанием телефонов).

Совсем иначе дело обстоит в современной России: человек, который хочет заявить о неблагоприятной ситуации, должен пройти длительную процедуру представления заявления в правоохранительные структуры с обязательным указанием своих установочных данных. Кроме этого, заявитель не знает, предъявит или не предъявит правоохранительные органы его заявление коррупционеру, который может предпринять жесткие контрдействия в отношении заявителя. Все это позволяет утверждать, что психологические аспекты противодействия коррупции мало исследованы как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, что оказывает негативное влия-

ние на эффективность антикоррупционной политики государства, реализуемую полномочными органами.

Известный русский философ и мыслитель XX в. Н. О. Лосский в работе «Характер русского народа» (Лосский, 1957) проводит мысль о том, что русский человек не делает различия между понятиями «доносительство» и «гражданская ответственность»; он в принципе отвергает участие человека в предотвращении преступлений, даже если они совершаются на его глазах. Но эту черту характера русского человека нельзя признать императивно правильной, поскольку участие в социальной жизни должно подразумевать и его активность для сохранения социального порядка в обществе. Конечно, русский человек понимает, что такое «доносительство», а что такое «гражданская ответственность», просто у него нет положительного исторического опыта в этом отношении. К данной проблеме в плане идеологической (или шире – информационной) политики следует относиться исключительно осторожно. Но в целом этот аспект культурного архаизма русского человека в современных условиях необходимо изменять, о чем говорят многие исследователи (Лосский, 1957; Федотов, 2013).

В этой связи представим рассуждения цитированного выше А. Федотова (Федотов, 2013), которые как бы «подтверждают» вышеприведенные позиции в отношении «отсталой архаичной цивилизации», к которой принадлежит, по его мнению, Россия. Он утверждает, опираясь на рассуждения С. Хантингтона, что нашей стране нужно стремиться к ценностям передового Запада: «Во-первых, модернизация связана с изменением базовых ценностей общества... она означает постепенное приятие группами... универсальных норм, ориентированных на успех, формирование лояльности индивиду нации-государству и на идентификации с ним, а также распространение представления о том, что граждане имеют равные права и равные обязанности по отношению к государству» (Хантингтон, 2004, с. 76).

Автор показывает, что эти нормы сначала принимают студенты, офицеры, выезжающие за рубеж граждане. Они начинают оценивать свое общество, исходя из них (подразумевается – норм западной цивилизации), и так постепенно традиционные нормы перестают быть общепринятыми.

В связи с этим Хантингтон считает коррупционное поведение в mentioned обществах лишь отчасти является отклонением от традиционных норм (норм поддержания социальных связей), и в большей мере – отклонением от формирующихся новых (демократических) норм поведения.

Даже Хантингтон, рассуждая о процессах демократизации в меняющихся обществах, говорит о метаморфах трансформации общественных ценностей. В частности, автор отмечает, что ставится под сомнение прежние культурные стандарты, формулируются вопросы, способствующие размышлению легитимности традиционных ценностей. Конфликт между формирующимися современными ценностями капиталистического уклада жизни и традиционными нормами в меняющихся обществах открывает для индивидов возможность действовать противоразно, отталкиваясь от новых, зарождающихся концепций противодействия традиционализму. Новые стандарты приводят, по его мнению, прежде всего «к осуждению традиционных форм поведения... и осуждению по меньшей мере некоторых из них как противозаконных» (там же).

Иначе говоря, «коррупцию в модернизирующемся мире можно рассматривать как отклонение (девиацию) от традиционных норм и личностном развитии индивида, в том числе и в его профессиональной деятельности», и как перевод к новому качеству отношений (там же). В «подобных исторических условиях, свойственных переходу от „традиционности“ к „современности“, коррупцию нельзя считать абсолютным злом». Напротив, доказывает автор, коррупция выполняет социальную функцию поддержки демократических преобразований. А излишняя борьба с ней (нагнетание антикоррупционных общественных настроений, например) в модернизирующихся обществах может привести больше вреда, чем собственно коррупция. Таковы позиция западного общества и наших либералов: коррупция служит механизмом революционного (бескровного) перехода от традиционных культур¹ к демократическим (современным).

Но, по наш взгляд, это не означает, что коррупция в современной России является продуктом ее следования ценностям демократического (западного) мироустройства. Нам нужно скорректировать нашу политику в отношении борьбы с преступлениями, включая коррупцию, независимо от наших социокультурных предпочтений и традиций (делать подарки, например). Необходимо активнее привлечение населения к борьбе с преступлениями вообще и с коррупцией в частности, которое может существенно помочь в противостоянии этому злу:

- 1 Традиционная культура представляет собой устойчивую, подлинную культуру, характерной особенностью которой является то, что происходящее в ней изменения совершаются очень медленно и поэтому практически не фиксируются ее коллективным сознанием.

Для подтверждения приведенных выше рассуждений обратимся к работам российских ученых.

В монографии В. М. Познякова представлено исследование коррупции в сфере образования: «Согласно общероссийскому Верховным Судом РФ рейтингу профессий в 2008 г. на третьем месте среди осужденных за взятку оказались преподаватели образовательных учреждений» (Позняков, 2012, с. 26). Опросы общественного мнения свидетельствуют, что 83% родителей считают необходимым для своих детей получение высшего образования. При этом 75% готовы пойти на материальные траты, исключая коррупционные, и 65% из них считают, что это им по карману.

Коррупция в образовательной сфере стала обычной (там же, с. 27; Зерков, 2013). Признается, что «коррупция в сфере образования есть следствие падения нравов в обществе и подмены реальных ценностей мнимыми» (Лемуткина, 2007). В выводах В. М. Позняков отмечает «крайне низкую правовую культуру граждан и наличие стереотипов обыденности элитничества в высшей школе... ради мощничества» (Позняков, 2012, с. 30; Цагикян, 2005). Автор приходит к выводу: коррупцию в сфере образования следует рассматривать не только как недостатки системы образования в стране, но и как «условие блокирования развития нравственной культуры у подрастающего поколения» (там же, с. 31). Краткий анализ этой работы – пример того, что социально-культурная специфика отношения к коррупции у российских граждан имеет свои внутренние детерминанты, независимо от внешних влияний.

В другой работе рассмотрен вопрос противодействия коррупции в правоохранительных органах России на примере одной из правоохранительных структур (Ананьев, 2010, с. 164–181). Нет возможности останавливаться подробно на содержании статьи, но основной вывод автора однозначен: в правоохранительных органах России в отношении к коррупции есть своя национальная специфика и ее необходимо обсуждать.

А. Лифшиц, отвечая на вопрос одной из московских газет, говорил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подорвать экономические реформы (Глинкина, 2010, с. 427–455). Сходные позиции высказывали А. Чубайс и Г. Попов. Нет смысла продолжать иллюстрация.

В целом можно сказать, что проблема коррупции в России не только экономическая, не только социально-психологическая,

Это и проблема внутренних психологических особенностей и ориентаций российского человека, связанная с его социокультурным архетипом. С государственно-чиновнических позиций нам необходимо с критической долей ответственности понимать недостатки нашего национального характера и менталитета и не списывать все на «козла» Запада.

В заключение можно сделать ряд обобщающих выводов.

Введение конфискации имущества коррупционеров в России – вопрос, который давно назрел для обсуждения и на уровне общества, и политической воли властных структур. Конечно, обсуждение его на уровне общенационального референдума в стране фактически крайне затруднительно, учитывая российские законы. Население страны само по себе не может ничего изменить. Народ оторван от политикой властных структур. Поэтому рационально было бы властным структурам передать данный вопрос для анализа и обсуждения представителям общественных наук, чтобы вскоре получить обратную связь как обобщенное мнение общества – и на этой основе сделать выводы для политических действий.

В послании Президента Владимира Путина Федеральному собранию страны 2012 г. (Послание..., 2012) содержалось много позитивных идей в отношении развития страны в глобальном противостоянии вызовам кризисного развития современной цивилизации, включая проблему коррупции в стране. Была заявлена позиция необходимости декларации не только доходов, но и расходов госчиновников и их близких родственников. Введены юридические ограничения поведения для госслужащих властных структур государства. Даны права прокуратуре обращаться в суд для рассмотрения вопроса об изъятии имущества госслужащих, которые не смогли подтвердить его приобретение, исходя из своих доходов.

Властные структуры государства объективно понимают, заявляя о приверженности национальным интересам России, на что они должны ориентироваться в грядущих катаклизмах развития мировой цивилизации. Они в принципе понимают, что делать для управления общественным сознанием и поведением больших масс населения своей страны. Эти технологии управления общественным сознанием и поведением народа существуют (Журавлев, Нестин, Соснин, 2012а, б; Гранев, 2004; Соснин, 2012а; и др.). Их нужно использовать на благо страны и народа. Все зависит от политической воли руководителей России.

1.3. Зарубежные социально-психологические исследования коррупции

Разделить исследования коррупции в зарубежных социогуманитарных науках строго на социально-психологические, экономические, юридическо-правовые и т.д. достаточно затруднительно. И это вполне объяснимо, поскольку основная ориентация таких исследований в западной цивилизационной идейной парадигме – чисто прагматическая.

Но это не означает, что в зарубежных социогуманитарных науках нет исследований, анализирующих коррупцию (и базовые фундаментальные факторы) как социополитическую проблему цивилизации. Их число значительно (Campora, Pradham, 2007; Roebert, 2009; Girling, Girling, 1997; Cockcroft, 2012; Bull, Newell, 2003; Kotkin, Sajó, 2006; Johnson, 2005; Rose-Ackerman, 2007; Fletcher, Hettmann, 2012; Srestos, 2005; и др.). Сделаем краткий обзор некоторых работ.

Западные исследователи, как и отечественные, понимают, что коррупция возникает из столкновения потребностей бизнеса и потребностей государства, и именно в этом кроется главное объективное противоречие в решении проблемы коррупции. Так, Лауренс Кокрофт (Cockcroft, 2012) утверждает, что коррупция играет главную роль в определении современного состояния мира: от массовой бедности в развивающихся странах до разрушения естественных ресурсов и до эрозии доверия политическим партиям. Автор утверждает, что коррупцию можно рассматривать как результат взаимодействия элит. Он показывает, как рост коррупции обуславливается и детерминирован глобализацией и «оффшоризацией» финансовых рынков. Предлагаются способы решения проблем коррупции, включая контроль за «оффшорными схемами».

Роберт Ротберг (Roebert, 2009), ссылаясь на важность проблемы коррупции в таких сферах, как распространение ядерного оружия и терроризм, предлагает следующие меры противодействия: позитивное лидерство, более открытую транспарентность взаимодействий (видимо, подразумеваемая под этим равные права конфликтующих сторон при разрешении конфликтов), более жесткие законодательные наказания и санкции. С такими рекомендациями солидаризируются и отечественные исследователи, включая и социальных психологов.

В исследовании М. Джонсона (Johnson, 2005) анализируется проблема роли гражданского общества в контроле над коррупцией. Утверждается, что гражданские сообщества в одних государствах

слабы, в других разрознены, а в иных недемократические режимы доминируют и подавляют активность гражданского общества в целом. Работа имеет три раздела. В первом коррупция рассматривается как факт повседневной жизни, во втором анализируются техники мотивации и мобилизации гражданского общества в борьбе с коррупцией, в третьем даются рекомендации в отношении ресурсов противодействия коррупции.

Понимю труды М. Джонсона, теме роли гражданского общества в борьбе с коррупцией посвящены многие работы западных и отечественных исследователей (Campos, Pradham, 2007; Girling, Girling, 1997; Ball, Newell, 2001; Korkin, Sajó, 2002; Werve, 2006; Fletcher, Heitmann, 2012; Spector, 2005; et al.).

Представляет также интерес сборник статей западных авторов под редакцией С. Роуз-Аккерман «Международное пособие по экономике коррупции» (International..., 2007). В работе предлагается исчерпывающая оценка экономических параметров инфраструктуры коррупции. Опуская рассмотрение экономического анализа, подчеркнем, что в сборнике работ акцент сделан на микроанализ для политики и оценки противодействия коррупции, подчеркнута необходимость проведения социальными психологами контролируемых экспериментов (хотя в работе не раскрывается их специфика).

В целом нужно подчеркнуть, что западной исследовательской литературе очень много работ «общего плана» (Preston, Sampford, Connors, 2002; Seniot, 2006; Spector, 2005; Fletcher, Heitmann, 2012; et al.).

Основное внимание уделаю работам, связанным с социально-психологическими проблемами исследования коррупции. Это, прежде всего, исследования проблематики коррупции в сфере организационной психологии, а также – социально-психологические исследования проблем измерения коррупции.

Прежде всего необходимо отметить, что в отечественной социальной психологии, особенно в организационной, анализа коррупции (в теоретического, и эмпирического, за исключением отдельных работ) почти не проводится. Представим краткий обзор исследований проблематики коррупции в работах западных социальных психологов в сфере организационной психологии.

В работе «Темная сторона власти: предпосылки, механизмы и последствия организационной коррупции» анализируется состояние коррупции в Америке и во всем мире, в том числе и ее разрушительные последствия для социальной структуры общества в целом (Ruth V. Aguilera R., Vadera K., 2008). В статье рассмотрены типы

коррупционного поведения в бизнесе. Эти стратегии не сильно отличаются от стратегий, обсужденных выше в отечественной практике взаимоотношений государства и бизнеса. В заключение авторы предлагают ряд соображений для дальнейших исследований коррупции в организационной психологии. Во-первых, они говорят о необходимости участия в возникающем коррупционном разбирательстве независимых общественных организаций – аудиторских фирм, агентств по ранжированию индекса престижности корпораций, и призывают изучать их влияние на политику и деятельность руководства корпораций. Во-вторых, что очень важно, – авторы заявляют о необходимости эмпирических исследований, подтверждающих (или опровергающих) доминантные типы поведения представителей руководства организаций в коррупционных взаимоотношениях. Это, по их мнению, можно делать, исходя из психологических переменных: типа легитимации власти в корпорациях, типов «руководства-подчинения», типа структуры административного аппарата корпорации и типа реализации власти руководством корпорации. В-третьих, авторы акцентируют внимание на том, что есть масса ситуационных переменных (институциональные нормы, неопределенность окружающей среды, социальные и экономические факторы), которые необходимо учитывать в анализе коррупции. С этими рекомендациями западных психологов можно согласиться.

Дж. Пинто, К. Леанан и Ф. Пил в работе «Коррумпированные организации или организации коррумпированных индивидов? Два типа организационной коррупции» (Pinto, Leanan, Pil, 2008) начинают анализ с выводов, которые не являются оригинальными: коррупция – неотъемлемая черта человеческого сообщества, начиная с древних времен. В современной ситуации, утверждают авторы, коррупция и ее вариации следуются рядом дисциплин, включая психологию, социологию, экономику, юриспруденцию и политологию. Традиция каждой дисциплины стремится исследовать коррупцию на своем уровне анализа, с чем трудно не согласиться. Авторы же предлагают мультиуровневый подход к анализу организационной коррупции. Делается акцент на двух базовых параметрах (переменных) коррупции в организациях: 1) получают выгоду от коррупционной активности либо отдельный индивид, либо организация в целом; 2) коррупционное поведение в организации осуществляется либо индивидуальным (одним) субъектом, либо несколькими. Авторы используют названные переменные, чтобы определить новый тип коррупции на организационном уровне, обозначивший

как «организация коррумпированных индивидов». Они составляют свою концепцию с преобладающей концепцией организационной коррупции и развивают положения, которые обосновывают различия.

Представляет интерес исследование Т. Рабл и Т. М. Кюльманна «Понимание коррупции в организациях – динамика и эмпирическая оценка модели действия» (Rabl, Kuhlmann, 2008). В работе проанализированы связи мотиваций, эмоциональных и когнитивных параметров поведения коррупционера, которые обуславливают принятие им коррупционных решений, однако не раскрывается основа психологической мотивации таких решений человека. Основываясь на своих рассуждениях, авторы предлагают ряд мер противодействия коррупции и обозначают перспективы исследования проблемы. Они говорят о пользе «перекрестной» проверки различных подходов, таких как качественные интервью с реальными коррупционерами (хорошая рекомендация, но насколько реально ее осуществить практически?), рекомендуют использовать для опросов студентов вузов, т. е. они «будущие руководители компаний и будущие лидеры бизнеса».

В исследовании «Спираль коррупции: динамический анализ процессов социальной идентичности, обуславливающих рост коррупции в организациях» (Nieuwenoe, Karsela, 2008) авторы пытаются объяснить причины роста коррупции в организациях. Сформулирована трехкомпонентная модель анализа коррупции.

В исследовании С. Зиглидопулоса, П. Флеминга, С. Розенберга и К. Стелкоса «Рационализация, сверхкомпенсация и эскалация коррупции в организациях» (Zyglidopoulos, Fleming, Rothenberg, Stelicos, 2009) рассматривается этическая проблема – как (и почему) законопослушные индивиды принимают решение участвовать в коррупционной активности? Ключевым концептом в этом объяснении является механизм рационализации, хорошо изученный в социальной психологии. Он используется человеком в разных жизненных ситуациях для оправдания своего, скажем так, не вполне нравственного поведения, в том числе и коррупционных действий (как своих, так и других людей). Авторы считают, что механизм рационализации зачастую является механизмом сверхкомпенсации коррупционных действий индивида, поддерживающим психологически и более серьезные акты коррупции. В работе приводится типология такого коррупционного поведения и делается вывод, что этот разрыв между действием и его рационализацией может объяснить, почему коррупция так часто «эскалирует» в современных организациях

(как рациональное психологическое объяснение механизма «оправдания» коррупционного поведения). Надо сказать, что в отечественных социально-психологических исследованиях данная проблематика также анализируется (Гаврина, 2012; и др.).

В исследовании Дж. Д. Коллинза, К. Уленбрука и П. Родригеса «Почему фирмы участвуют в коррупции: перспектива высшего руководства» (Collins, Uhlenbruck, Rodriguez, 2009) авторы для анализа приводят статистические данные участия руководства бизнес-корпораций в коррупционной деятельности. Исследовав более трехсот бизнес-организаций в Индии, они обнаружили, что более всего подвержены коррупции те из них, руководители которых имеют социальные связи с государственными служащими страны (на разных уровнях государственного управления). Официальные представители этих фирм оказались наиболее подвержены выстраиванию коррупционных взаимоотношений с властными структурами для воздействия на конкурирующих игроков в бизнесе. Результаты исследования подтверждают значительность социальных связей бизнеса с госструктурами и коррупционную активность бизнес-корпораций. По-видимому, эта проблема общая как для отечественных представителей бизнеса и государства в их взаимоотношениях, так и для западных. Авторы не делают выводов, но они напрашиваются сами собой: необходимы более жесткий контроль государства и более суровые законодательные меры для коррупционеров – как руководителей компаний, так и госслужащих.

Представляет интерес работа «Неоднозначности в понимании коррупции у французов: параллельные определения» (Lacombe, Thomas-Nanto, 2008). Авторы предлагают новые эмпирические свидетельства в обсуждении «серой зоны» социальной трактовки коррупции. Основываясь на противоречивости отношения французов к проблеме политической коррупции, они попытались выделить ситуации, дающие основу противоречиям при определении коррупционного поведения. Исследователи утверждают, что есть типы социального поведения, которые люди сознательно воспринимают и осмысливают как девиантные (незаконные), но не обязательно наказуемые, поскольку они совместимы с их ценностями и поведенческими нормами по категории «*gratu favoriât*» (т. е. легкое (приятное) нарушение закона), не несущее значительных отрицательных последствий. Проведен анализ данных национального опроса февраля 2006 г. Выявлены четыре типа отношения граждан к политикам и к их коррумпированности. Первые два (50,5%) – согласно с нормативными требованиями государства в отношении

к коррупции (нужно жестко наказывать коррупционеров законодательно); другие два типа (49,5%) характеризуются противоположными установками и формами отношения к коррупции (являются сторонниками нежесткого наказания коррупционеров). Данные результаты полезно сопоставить с результатами отечественных исследований отношения граждан России к проблеме коррупции в стране (Соснин, 2014; и др.).

В работе Т. Раби «Влияние ситуационных параметров на коррупцию в организациях» (Rabi, 2011) сделан акцент на редко эмпирически исследуемые факторы – размер «общины», «время существования бизнес-организации». Для проверки влияния этих параметров на коррупцию автор использовал экспериментальную ситуацию. Для предотвращения коррупции в бизнес-организациях он предлагает использовать идеологию антикоррупционной политики (Gordon, Miyake, 2001) в форме этических кодов (Karteln, Schwartz, 2008). Эти данные хорошо согласуются с исследованием С. А. Морриса с коллегами (Morris, Rehfeldt, Holmquist, Aguiarson, 1995). Они показали, что этическая ориентация руководящих менеджеров современных компаний (и отечественных, и международных) скорее подтверждает их приверженность к коррупции (исходя из базового принципа бизнеса – как можно больше прибыли для себя), чем приверженность к следованию законодательным нормам государства. В этом и есть принципиальное противоречие бизнеса и государства в условиях капиталистического устройства общества.

В работе «Моральные сдвиги и коррупция в условиях государства Уганды» (Meeg et al., 2013) анализируется взаимосвязь между моральными ценностями общества и коррупцией в публичных отношениях. В исследовании используются данные анализа опросов 474-х полномочных представителей государственных органов страны в отношении их установок к коррупции. Работа, по мнению автора, дает ориентации для противодействия коррупции. Данное исследование, как представляется, неплохо согласуется с духовно-нравственными позициями понимания коррупции, изложенными выше.

Итак, исследования коррупции представителями западной организационной психологии исключительно важны для понимания мотивационных оснований и причин коррупционного поведения. К тому же, западные социальные науки предлагают разные механизмы противодействия коррупции, – не только в сфере организационной психологии, но и в целом.

1. Коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое системно организованное социальное явление, имеющее экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие. Присутствует в коррупции и психологическая составляющая, которая имеет самостоятельное значение и, будучи органически включенной в перечисленные (социальную, управленческую, этическую и др.), позволяет говорить о формировании новой области психологического исследования.

Можно выделить следующие основные направления социально-психологического исследования коррупции: макропсихологические факторы коррупции; социально-психологические особенности коррупционеров; социально-психологические характеристики коррумпированных; социально-психологические факторы отношения к коррупции в обществе; психологические меры противодействия коррупции; психологический мониторинг антикоррупционных законов; этнопсихологические типы коррупционного поведения и некоторые другие.

2. Проблема коррупции в России связана как с экономико-правовыми факторами, так и с психологическими, отражающими культуру-обусловленные традиции народа. В частности, можно выделить такие массовые психологические явления, как преобладавшие неформальных отношений над формальными, предпочтение быстрого решения проблем посредством клятки изнурительной борьбе с коррупцией, осуждение «донесительства» как отрицательного качества личности и т.д.

Как показывает системный анализ проблемы, исследование психологических проблем коррупции получает широкое освещение в современной российской социально-психологической литературе (Ю. Ю. Балдырев, Е. Е. Гашрина, А. А. Грачев, А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, С. В. Климовицкий, С. Г. Карпова, И. А. Максимов, Т. А. Нестях, В. А. Соснин, А. В. Юренич и др.). Вместе с тем, современные исследования не имеют общей методологии, страдают отсутствием системного подхода к изучению проблемы и очень часто основаны лишь на аналитических соображениях авторов.

3. В зарубежных социогуманитарных науках признаются факторы коррупции, которые предопределяют современное состояние мира (начиная от массовой бедности до эрозии доверия политическим партиями). Тем не менее, разделить узко прагматические

исследования коррупции в зарубежных исследованиях строго по социально-психологические и иные (экономические, политические, правовые) достаточно затруднительно. Ближе всего связаны с социально-психологическими проблемами исследования коррупции в сфере организационной психологии. Среди них можно выделить следующие направления: индивидуальные и групповые типы коррупционного поведения; влияние психологических особенностей личности на поведение коррупционера; анализ психологических причин «роста коррупции»; склонность к коррупционному поведению; особенности коррумпированности руководства бизнес-корпораций; противоречивость определения коррупционного поведения; взаимовлияние моральных ценностей общества и коррупция.

4. Отечественные и зарубежные социальные психологи активно проводят как теоретические, так и эмпирические исследования коррупции, но из методологическая разрозненность не позволяет выделить единые основания для системного анализа проблемы и требует научного поиска концептуальных оснований и конкретного научного инструментария для комплексного исследования коррупции в современных социально-экономических условиях.

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2.1. Методология исследования коррупции: становление проблемы

Макропсихология – относительно новая область психологической науки, особенно в анализе социально-психологической проблематики, ряда базовых явлений общества. Относительность ее новизны связана, в частности, с тем, что анализ некоторых макропсихологических проблем производился еще основателями социальной психологии и психологической науки в целом (Г. Ле-Бонем, Г. Тардом, В. Вундтом и др.) (Макропсихология..., 2009). Макропсихология изучает социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества, его социальное самочувствие, базовые проблемы безопасности (например, проблема коррупции, наркомании в обществе и ряд других). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, то макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом. Именно поэтому исследование проблемы коррупции ведется в контексте проблемы эффективного функционирования государства – в политической, социально-экономической, административной и правовой сферах.

Объективно коррупция как комплексный феномен – это взаимодействие, включающее как минимум трех субъектов процесса: «На макросоциологическом уровне эти стороны представляемы бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – госчиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» (Нестик, 2002, с. 82). Макропсихологи-

ческий подход к анализу проблемы коррупции предполагает анализ ряда социально-политических, экономических и духовно-культурных вопросов развития страны, которые как базовые факторы являются основой сохранения безопасности государства, определяют его политику как субъекта истории и, естественно, детерминируют тему коррупции в нашем государстве, в том числе – в социально-психологическом аспекте.

Доклад о ситуации с коррупцией в мире публикуется ежегодно с 1995 г. Рейтинг, составленный организацией Transparency International, включает 178 стран. Он показывает результаты измерения уровня восприятия коррупции в государственном секторе страны и основывается на данных опросов, проведенных среди экспертов и в деловых кругах этой страны, отражая их мнение об уровне коррупции в государственных структурах. Индекс восприятия коррупции (ИВК) является самым распространенным международным критерием оценки коррупции. По сравнению с прошлым годом, Россия, занимавшая 146-е место, сейчас опустилась на 8 позиций. По оценке Transparency International, ухудшению российских показателей способствовали отсутствие надлежащего контроля за доходами высокопоставленных чиновников, «дело Магнитского», коррупционные скандалы, – в частности, дело компании Daimler. Странами с более низким уровнем коррупции, чем в России, называются также государства, как Иран, Зимбабве и Мексика. Тройку дутсайдеров, согласно этому докладу, представляют Ирак, Афганистан и Сомали. Наименее коррумпированными странами мира признаны Дания, Новая Зеландия и Сингапур. Они возглавляют рейтинг – 4–5-е места делят Финляндия и Швеция. На 6-м – Канада, на 7-м – Нидерланды. Далее идут Австралия, Швейцария и Норвегия. Средний размер взятки в России с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долларов. Средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10% от стоимости заказа, в середине 2000-х – 30%, в конце же 2000-х – до 70%. В 2011 г., по данным МВД, в нашей стране было совершено 28 млн (!) коррупционных актов. При этом в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект» (Журавлев, Юревич, 2012).

О проблеме коррупции в России сейчас много говорят и властные структуры, и СМИ. Нет смысла приводить здесь многочисленные возмущенные публикации, относящиеся к коррупционным скандалам в стране. Это преступления в Министерстве обороны, в Министерстве сельского хозяйства, в науке, в спорте и других сферах

с многонациональными коррупционными схемами. Возникает ряд оправданных вопросов к властным структурам: ведь борьба с этой «заразой» является их прямой задачей.

Следует подчеркивать необходимость реформирования отношения населения к проблеме коррупции с нейтрально-снижающего на отрицательное, проведения массовых пропагандистских кампаний в СМИ (Психологическое воздействие..., 2012, 2014; Павлова, Журавлев, 2007). Можно приветствовать и внедрение в практику противодействия коррупции методов профессиональной оценки людей на основе полиграфа (Журавлев, Юревич, 2012). Но в целом проблему коррупции нельзя отрывать от фундаментальных проблем борьбы с коррупцией – от анализа коррупционных связей власти и бизнеса, от исследования правовых аспектов этой проблематики. Естественно, выявление подобных базовых связей с социально-психологическими проблемами коррупция – сложная задача для социальных психологов, ждущая своего анализа. Наметим лишь ряд возможных векторов будущих исследований:

1. Исследование социально-психологической проблематики коррупции как системного феномена, способного оказать существенное влияние на эффективность функционирования экономики, политической и законодательной систем государства (как способа повышения институциональной и социальной эффективности государства). При этом особое внимание должно быть обращено на социально-психологические последствия коррупции для человека и общества.
2. Исследование коррупционных стратегий взаимодействия власти и бизнеса с учетом специфики социально-экономической политики государства (жесточеская политика, политика компромисса, социальная поддержка наименее обеспеченных слоев населения, ориентация на «мобилизацию» и «модернизацию» (Искупникова, 2010)). Выявление особенностей воздействия избранной социально-экономической политики государства на социально-психологическое самочувствие населения и на его отношение к коррупции.
3. Исследование социально-психологических последствий коррупции, выявление характерных особенностей отношения населения к современной политике и поиск психологических технологий сглаживания социально-психологических противоречий между населением, бизнесом и властью.
4. Разработка антикоррупционного законодательства с учетом психологических факторов.

Существует ряд сам коррупционных отношений, которые влекут за собой следующие негативные последствия: «*олигат государства*» (это корпоративные и индивидуальные стратегии ведения бизнеса, направленные на установление теневого контроля за принятием решений на высших уровнях власти) и «*олигат бизнеса*» (совокупность стратегий и тактик власти, с помощью которых власть в лице ее представителей или организаций стремится обеспечить себе теневой контроль над бизнесом с целью коллективного и/или индивидуального извлечения государственной или личной выгоды (там же).

Кроме того, в рамках этих базовых коррупционных стратегий существует и ряд промежуточных: *малая коррупция* (масса мелких взяток чиновников, которая образует значительный поток платежей, перераспределяющий доходы бедных и средних групп населения в рамках сложившейся системы отношений в пользу коррумпированных чиновников), *административная коррупция* (намеренное внесение искажений в процесс предписанного исполнения существующих законов, правил и регулирующих положений с целью предоставления преимуществ как государственным, так и негосударственным действующим лицам в результате незаконного и непрозрачного обеспечения личных выгод государственным чиновникам), *агрессивная административная коррупция* (охватывает деятельность среднего и крупного бизнеса и сферу государственных инвестиций). При этом побочным продуктом коррупции становится завышение стоимости проектов, чтобы коррупционная цепочка могла получить часть доходов даже в том случае, когда проект реализован успешно. Естественно, все эти коррупционные стратегии, как правильно утверждает Исправникова, существуют в рамках политики власти, которая весьма противоречива и включает в себя ряд плохо согласующихся тенденций.

В качестве примеров автор приводит ряд социально-психологических последствий, которые возникают при проведении такой политики. Например, стратегия «*институционального компромисса*» – это ситуация, когда власть и бизнес не противодействуют введению новой нормы закона, но проводят его деформацию. Когда власть не вписывается в законодательные рамки, она часто вынуждена в интересах выполнения своих функций предъявлять бизнесу требования, которые не могут быть оформлены в виде нормативных актов (например, просьбы о материальных инвестициях и т.д.). Какие коррупционные последствия возникают от таких отношений? Интерес бизнеса к достижению компромисса с властью имеет двоякий характер: с одной стороны, развитие бизнеса, с другой – предю-

ление препятствий, связанных с несовершенными законами. Поэтому в таких отношениях, как показывают исследования, существует два вида коррупции – «захват государства» и/или «захват бизнеса».

Другой пример – проведение политики «социального государства»: наращивание государственных расходов в социальном секторе, поддержка наименее обеспеченных слоев населения. Но в настоящее время, как утверждают специалисты, социально-экономическая система страны не в состоянии обеспечить финансовую базу для соблюдения конституционных прав граждан на бесплатное качественное здравоохранение, образование, на развитие науки и на доступные жилье, финансирование спорта, культурного досуга и т.д. В этой связи возникают широкие возможности для коррупционных стратегий в данных сферах. К примеру, в условиях дефицита бесплатных медикаментов врач при выдаче ограниченного количества лекарств может отдать предпочтение наиболее платежеспособному пациенту; недостаток мест в детских садах провоцирует родителей «вступить в конкурентную борьбу» за получение путевки в дошкольное учреждение и т.д.

Такие же коррупционные возможности возникают и при проведении политики «мобилизации», «модернизации» в условиях современной России (Исправникова, 2010).

Отечественный исследователь Л. Федотов, анализируя проблему коррупции в связи с проблемой модернизации России как «архаического традиционного общества», отставшего от развитых капиталистических стран, утверждает, что нам следует ориентироваться только на ценностные установки капиталистического общества как образца цивилизационного развития (Федотов, 2013). Однако он, пренебрежительно относясь к тысячелетней истории России «как к архаической отсталой цивилизации», не вполне понимает, что Россия – это не западный мир с его ценностями индивидуализма, примата личной жизни, а самостоятельная цивилизация. И копировать образцы противодействия коррупции в сфере модернизации, свойственные западной цивилизации, по меньшей мере, не совсем оправданно, хотя ряд волеизъявлений в борьбе с коррупцией нам можно у Запада и заимствовать.

В представленных выше соображениях были обозначены объективные параметры коррупции в стране, связанные с социально-экономической политикой государства. Поэтому для социальных психологов возникает и методологический, и практический вопрос: как эти параметры учесть и совместить в своих исследованиях феномена коррупции?

Проблему коррупции системно как научную и практическую проблему социальной психологии можно рассматривать с нескольких позиций: анализа социальных институтов общества; уровнневого подхода (личность, группа, общество); законодательно-правовой; с позиции социально-культурного и социально-психологического подходов. Но в реальном анализе проблемы коррупции эти позиции можно разделять аналитически и только условно.

Проблема коррупции непосредственно связана с проблемой безопасности государства. Если рассматривать вопрос в историческом плане, убеждаешься, что во всех государствах проблема коррупции в принципе решалась однозначно – от конфискации имущества коррупционеров в пользу государства вплоть до смертной казни. Так, в СССР коррупционер, «удерживаний» от государства порядка 100 тыс. рублей, был подвергнут смертной казни с конфискацией имущества.

У законодательного введения конфискации имущества коррупционерам в России есть и свои сторонники, и противники. Последние считают, что этот «отживший тоталитаризм» может привести при несовершенстве судебной системы в России к непоправимым ошибкам. Конечно, совершенствование судебной системы – одна из основных задач нашей современной юридической истории и практики. Однако проблема несовершенства судебных структур достаточно традиционна для любого государства, и, тем не менее, отказа от наказания преступников ни одно из них в истории в принципе не допускало. Противники конфискации имущества коррупционеров ставят в пример России «цивилизованную Европу», которая в целом отказалась от конфискации имущества коррупционеров и их смертной казни. Однако во многих штатах Америки конфискация имущества коррупционеров является законодательной практикой. Также дело обстоит и во всех странах Юго-Восточной Азии, включая Китай, и уровень коррупции в этих странах – один из самых низких в мире. Таким образом, оба аргумента противников наказания ни в коей мере не могут стать призывом к тому, чтобы дать законодательную свободу преступникам, включая коррупционеров.

Коррупция тесно связана с другими проблемами социальной и общественной жизни страны, – например, с проблемой миграции. В современной России нет последовательной политики контроля миграционных потоков в страну, нет законов о жестком уголовном наказании руководителей, использующих противозаконно нелегальных мигрантов из бывших советских республик (Соснин, 2012). Понятно, что необходимо ввести информационно-компьютерную систему единого учета пребывания мигрантов в стране. Это очень

затратная работа. И правоохранительные структуры «задираются» от отсутствия действенных законов в борьбе с нелегальной миграцией. По-видимому, в этой связи оправданно вводить визовую систему въезда граждан из бывших республик СССР в Россию.

Наблюдается связь проблемы коррупции с основными проблемами в сфере ЖКХ (Пирогов, 2014): с отсутствием единых законодательных нормативов оплаты за коммунальные услуги («дифференциацией по типам жилья в регионах и с коррекцией на инфляцию»), с отсутствием жестких уголовных наказаний руководителям управляющих компаний за преступления в этой сфере. Современные коррупционные схемы в ЖКХ – это «питательная почва» для наших коррупционеров (в том числе и для госслужащих) в получении многомиллионных неправоправных доходов. И «законодательно ломать» эти прибыльные преступные схемы никто не решается. Однако, на наш взгляд, данную проблему можно эффективно устранить, обратившись к опыту СССР: создать государственную корпорацию по услугам ЖКХ, доходы от деятельности которой будут идти не «в карман» управляющих компаний, а государству.

Особая проблема – коррупционные преступления сотрудников государственных служб (армия, ФСБ, МВД, прокуратура, суды и служащие государственных структур). Это базовые институты государства, которые сохраняют страну как субъект исторического процесса. И преступления сотрудников данных государственных структур наносят особый ущерб нормальному функционированию страны, создавая особую социальную напряженность в общественном сознании населения. Поэтому для таких преступлений необходимо вводить особое законодательство, более жесткое, в отличие от преступлений в других гражданских сферах социальной жизни: более суровые уголовные наказания, рассмотрение вопроса о возможности конфискации имущества, безусловный запрет для понесших наказание на последующую службу в государственных структурах. Однако в современной России эта проблематика на законодательном уровне вообще не обсуждается.

В работе отечественного психолога М. Решетникова (Решетников, 2008) проведен историко-психологический анализ мер и способов борьбы с коррупцией в российском государстве с XVI–XX вв. Рассмотрены экономические и социальные факторы, способствующие коррупции с позиций социально-культурного архетипа российской цивилизации. Анализируется опыт западных стран. Говорится о том, что «законодательство о государственной службе в развитых демократических странах содержит ряд предельно конкретных законов,

ограничений и предписаний. Но, как отмечают законодатели, эти меры становятся эффективными только при условии их строгого исполнения и постоянного внутреннего (со стороны самих чиновников) контроля... Например, в соответствии с декретом Президента США от 17 октября 1990 г. были введены в действие обязательные для всех чиновников исполнительной власти США общие принципы этического поведения членов правительства и госслужащих, включающие строгую регламентацию множества юридических и моральных норм поведения, обязательных как для чиновников высшего ранга, так и для рядовых госслужащих» (там же, с. 92–93).

Приведем еще одно важное соображение, выдвинутое автором, которое заслуживает внимания применительно к правовой практике обсуждаемой проблемы коррупции: «Принятие законов о государственной службе... а также жестких мер в отношении для всех властных персоналий... для высших должностных лиц не должно быть в их же сфере компетенции» (с. 98–99). В западных странах этот принцип жестко соблюдается. Далее автор утверждает: «У нас также есть подобные законодательные акты, например, Указ Президента РФ № 227 «О представлении лицами, занимающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» от 04.03.1998 г. Вопрос в том – как он выполняется?» (с. 100).

Дискуссия в российском обществе о том, что более жесткие законодательные меры в отношении коррупционеров будут непродуктивны и могут пострадать невинные, – это особый предмет полемики сторонников и противников их введения. Основной принцип решения, как представляется, состоит в том, что необходимо совершенствовать контроль государства за исполнением законов и думать больше не о благополучии преступников, а о благополучии нормальных граждан страны и о безопасности государства. В этом отношении социальные психологи не навязывают обществу введение конфискации имущества коррупционерам, а предлагают только обсудить этот вопрос на общегосударственном уровне.

1.2. Макросociологические подходы к исследованию коррупции

Одним из важных культурных факторов отношения к коррупции является религия. «При помощи статистических методов ряду исследователей удалось установить связь между иерархичностью преобладающей в стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран,

при котором контролировались прочие характеристики, показал, что страны с высоконерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) более подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (протестантизм)» (Нестик, 2002, с. 85). Эти результаты были подтверждены в последующих исследованиях на выборке из 114 государств (La Porta et al., 1997, p. 337; La Porta et al., 1999, p. 251–252).

Понятно, что данная проблематика «соприкасается» с более глобальными проблемами и формально выходит за рамки сферы анализа социальной психологии. Но с позиции макропсихологического подхода мы, как социальные психологи, обязаны ее также изучать, связывая социально-психологическую проблематику с социополитическими и культурными проблемами развития общества.

Проблема коррупции – это, конечно, одна из комплексных проблем развития нашего общества. Потому при анализе коррупции в нашей стране очень важно выявить тенденции развития современной цивилизации и предусмотреть вероятность их влияния на российскую действительность.

Современный мир, как утверждают многие аналитики, пребывает в состоянии «бифуркации». В частности, А. Г. Иванов отмечает, что «человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» (Россия в XXI веке, 2012, с. 5). Это означает, по крайней мере, столкновение двух цивилизационных парадигм мироустройства – западной индивидуалистической цивилизации и коллективистских культур, к которым принадлежит Россия. Не будем рассматривать проблему китайского «геополитического синдрома» как цивилизацию скорого доминирования в мире. Конечно, эта проблематика уже обозначалась в ряде источников (Соснин, Нестик, 2008; и др.).

Запад – это ориентация человека на конкуренцию, на личную выгоду, на использование всех возможностей (в том числе и коррупционных схем) для достижения материального личного успеха. Восток – это приоритет целого, интересов группы над личными мотивациями, социальная справедливость, коллективная взаимопомощь, милосердие. Конечно, это идеальные тенденции, культурный архетип поведения представителей двух цивилизационных парадигм существования. Реальная жизнь этих цивилизационных общностей «богаче всяких схем». Но это социокультурные тенденции, которые нельзя игнорировать. И возникает вопрос: как они

отражаются на отношении людей к проблеме коррупции в этих сообществах?

Наша цивилизация – коллективистическая. И попытка ее сломать и «встраивания» в цивилизацию Запада – это для народа экзистенциальный конфликт, которому он как социокультурная общность, как «целое» в своей истории всегда сопротивлялся. Так было и в период монголо-татарского владычества, и в период нашего социалистического существования (Соснин, 1997; Российский менталитет. ..., 1997; Воловаикова, 2005).

Восприятие коррупции как негативного явления, как греха глубоко заложено в российском культурном архетипе. В реальной жизни меркантильные интересы могут превалять над духовными, но главное в психологии нашего народа – это базовая ориентация (даже, как правило, не осознаваемая традиция) жить в соответствии с ценностями Православия, даже если человек считает себя не верующим. Он «социализирован» в традиционной культуре своего Отечества, он вырос в ней и ведет себя в соответствии с ее ценностями. Поэтому, если говорить о ценностях меркантильного устройства жизни Запада, которые в России последних трех десятилетий считаются главными ориентациями жизни и развития страны, в принципе, они с трудом могут «прижиться» на нашей культурной почве.

Но молодое поколение страны все более позитивно реагирует на изменение ценностных ориентаций в пользу материальных, а не духовных, о чем свидетельствуют исследования (Хадченко, 2012; и др.), и эти ориентации неизбежно приводят (не обязательно прямо) к большей терпимости к проблеме коррупции. Русский человек, приняв идею о том, что все в жизни основано только на материальных ценностях, теряет ориентиры своего поведения. Свобода начинает пониматься им как вседозволенность. Разрушается архетип традиционного поведения – подчинение иерархии власти – как доминирующий принцип бытия. Возникает недоверие.

Запад стремится любыми способами навязать нам (в том числе и информационно-оперативными средствами, а если есть возможность – и дипломатическими, и экономическими, и военными) свои ценности как универсальный образец мироустройства. Ведь когда население дезориентировано, а представители властных структур государства коррумпированы, то для спецслужб наших стратегических оппонентов проблема ослабления страны и оперативного управления ею в своих интересах становится чисто технической. В основном это – подкуп коррумпированных госчиновников, использование для их вербовки из иностранных счетов, заселение агентуры

вливания в высшие эшелоны власти (опять же, вербовка в основном на материальной основе) и, естественно, компромат на ключевых фигурантах политических структур государства.

Еще раз подчеркнем, что проблема коррупции в нашей стране, конечно, комплексная междисциплинарная проблема, но в первую очередь – это проблема безопасности государства. Социально-экономическая (в том числе и социально-психологическая) проблематика коррупции, конечно, очень важна, о чем в работе было сказано, но если говорить в целом, то оправданно «отталкиваться» в ее решении как от базового положения от ее значимости и важности именно для безопасности государства.

И в прошлом, и сейчас «геополитический анализ истории России с неизбежностью ведется вокруг линии „Запад–Восток“ с концентрирующей вниманием на проблеме ее культурно-цивилизационной самобытности, которая и определяет дальнейшие исторические перспективы нашего государства» (Артюхин, Сингирев, 2009, с. 56–67). Анализ воззрений отечественных мыслителей на русскую геополитическую традицию, на ее культурно-цивилизационное направление (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, Г. В. Вернадский и др.) однозначно показывает следующее. Они рассматривают Россию как особый культурно-исторический тип цивилизации, как особый социокультурный мир. И главную опасность для страны они видят в отрыве от своих национальных истоков (там же, с. 58–59), в космополитизме. Вот почему необходим возврат к духовно-историческим ценностям Отечества, к социально-политическому устройству страны на основе базовых ценностей и цивилизационного зрелища России.

Необходимо и развитие эффективной судебной-правовой системы в стране. Руководитель следственного комитета страны А. Н. Бастрыкин в 2012 г. предлагал вернуть в Уголовный кодекс конфискацию имущества как наказание за экономические преступления. Это как минимум, по его мнению, вернет в бюджет часть потерь. На расширенном заседании коллегии Следственного комитета, где подводились итоги его работы за 2012 г., А. Бастрыкин заявил, что в России необходимо создать финансовую полицию для более эффективного расследования экономических преступлений. За этим подразделением нужно закрепить в том числе и контроль над распоряжением бюджетными средствами. Подчиняться финансовая полиция, по его мнению, должна непосредственно президенту или премьер-министру. Этому ведомству необходимо придать новые функции – проведение оперативной деятельности, которые будут ему пред-

ставлены как одному из представителей контрразведывательных структур государства.

Прошло пять лет, а изменений никаких. В России до сих пор нет статьи о конфискации имущества коррупционеров, как нет и финансовой полиции.

Глава МВД России В. Коломойцев высказался положительно о введении смертной казни: «Боясь навлечь на себя гнев противников смертной казни, но не как министр, а как простой гражданин я не видел бы ничего предосудительного для подобного рода преступников» (Надеждин, 2013).

Россия подписала международные документы о борьбе с коррупцией. В них существует ряд базовых позиций, которые мы приводим ниже.

Коррупция (от лат. *corruptus* – растлеть, согреть – подкуп, порча) – термин, означающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему государством прав в целях личной выгоды, противоречащие законодательству и моральным установкам. В народе коррупцией называют также подкуп должностных лиц и их продажность. Характерными чертами коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя и лице государства либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества в целом.

Различные виды коррупции близки к мошенничеству, совершаемому должностным лицом, и одновременно приближаются к категории преступлений против государственной власти. Коррупция может быть подвержено любое должностное лицо, обладающее реальными властными полномочиями над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению. К таким лицам относятся чиновники, депутаты, судьи, сотрудники правоохранительных органов, экзекюторы, врачи и т. п. Главным стимулом коррупции является возможность получения незаконной прибыли благодаря использованию своих властных полномочий. Основным сдерживающим коррупцию фактором является риск разоблачения и уголовного наказания. Коррупция является огромным препятствием к экономическому росту и развитию государства, способным поставить под угрозу любые преобразования. В большинстве стран мира коррупция является жестким уголовно наказуемым деянием.

Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 г. была принята Конвенция против коррупции (UNCAC) (резолюция № A/RES/58/4 от 31 октября 2003 г.). Она представляет собой многосторонний международ-

ко-правовой документ, отражающий природу коррупции, предлагающий разнообразные меры борьбы с этим злом. Конвенция была призвана усилить антикоррупционное сотрудничество на международном уровне. В ней делается акцент на том, что коррупция подрывает экономическое развитие общества, ослабляет демократию, борьбу с организованной преступностью, терроризмом и другими угрозами всеобщей безопасности.

Для подписания Конвенция была открыта 9 декабря 2003 г. в Мериде (Мексика) политическая конференция высокого уровня, созданная специально для этой цели. На продолжавшейся три дня конференции Конвенцию подписали около 100 государств. День начала конференции был объявлен Международным днем борьбы с коррупцией. С целью координации усилий государств-участников Конвенция учредила специально действующую Конференцию. Секретарское обслуживание Конференции обеспечивает Генеральный секретарь ООН через Управление ООН по наркотикам и преступности.

Россия, в числе первых подписавшая Конвенцию 9 декабря 2003 г., ратифицировала ее в 2006 г. (третьей среди стран Большой восьмерки). Российскую делегацию на конференции возглавляла заместитель министра иностранных дел А. Ю. Мешков. В своем выступлении на конференции он, в частности, отметил, что «Россия ведет с коррупцией бескомпромиссную борьбу и готова к конструктивному взаимодействию на антикоррупционном фронте со всеми государствами и соответствующими международными организациями». Он также сообщил, что «Решением Президента Российской Федерации В. В. Путина в ноябре 2003 г. образован Совет при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией, основной задачей которого является определение приоритетных направлений государственной политики в сфере противодействия коррупции» (см. Указ Президента Российской Федерации от 24 ноября 2003 г. № 1384 О Совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией).

У нас в стране существует мнение, что Российская Федерация не ратифицировала 20-ю статью Конвенции, которая предусматривает признание уголовно наказуемым деянием «незаконное обогащение» государственных служащих. В частности, в ней говорится, что «при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение

активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать».

Однако в Федеральном Законе РФ № 40 от 08.03.2006 г. «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» нет оговорки, исключавшей данную статью. Иначе говоря, статья 29, как и все другие статьи Конвенции, Российской Федерацией формально ратифицирована и формально вступила в законную силу. Но на практике наша страна положенная этой статьёй не выполняет.

Существует также точка зрения, что к коррупции допустимо терпимое отношение. Его сторонники приводят аргумент, что в истории развития многих стран – Индонезия, Таиланда, Южной Кореи, Сингапура, Швеции и др. – были периоды, когда экономика и коррупция росли одновременно. Согласно другому аргументу, качество можно считать лишь реализацией рыночных принципов в деятельности государственных и муниципальных структур, и, таким образом, терпимое отношение к коррупции допустимо в условиях экономического бума либо пока она не затрагивает эффективность рынка в целом. Таким образом, сторонники этой позиции утверждают, что коррупция это совершенно нормальное рыночное явление, которое может приносить существенную экономическую пользу для эффективного развития государства и нет никакой необходимости бороться с ней. Критики этой точки зрения возражают, что вследствие перечисленных выше причин страны с высоким уровнем коррупции после периода роста рискуют утратить стабильность и впасть в нисходящую спираль. Необходимо отметить, что в настоящее время Швеция и Сингапур, представители наиболее конкурентоспособных экономик современной цивилизации, имеют один из самых низких уровней коррупции в мире. Одним словом, влияние коррупции на рост или стагнацию экономического развития государства до сих пор вызывает у специалистов непрекращающиеся споры.

Приведенные выше законодательно-правовые соображения и рассуждения об эффектах и последствиях коррупции помогают обозначить и социально-психологическую сложность исследования проблемы коррупции. Сложность определения методологических подходов к исследованию коррупции заключается как в политических, правовых, экономических, социально-психологических традициях отношения к коррупции и определения самого феномена, так и в междисциплинарности, научной новизне и недостаточной научной проработанности проблемы.

2.3. Проблема эмпирических методов исследования и индикаторов измерения коррупции в современной социальной психологии и социологии

Прежде всего представим пути решения этой проблемы, предлагаемые ведущими социологами (Разработка..., 2013). Они хорошо понимают, что основные недостатки существующих методологий измерения коррупции проявляются, во-первых, в отсутствии четкого определения коррупции и вытекающей из него теоретической концепции и, во-вторых, в недостаточном внимании к социально-психологическому аспекту коррупции, детерминирующему коррупционное поведение. В этой связи они акцентируют внимание на «практически полном отсутствии в рассмотренных методологических инструментах социально-психологического измерения коррупции, включающего установки и диспозиции населения в целом и различных социальных групп в отношении коррупции, определяющие их предрасположенность к коррупционному поведению. Наличие такого инструментария позволит получить более целостную картину коррупции как социального явления с учетом ее агентных аспектов, не выявляемых существующими методами исследования... В представленных методиках практически не уделяется внимание изучению социально-психологических факторов, формирующих коррупционное поведение граждан, что является серьезным методологическим недостатком рассмотренных исследований» (там же, с. 310–311).

«Гораздо меньше внимания при исследовании феномена коррупции уделяется его социально-психологическим характеристикам, к которым относятся установки и диспозиции граждан, детерминирующие мотивации (или отсутствие таковых) к коррупционному поведению. В этой связи представляется полезным дополнить индикативные методы исследования коррупции как социального феномена социально-психологическими инструментами исследования коррупционного поведения» (с. 284).

Это важный вывод: только в тесном сотрудничестве социологов с социальными психологами можно успешно проводить изучение мотивации, установок и тенденций поведения больших масс населения, включая проблему коррупции (методы исследования этих феноменов в принципе являются социально-психологическими).

В основу социологического понимания коррупции положена концепция социальной реальности, разработанная в трудах академика Г.В. Осипова. В этой перспективе социальная реальность представляет собой объективированный результат субъективной деятельности

человека (Осипов, 2010, с. 96). Такой подход позволяет преодолеть односторонность как объективистского, так и субъективистского подходов. Речь, таким образом, не идет об отказе от поиска объективных характеристик социальных явлений, однако сами эти объективные характеристики рассматриваются не как нечто существующее вне и помимо человеческой деятельности, а как результат социальных действий людей, объединенных в социальные группы и общности. Поэтому прямая социологов исследовать проблематику коррупции с учетом социально-психологической специфики следует только приветствовать.

В данном контексте оправданно представлять взгляд отечественных социологов на проблему социально-психологического измерения коррупции. Обратимся к наиболее известным работам С. В. Климовицкого и С. Г. Карсеновой с одноименным названием «Методология измерения социально-психологических факторов коррупции», к некоторым замечаниям самих авторов. Они утверждают, что «в работе представлена новая, не имеющая аналогов в современной научной практике комплексная методология социально-психологического измерения коррупции. Методология позволяет не только оценить объективный уровень распространенности коррупции в стране, но и получить данные относительно субъективного восприятия населением коррупционной среды в обществе, внутренних факторов саморегуляции коррупционного поведения различных социальных групп» (Климовицкий, Карсенова, 2016).

Рассмотрим основные положения концепции. Авторы признают сложность и необходимость получения «так называемых объективных данных» о реальном уровне распространения коррупции. Это «официальная статистика и другие документы, отличные от «субъективных», «получаемых с помощью опросов, анкетирования и интервью», так как в данном случае «источником информации являются отдельные субъекты – респонденты, высказывающие свое личное мнение» (там же, с. 3). Представлены индикаторы коррупции как объективные ее показатели. Необходимость получения этих данных не оспаривается и психологами, хотя сами социологи говорят об их низкой валидности. В работе представлена также модель коррупционного поведения: коррупционная среда–мотивация–коррупционное поведение и коррупционная саморегуляция. В приложении содержится шкала опроса развитости коррупционной среды.

Специалисты социогуманитарных наук, включая и представителей правозащитных организаций, проблеме измерения коррупции уделяют большое внимание (Galtung, 2006; et al.).

Объясняются и анализируются всемирно известные индексы измерения коррупции, предложенные и разработанные правозащитной организацией «Transparency International». Это Индекс восприятия коррупции («corruption perception index» – CPI) и связанный с ним Индекс восприятия власти («freiburg corruption index» – FPI).

Западные специалисты задают вопрос: для чего измерять коррупцию? И отвечают на него: коррупция подрывает справедливость отношений в обществе, стабильность и эффективность его функционирования и способность его развития. Коррупция должна преследоваться не просто потому, что является моральной проблемой, и не только потому, что она разрушительна для экономики государства, но и потому, что рядовые граждане государств «платят дань коррупции».

Коррупция представляет «утечку» ресурсов из социальных институтов государства. Это не только коррупционное поведение при заключении контрактов. Такая утечка может происходить в форме неофициальных гонораров, оплаты за заключение контрактов, вознаграждений за прием экзаменов и т. д.

Ресурсы государства не безграничны, и при планировании и осуществлении антикоррупционных реформ возникает ряд вопросов. Во-первых, что требует реформирования? Что нужно и необходимо изменить? На что направить усилия в первую очередь? Каков будет выигрыш от планируемых действий? Во-вторых, следует ли делать акцент на конкретных общественных службах или государственных институтах? Есть ли конкретные социальные группы населения (этнические, гендерные, поколенческие и т. д.), особо ущемляемые в правах коррупцией и утечкой госресурсов? В-третьих, сколько будет стоить введение новой информационной антикоррупционной системы? Как долго ждать эффекта от ее применения? И т. д.

Как уже говорилось выше, проблема измерения коррупции непосредственно связана с ее концептуальным определением. Западные исследователи признают, что не существует единого исчерпывающего определения коррупции. Пытающиеся его разработать неизбежно сталкиваются с юридическими, криминологическими и политическими измерениями (Laugseth, 2003; Lambsdorff, 2006).

Тем не менее многие формы коррупции определены, истолкованы и являются объектом многочисленных юридических и академических определений:

- «Существенная» (*grand*) и «мелкая» (*petty*) коррупция. Первая существует в высших эшелонах власти и правительственных структурах, вторая представляет обмен небольшими сумма-

ми денег, предоставлениями незаконных преимуществ, принятием родственников или друзей на престижную службу. Основная разница между этими формами состоит в том, что первый вид коррупции ведет к дисфункциям государственного управления, к эрозии доверия населения к структурам государственного управления и, в конечном счете, к проблемам экономической стабильности государства (Rose-Ackerman, 2007), второй существует в контексте существующих форм управления.

- «Активная» и «пассивная» взятка. Первая включает все случаи, где имеют место оплата взятки и/или ее принятие, вторая – случаи, когда взятка предлагается или вымогается, но не реализуется.
- Распредача, даровство, мошенничество включают или принятие денег, или перераспределение собственности и других ценных вещей индивидом, который не владеет ими, но благодаря своей позиции или служебному положению имеет доступ к ним (Caro, 2002; et al.).
- Вымогательство: эта форма коррупции опирается на принуждение – использование угроз применения насилия или распространения компрометирующей информации. В ряде случаев вымогательство может отличаться от взятки только степенью оказываемого давления.
- Злоупотребление свободой действий (своими полномочиями): к примеру, лицо, ответственное за заключение контрактов государства с частными компаниями страны, может использовать свои полномочия для личной наживы или пользы и получения других услуг от компании.
- Фаворитизм и кепиализм включают как злоупотребление властными полномочиями, так и получение взятки.

Оценки природы и степени коррупции используются для качественных измерений коррупции в конкретных секторах экономики страны, а также для выявления способности социальных институтов государства противодействовать коррупции. Эти оценки осуществляются, как правило, непосредственно перед разработкой национальных антикоррупционных стратегий. В их сборе должны быть задействованы общественные организации и институты, элементы гражданского общества, средства массовой коммуникации, академические и профессиональные структуры и релевантные группы по интересам. Оценки природы и степени коррупции помогают ответить на вопрос, что происходит в структурах государственного управления и в частном секторе в отношении коррупции, опреде-

лить цели для разработки и реализации антикоррупционной стратегии, включая сотрудничество с другими странами.

Коррупция – это скрытая активность, поэтому ее измерение требует особых усилий со стороны исследователей. Чтобы получить аккуратную оценку коррупции, критически важно извлекать информацию из разных источников.

В социогуманитарных науках существуют разные методы сбора данных:

- сбор и анализ уже имеющихся данных о проблеме (*desk review*);
- опросы (включая письменные отчеты, интервью, анкетирование и т.д.);
- кейс-исследования;
- полевые исследования (обзоры);
- фокус-группы.

Особо хочется сказать о последнем методе. Техника фокус-групп используется для сбора данных и оценки проблемы и проходит в форме глубоких дискуссий (*фессий*). Она дает качественные оценки, включая подробную информацию о взглядах людей на феномен коррупции, о восприятии ими причин коррупции и об их представлениях в отношении антикоррупционной политики государства. С учетом специфики анализируемого явления, данная методология считается одной из самых адекватных.

Кроме того, западные исследователи используют как метод сбора данных «Практику оценки функционирования юридических и других институтов государства» (*Professional assessment of legal and other providers and practices*) (Philip, 2006).

Оценка институциональных способностей в противодействии коррупции помогает: 1) определить потенциальные возможности каждого социального института государства в проведении антикоррупционной политики; 2) измерить степень успеха, достигаемого на каждой стадии, для определения роли каждого института в осуществлении антикоррупционных стратегий. Например, оценка деятельности судей и судебных структур, фиксирующая высокие уровни институциональной коррупции, будет также в большинстве случаев свидетельствовать и о низком потенциале судебного корпуса противодействовать коррупции.

В поле зрения исследователей попадают:

- политические институты, такие как политические партии (независимо от того, находятся они у власти или нет) или общественные структуры, выступающие как сторонники правительства;

- юридические институты, включая корпус судей всех уровней, других юридических официальных представителей, таких как обвинители, юристы, представители суда, свидетели и другой персонал;
- институты исполнения наказаний, ответственные за расследование, преследование, наказание и оценку совершаемых преступлений;
- другие институты, имеющие отношение к оценке антикоррупционной деятельности, такие как аудиторы, инспекторы разных уровней, омбудсмены,
- институты гражданского общества,
- академические институты,
- институты частного сектора, особенно подозреваемые в совершении коррупционных деяний, такие как представители заключения контрактов с государством или частные аудиторы.

Во многих странах криминальные и административные законы, ответственные за контроль и предотвращение коррупции, существуют. Они классифицируются от преступлений криминального характера до нарушений профессиональных этических кодов поведения или юридической практики. Другие сектора функционирования государства (например, медицина, технические профессионалы, страховщики и др.) также имеют свои профессиональные коды и этику поведения, и эта проблематика должна находиться в сфере оценок коррупции.

После оценки способностей конкретных институтов в противодействии коррупции эти институты необходимо оценить как отдельно, так и в контексте их связей с другими институтами и релевантными внешними факторами. Например, общая оценка роли судейского корпуса может быть связана не только со степенью его профессиональной компетенции и независимости от коррупции, но также с компетентностью обвинителей и персонала суда. На судей нельзя возлагать полностью ответственность за борьбу с коррупцией, если они сами или другие лица, от которых они зависят (оставим в стороне принцип независимости судей), являются коррумпированными.

Существуют особые методы сбора информации для оценки институтов. В первую очередь необходимо рассмотреть прилагаемые тем или иным институтом конкретные законодательные положения и нормативно-правовые акты против коррупции, так же как и предпринимаемые им меры в антикоррупционной политике. Эта информация необходима для составления полного перечня

возможных проблем и разработки антикоррупционной стратегии, для оценки конкретной социальной структуры или сектора. Если в анализируемой структуре обнаружено отсутствие антикоррупционных элементов, может быть принято решение об их введении. Благодаря проведенному анализу можно также обнаруживать и закрывать пробелы или непоследовательности в антикоррупционных мерах.

Таковы базовые положения для измерения коррупции, предлагаемые западными представителями социогуманитарных наук.

Как отмечалось выше, Индекс восприятия коррупции (СРІ), впервые предложенный для измерения коррупции организацией Transparency International, является индексом, ежегодно измеряемым рядом международных организаций с 1995 г. для многих стран мира. Предполагается, что этот показатель играет центральную роль в понимании причин и последствий коррупции в исследуемых странах и дает ориентиры для разработки антикоррупционных стратегий.

Методология, лежащая в основе расчета индекса, детально обсуждена в работах Дж. Ламбсдорфа (Lambsdorff, 2001). Цель расчета индекса – представить данные восприятия коррупции в разных странах.

Беспристрастные национальные данные в отношении коррупции получить трудно. Все они основаны на статистических криминологических показателях. Но официальное определение взятки, мошенничества, а потому и методология сбора и обобщения данных в разных странах могут существенно различаться.

Для сбора и анализа данных в отношении коррупции используется информация ряда международных организаций¹. Каждая организация, применяя опросные методы, оценивает степень коррупции среди чиновников и политиков в своей стране, в принципе используя одинаковое понимание коррупции как злоупотребления официальными полномочиями для личной выгоды. Например, организация «Мировой экономический форум» (WEP) в 2002 г. задавала респондентам следующий вопрос: «Как бы вы оценили наличие взяточничества или неофициальных выплат в организациях и на производстве вашей страны, связанных со следующими сферами деятельности: А – Импорт и экспорт; В – Связи с общественными структурами; С – Ежегодная оплата налогов; D – Использование

1. The World Economic Forum (WEP); The Institute of Management Development (IMD); PricewaterhouseCoopers (PwC); World Bank (WB); World Business Environment Survey (WBES); The Economist Intelligence Unit (EIU); Freedom House (FH); Nations in Transit (FH NIT); Political and Economic Risk Consultancy, Hong Kong (PERC); Gallup International on behalf of TI (TI/GI); State Capacity Survey by Columbia University (CU).

займов и инвестиций; E – Вознаграждения за выполнение общественных социальных контрактов; F – Влияние законов, политических решений, нормативных актов, способствующих выгоде и интересам отдельных бизнес-структур; G – Получение благоприятных (предпочтительных) юридических решений» (Lambsdorff, 2006, p. 83–99)? При этом использовалась семибальная шкала значений от «обычно имеет место» до «никогда не происходит». На основе ответов на эти вопросы¹ и рассчитывается Индекс восприятия коррупции (CPI).

Неминуемо возникает проблема интерпретации субъективных восприятий респондентов, т. е. соответствие восприятий с объективной реальностью. Субъективные восприятия могут являться пристрастными. Так, респондент может приписывать высокий уровень коррупции своей стране, оценивая ее в соответствии с высокими этическими стандартами своей национальной культуры (считая, например, любой дар официальному лицу коррупцией). Высокий уровень, наблюдаемый в стране коррупции, по субъективным восприятиям респондентов, может отражать скорее высокие этические стандарты их поведения, чем степень реальной коррумпированности. Однако некоторые исследователи полагают, что даже пристрастные восприятия респондентов могут нивелироваться и становиться валидными, если они делают сравнительную оценку уровней коррупции в своей стране и в других странах (Lambsdorff, 2006).

Термины «распространенность», «обыденность», «частота», «влияние на окружающую среду» и др., связанные с получением субъективных восприятий респондентов по отношению к коррупции, близки между собой. В этой связи термин «степень коррупции» может в восприятии респондентов иметь разное значение (Rose-Ackerman, 2000, p. 321–336). В частности, ответы одних респондентов могут более относиться к частоте и распространенности получения взяток, у других – отражать представления о размерах взятки. При анализе ответов необходимо это учитывать. Кроме того, как показывают исследования, частота и размер взяток имеют тенденцию к сильной корреляции (Lambsdorff, 2001).

Итак, непосредственно измерить коррупцию невозможно; факторы коррупции либо очень трудно обнаружить, либо трудно доказать (Galtung, 2006, p. 101). Насколько надежными являются вышеперечисленные методы измерения коррупции? Какова польза и каковы ограничения таких измерений в их интерпретации?

1. С течением времени вопросы подвергаются модификации, формулируются дополнительные вопросы в зависимости от анализа информации от предыдущих опросов или возникающих новых проблем.

Вышеприведенный обзор наиболее известных частных индикаторов коррупции позволяет говорить о пользе составления совокупного индекса коррупции – CPI. Однако в ходе исследований были выявлены некоторые его особенности, которые свидетельствуют об ограниченности данного подхода (Galtung, 2006, p. 109):

- игнорирование «дающих» и «подстрекателей»;
- нерегулярность охвата (зоны действия) данными этого индекса при измерении коррупции в конкретной стране;
- субъективность и пристрастность восприятия коррупции респондентами и, как следствие, искажение данных (см. выше);
- использование ненадежных источников получения данных;
- использование узкого и неточного определения коррупции;
- невозможность фиксировать динамику и тенденции развития коррупции (не выявляет возможные направления противодействия коррупции и не может служить принятию мер по разработке антикоррупционных стратегий).

Поэтому среди исследователей возникает убеждение: никакой единственный совокупный индикатор измерения коррупции не может полностью удовлетворить потребности исследователей. Наиболее эффективной реакцией на приведенные недостатки является признание внутренних присущих ограничений использования любого известного инструментария. Необходимо находить баланс там, где это возможно, и привлекать другие (частные) индикаторы коррупции. Не случайно применение данного индекса как интегрального показателя дало толчок к разработке других индексов измерения коррупции.

Еще раз подчеркнем, что одной из главных проблем измерения коррупции и нахождения ее индикаторов является проблема концептуального определения феномена. Методы оценки коррупции различны. Они включают обзорные работы, опросные методики и другие технологии, дающие исследователю необходимый инструментарий.

1. Объективно коррупция как комплексный феномен междисциплинарных исследований объединяет конкретных субъектов данного процесса. На макросоциологическом уровне эти субъекты представлены институтами государства, бизнеса и общества. На микроуровне (т.е. на уровне индивидуальных субъектов) респондентами выступают госчиновники, предприниматели

и «испрямить Другой» (референтная группа или общественное мнение, на негласное одобрение которых опирается «легитимация коррупционной деятельности»). Эти микросубъекты коррупции (лица, наделенные властными полномочиями, и население) выступают объектом социально-психологического анализа вне зависимости от уровня коррупции (верхушечная, административная, низовая) и ее видов (коррупция в бизнесе, ЖКХ, политике и т.д.).

Наиболее пристального внимания при анализе коррупционных преступлений заслуживают правонарушения сотрудников органов государственной власти, которые создают максимальную социальную напряженность в обществе и наносят прямой ущерб полноценному функционированию государства.

2. Макросоциологические аспекты в исследованиях коррупции отражают самые разнообразные проблемы: религии и греха; «бифуркационного» состояния современного мира; наличия индивидуалистических и коллективистических концепций развития культур; попыток «встраивания» государства в новую цивилизационную парадигму; коррупционных опасностей общегосударственного уровня; необходимость международной борьбы с коррупцией (при наличии разных правовых условий определения коррупции в разных государствах); сложности отграничения коррупции от других видов правонарушений (например, мошенничества или преступлений против государственной власти); экономической целесообразности коррупции для развития государства и рыночных отношений. Все эти позиции накладывают специфический отпечаток на методологические подходы к исследованию коррупции и подбор методик для эмпирического анализа.
3. Описание объективных характеристик коррупции обычно отражает результат социальных действий людей, которые исследуются по схеме: коррупционная среда – мотивация – коррупционное поведение и коррупционная саморегуляция. В социогуманитарных науках не разработано всеобъемлющего метода измерения коррупции и удовлетворительной методологии для получения сравнительных оценок. Объективные и субъективные показатели коррупции чаще всего выявляются посредством опросных методов и связаны с анализом следующих сфер деятельности: импорт и экспорт; связи населения с общественными структурами; ежегодная оплата налогов; использование займов и инвестиций; вознаграждения за выполнение общественных

контрактов; влияние закона, политических решений, нормативных актов, способствующих выгоде и интересам отдельных бизнес-структур; получение благоприятных (предпочтительных) юридических решений.

4. Исследователи единодушно призывают, что непосредственно измерить коррупцию невозможно. Поэтому большинство эмпирических данных о коррупции в академической литературе основываются (и основывались) на анализе частных событий, на результатах полевых исследований и интервью. Наиболее рациональный путь для социальнo-психологического анализа феномена коррупции заключается в разработке индивидуальных опросных методик и иных социальнo-психологических технологий, дающих гибкий инструментарий для оценки конкретного феномена.

ГЛАВА 3

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К КОРРУПЦИИ И КОРРУПЦИОННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

3.1. Социально-психологические предпосылки и факторы коррупции в экономическом сознании несовершеннолетних (на примере старшеклассников)

Психологические основы эмпирического анализа экономического сознания и экономического правосознания старшеклассников

Сфера экономического сознания личности – это свойственная человеку форма субъективного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей организации экономической деятельности государства, предприятий и домохозяйства (Китова, 2010). В результате такого обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей экономической действительности у человека происходит формирование внутренней модели экономического мира. На основе индивидуальной экономической модели мира осуществляется познание и преобразование экономической действительности (Купрейченко, Журавлев, 2008; Личность и бытие..., 2008; Юренич, Журавлев, 2012, 2013; Методология комплексного человекознания..., 2008; Феномен и категория..., 2007; Экономическая психология..., 2007; Горбачева, Журавлев, Купрейченко, 2011; Ушаков, Журавлев, 2009, 2015).

Проблема экономической сферы сознания, как и сознания в целом, имеет маргинальный статус и исследуется в контексте многих научных направлений: экономики, политологии, философии, логики, социологии, педагогики. Каждая из названных наук выделяет в сфере экономического сознания свой аспект и свой же объект теоретического и эмпирического анализа.

Нескользя в современной психологической науке данные о сфере экономического сознания личности малочисленным и носят разрозненный характер (Ю. С. Дейнека, С. И. Ерина, А. Д. Журавлев,

А.Б. Купрейченко, В.П. Ползиков и др.). В частности, А.Л. Журавлев определяет экономическое сознание как частную форму индивидуального или группового сознания. Автор относит к основополагающим компонентам экономического сознания такие феномены как: социальные представления об экономических объектах; отношение к экономическим объектам; социальные установки, стереотипы и предрассудки, связанные с экономическими объектами; осознаваемые экономикой-обусловленные эмоции, чувства, переживания; феномены социальных ожиданий, связанных с экономическими объектами; социальная категоризация и интерпретация экономико-психологических явлений; и этот перечень может быть продолжен (Журавлев, 2004; Дробышева, Журавлев, 2009а; Купрейченко, Журавлев, 2008).

Конечно, то, что справедливо для сознания в целом, справедливо и для отдельных условных сфер его анализа. Исходя из этой позиции, по аналогии с основными идеями концепций сознания (Н. Гербарт, М. Вебер, В. Вундт, У. Джемс, Ж. Лаверта, К. Маркс, Р. Декарт, Дж. Уотсон), экономическую сферу сознания можно определять под разными углами зрения по-разному: как некую самоочевидную, неоспоримую, субъективную экономическую реальность человека, его собственных экономических переживаний; как взаимодействие экономических представлений; как постоянно изменяющийся поток экономических впечатлений; как часть экономических процессов поведения, которая может быть вербализована; как паутину, сотканную из значений или смысла экономических слов; как экономико-психологическую причастность; как особенность восприятия и познания окружающего экономического мира; как особую функцию мозга, благодаря которой человек приобретает знания об экономике и самом себе; как отношение к экономической среде и т.д. Все эти позиции справедливо считать своего рода отправными точками для анализа экономического сознания личности.

В русле нашего исследования целесообразно обратить внимание и на концепции правового сознания личности. Правосознание не может быть представлено в какой-то одной системе координат. Необходимо по меньшей мере несколько сечений, позволяющих обрисовать его сложную структуру. При исследовании правосознания с точки зрения предмета отражения выделяются сферы правосознания, соответствующие различным отраслям права и различным видам правовых отношений. Недифференцированное изучение проблем правосознания недостаточно продуктивно

для понимания его роли в той или иной области жизни индивида и общества, что требует вычленения экономической сферы правосознания.

В частности, проведенный Е. В. Аграновской анализ правосознания личности позволяет выделить основные позиции для анализа экономического правосознания. Во-первых, экономическое правосознание является одной из составляющих общественного сознания, которое отражает распространенные в обществе политические, правовые, нравственные и научные взгляды на реально протекающие экономические процессы в обществе. Во-вторых, экономическое правосознание вбирает в себя личностные концепции, представления и ожидания различных индивидов и социальных групп на основе их включения в систему правоотношений. В-третьих, экономическое правосознание – это отображение юридической действительности через призму индивидуального мировоззрения и интереса; оно выступает как элемент мотивации экономических действий индивида в соответствии с нормами права. В-четвертых, экономическое правосознание есть осмысление, осознание социально-правовой действительности, и способно опережать практику. Выявление особенностей экономического правосознания субъектов экономической деятельности позволяет прогнозировать развитие тех или иных процессов в сфере права (Аграновская, 2002).

Согласно представленным теоретическим концепциям сознания и правосознания, экономическое правосознание выполняет познавательную, оценочную и регулятивную функции в жизнедеятельности субъектов права. Через систему мотивов, ценностных ориентаций, правовых установок экономическое правосознание выступает «механизмом срабатывания» правового предписания в сознании человека и проявляется в поступках и действиях личности. Таким образом, экономическое правосознание регулирует поведение человека в русле правового или протиправного. *Познавательная функция* экономического правосознания осуществляется через восприятие и осмысление экономических явлений и процессов и их правовую оценку. *Оценочная функция* экономического правосознания состоит в оценке конкретных экономических обстоятельств и событий как юридически значимых с точки зрения представлений личности о праве, о справедливости, о законности, о должном поведении (Кутова, 2015).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что экономическое правосознание – это сфера общественного или индивидуального экономического сознания, отражающая экономико-правовую

действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, включающая в себя социально-правовые установки и ценностные ориентиры, регулирующие поведение людей в юридически значимых экономических ситуациях.

Вместе с тем, несмотря на наличие теоретических и эмпирических разработок в области исследования проблем экономического сознания и экономического правосознания, исследование данных сфер личности остается актуальной, но малоизученной научной проблемой, как в юридической, так и в экономической психологии.

Представленное эмпирическое исследование проводилось нами в восьми средних общеобразовательных школах (четыре городских и четыре сельских). Всего в исследовании приняли участие 198 учащихся 10 и 11 классов. Опросный лист включал в себя только открытые вопросы, варианты ответов школьникам не предлагались. Предполагалось, что при таком подходе старшеклассники наиболее свободно и полно объективируют собственные им оценки, представления и отношения. Все вопросы, использованные при опросе, представлены в полном объеме в тексте данной главы в той же последовательности, в которой они задавались. Это позволяет не останавливаться отдельно на их описании и объяснении.

Для выявления экономических факторов в сознании старшеклассников нами проведен анализ структурных элементов их экономического сознания, которые могут при неблагоприятных условиях внешней среды выступать латентными детерминантами возможного коррупционного поведения. К таким факторам, на наш взгляд, можно отнести социальные представления об условиях успешной экономической деятельности, отношение к способам достижения экономического благополучия в современных социально-экономических условиях развития общества и осознаваемые экономико-обусловленные переживания. Все эти факторы, как показано выше, выступают компонентами внутренней модели экономического мира, регулируют самочувствие и реальное экономическое поведение человека (Дробышева, Журавлев, 2009б, а, 2010, 2011; Журавлева, 2012б; Журавлева, Журавлев, 2005). Анализ заявленных элементов экономического сознания проведен с целью последующего выделения юридически значимых факторов, свидетельствующих о наличии явно или не явно (латентно) выраженных коррупционных элементов в экономическом сознании старшеклассников.

Экономические факторы в повседневной жизнедеятельности старшекласников

В процессе исследования нас заинтересовала, в первую очередь, общая значимость экономических факторов в реальной действительности и их отражение в сознании старшекласников. Синонимы к слову «значимость», согласно «Словарию русского языка» С. И. Ожегова, – это «важность, значительность, роль». Соответственно, выявление значимых экономических ситуаций в жизни старшекласников сводится к поиску и нахождению тех событий, которые играют в их жизни важную роль. Значимые события не оставляют человека равнодушным, они радуют его или огорчают, как бы помечают каждое событие эмоциональной меткой – позитивной или негативной. Воспринимая события человек сознательно или бессознательно соотносит со своими потребностями (интересами, ожиданиями) и, если, они соответствуют его запросам, то порождают радость, а если нет – огорчают его. Есть и такие события, которые не активизируют эмоциональную сферу личности, не радуют и не огорчают, оставляют равнодушным. Умение раскрывать смысл эмоциональной жизни старшекласников дает в руки психолога и педагога могущественный инструмент управляющего воздействия.

С целью выявления значимости экономического фактора в сознании старшекласников нами был задан вопрос: «Какие события за последнее время более всего обрадовали вас?». Из общего числа старшекласников, отвечавших на этот вопрос, экономическую сферу упомянули всего 11,2% опрошенных. Оказалось, что радуют респондентов такие события, как «хорошие оценки», «рождение ребенка в семье», «хорошая погода», «юбилей», разного рода «посадки», «вечеринки». Как видим, это разноплановые эмоционально окрашенные события, не всегда имеющие прямое отношение к экономическим условиям жизни. Тем не менее, по результатам анализа можно констатировать, что экономические события порождают положительные эмоции только у каждого десятого респондента. Данные эти косвенно свидетельствуют о низкой удовлетворенности респондентов экономическим положением родительской семьи.

О низком уровне экономического благополучия старшекласников наиболее явственно свидетельствуют их ответы на второй вопрос: «Какие события за последнее время более всего вас огорчили?». Экономические условия жизни, как выяснилось, вызывают огорчения у 91,3% респондентов. Приведем для примера некоторые типичные ответы: «Хочу получить высшее образование,

а денег у родителей мало» (отличник, 11 класс, село). Ученица 10 класса пишет: «Хочется стильно одеваться, а денег не всегда хватает». Ученица 11 класса городской школы отмечает следующее: «Когда я вижу нищету наших горожан, мне стыдно за всех людей и за свою страну».

Еще более показательны для выявления эмоционального самочувствия старшеклассников ответы на третий вопрос опросного листа: «Что бы вы хотели еще сказать относительно проблем, которые волнуют вас?». Ответы распределились следующим образом (см. таблицу 1).

Ответы на данный вопрос показывают, что наибольший удельный вес в структуре жизненных событий, порождающих эмоционально окрашенные переживания и мысли, приходится на проблемы, затрагивающие экономическую сферу жизнедеятельности (всего 61,7%). Результат получен путем сложения экономико-об-

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Что бы вы еще хотели сказать относительно проблем, которые волнуют вас?»

№	Характер ответов	Процент ответов
1	Низкий уровень жизни	20,8
2	Проблемы образования	20,5
3	Неуверенность в завтрашнем дне	14,3
4	Проблемы трудоустройства	13,9
5	Преступность	13,5
6	Недостатки политического руководства страной	12,6
7	Низкая эффективность мер по стабилизации экономики	10,4
8	Низкая оплата труда в бюджетных организациях	6,6
9	Отсутствие первоначального капитала	6,1
10	Качество здравоохранения	4,2
11	Экология	4,2
12	Несовершенство налогового законодательства	4,2
13	Наркомания	3,7
14	Прочие проблемы	6,5

Примечание: в 14 включены в оба разрозненные и незначительные ответы типа: «пустота, связанная с выбором профессии»; «одни выживают за счет других»; «когда лежусь в мою жизнь»; «не пришла на свидание»; и т. д.

условенных проблем (см. таблицу 1), таких как: низкий уровень жизни, низкая оплата труда в бюджетных организациях, отсутствие первоначального капитала, неуверенность в завтрашнем дне, проблемы трудоустройства. Все эти позиции прямо или косвенно старшекласники связывают с экономическим уровнем жизни, что лишний раз подтверждает актуальность для старшекласников экономических проблем жизнедеятельности. А тот факт, что подавляющему большинству событий, имеющих отношение к экономическому благополучию, старшекласники дают негативную оценку, свидетельствует о крайне низком уровне жизни (относительно их экономических притязаний) и массовой экономической неудовлетворенности респондентов, что может иметь непредсказуемые правовые последствия.

Здесь следует отметить, что сам по себе объективно существующий уровень жизни, бесспорно, интересен для научного анализа, но вопросы эти относятся скорее к компетенции экономической науки. Для психологического исследования важнее субъективная (оценочная) сторона проблемы (Полыakov, Журавлев, 1992, 1994, 2012; Полыakov, Журавлев, Титова, 2008).

Чтобы выяснить, насколько старшекласники удовлетворены экономическими условиями своей жизни, им был задан прямой вопрос (в отличие от предыдущих, характеризующих экономическое благополучие лишь косвенно): «Насколько вы удовлетворены своим материальным положением?» Предоставлялось выбрать одну из шести заранее обозначенных позиций: «полностью», «в основном», «терпимо», «нуждаюсь», «не удовлетворен», «нищенствую». Оказалось, что полностью удовлетворенных своим материальным положением среди опрошенных респондентов оказалось всего 2,4%. В основном удовлетворены своим материальным положением 11,3%, определяют свое экономическое благополучие как терпимое 24%. Всего, таким образом, в зоне удовлетворительных (или хотя бы терпимых) экономических условий, по самооценке респондентов, живет меньше половины опрошенных (37,7%). Остальные относят себя к нуждающимся (18,6%) и неудовлетворенным (39,6%) своим экономическим благосостоянием. К сожалению, 3,1% респондентов вообще признают себя нищими. Анализ ответов на прямо сформулированные вопросы об удовлетворенности экономическими условиями жизни также свидетельствует об опасных тенденциях, которые прослеживаются в самочувствии старшекласников, основная масса которых не удовлетворена экономическим благосостоянием своей (родительской) семьи.

Экономическое сознание старшекласников формируется в первую очередь на наблюдениях экономических явлений, фактов и событий, происходящих в границах семейной экономики, с учетом их включенности в этот процесс. Эта включенность может быть реальной, т. е. такой, что старшекласник вносит существенный вклад в бюджет семьи, принимает участие в решении наиболее острых проблем ее экономического обеспечения. Но возможен и прямо противоположный вариант, когда старшекласник, будучи объективно включенным в экономические условия жизни семьи, субъективно далек от них, вопросы эти не становятся предметом его размышлений. В любом случае, как показывают беседы, проводившиеся со школьниками, их родителями и учителями, семейная экономика является той осью, вокруг которой вращаются экономические представления старшекласников, в основе таких представлений выступают доходы семьи, а точнее – удовлетворенность школьника уровнем этих доходов.

Экономические факторы в притязаниях старшекласников

Следующий вопрос был ориентирован на выявление уровня экономических притязаний респондентов и формулировался следующим образом: «Сколько, по Вашему мнению, нужно зарабатывать на одного члена семьи, чтобы обеспечить ему нормальные условия жизни?»

На проблемы экономических притязаний и экономического неравенства обращают внимание многие исследователи (Дробышова, Журавлев, 2009б, в, 2010, 2011; Журавлева, 2012а; Журавлев, Юренич, 2010, 2013; Курейченко, Журавлев, 2008, 2009; Китова 2015). Здесь следует отметить, что притязания – это личностное проявление потребностей (К. А. Абульханова-Славская). Они выражают не только предметные, но и ценностные особенности связи личности со средой, являются основой самовыражения личности (Парадигмы в психологии..., 2012). Притязание личности – это не только желание, но и оценка желаемого по целому ряду критериев: легкости–трудности, приемлемости–неприемлемости, значимости–незначимости, ценности или нецелесообразности; уровень притязаний непосредственно связан с образом Я и самооценкой. Сопоставление уровня притязаний с реальными возможностями личности даст личную информацию о том, насколько реалистичны намерения индивида. Дистанция от реального до ожидаемого дохода может рассматриваться как косвенный показатель неудовлетворенности экономических потребностей и источник активизации к поис-

Таблица 2
Сравнительная оценка реальных (среднестатистических)
и желаемых доходов старшеклассников
на одного члена семьи (в %)

Респонденты	Суммы						
	12–15 тыс. руб.	16–20 тыс. руб.	21–30 тыс. руб.	31–35 тыс. руб.	36–40 тыс. руб.	Выше 40 тыс. руб.	Запродуман ответить
Претензия городских школьников	7,4	27,5	7,4	27,5	19,6	5,9	1,9
Претензия сельских школьников	31,3	16,7	10,4	16,7	12,5	6,3	6,1
Реальные до- ходы горожан	38,6	47,7	8,9	2,9	1,6	1,2	–
Реальные доходы села	51,2	40,3	6,6	1,2	0,7	–	–

ку собственных, отличных от родительских, способов достижения высокого уровня жизни. Далее мы обобщили полученные результаты (см. таблицу 2).

Приведенные в таблице цифры можно анализировать по целому ряду направлений. Первое, что бросается в глаза: абсолютное большинство школьников считают, что доходы семьи недостаточны. Между реальностью и претензиями у многих испытуемых существует значительный разрыв. Часть школьников, 3,9% городских и 6,3% сельских школьников считают, что для создания нормальных условий жизни в расчете на одного человека необходимо более 40 тыс. рублей в месяц. Тут мы получаем многократный разрыв между реальностью и претензиями (более чем в 3,5–4 раза).

Очевидно, что материальные претензии сельских школьников во многом уступают претензиям школьников городских. Так, 31,3% сельских школьников считают доход в пределах от 12 до 15 тыс. рублей вполне достаточным для обеспечения приемлемого уровня жизни. С этим утверждением согласны 7,8% городских школьников, а 27,5% из них полагают, что для обеспечения достаточных материальных условий жизни необходимо получать 16–20 тыс. рублей в месяц (на каждого члена семьи). Далее уровень экономических претензий еще более увеличивается: 27,5% городских школьников хотели бы получать доход от 21 до 30 тыс. рублей в месяц. Среди

сельских школьников таких респондентов гораздо меньше – 16,7%. Не менее показательны притязания школьников, желающих получать доходы от 31 до 35 тыс. рублей в месяц (соответственно, 5,9% городских и 6,3% сельских школьников). Если перевести эти суммы на доходы одной среднестатистической семьи из 4-х человек, то ежемесячные поступления в бюджет такой семьи должны составлять от 120 до 150 тысяч рублей. Хорошо, если семья состоит из четырех трудоспособных лиц, а если имеет двоих несовершеннолетних детей, то родители должны получать по 75 тыс. рублей. А если еще и мать занята уходом за детьми, то все 150 тыс. рублей ложатся на плечи отца. Для современных экономических условий, сложившихся в обществе, такие притязания являются явно завышенными, это свидетельствует о том, что абсолютное большинство школьников демонстрирует в своих планах многократный отрыв (отлет) от реального уровня жизни населения, свойственного большинству регионов, да и мегаполисов тоже.

Не менее удивительно выглядит и тот факт, что 10% школьников (3,9% городских и 6,1% сельских) вообще затруднились определить приемлемый для них уровень доходов.

Экономические факторы в жизненных планах старшеклассников

Исходя из приведенных фактов, следует задуматься, каким же образом наши респонденты намерены достичь желаемого экономического благополучия. Для выявления данных представлений в опросный лист мы включили вопрос: «Как вы думаете, в какой сфере деятельности необходимо работать, чтобы обеспечить желаемый вами уровень экономического благополучия?». В первую очередь, старшеклассники ориентированы на наемную работу, что свойственно основной массе россиян (Ломов, Журавлев, 1978; Галкина, Журавлев, 2010; Глоточкин, Журавлев, Кольцова, Ласкуто, 2005; Личность профессионала..., 2013). Многообразие полученных ответов сведены нами в шесть подгрупп, которые отражены в таблице 3.

В первую группу вошли респонденты, выразившие намерение работать в бюджетной сфере, если можно так сказать, традиционно, т. е. на государственных предприятиях и в учреждениях в качестве наемных работников (18,2% от общего количества респондентов): в вузе, в медицинских учреждениях, в школе. Школьники, которые видят себя работниками в сфере государственных структур и намерены таким образом создать себе экономическое благосостояние, считают (как видно из контент-анализа письменных ответов),

Таблица 3

Ответы на вопрос: «В какой сфере деятельности необходимо работать, чтобы обеспечить желаемый вами уровень экономического благополучия?»

№	Характер ответов	Процент ответов
1	Работать в бюджетной сфере	18,2
2	По специальности (с учетом способностей и интересов)	17,2
3	Заниматься бизнесом	15,2
4	Там, где хорошо платят	14,1
5	В органах государственной власти	12,1
6	Лучше покой, чем большие деньги	8,9
7	За рубежом	5,1
8	Стать руководителем	4,9
9	Запутались ответить	6,1

что в бюджетных организациях хоть и низкие зарплаты, но они выплачиваются стабильно.

Вторая группа старшеклассников (17,2%) считают, что человек должен работать по полученной специальности и там, где ему нравится. Вот характерные ответы: «никогда нельзя стать хорошим специалистом в нелюбимом деле»; «человек должен выбирать работу в соответствии со своими способностями, иначе у него ничего не получится»; «лучше вообще не работать, чем работать там, где тебе не нравится».

Третью группу респондентов (15,2%) представляют школьники с выраженным стремлением к самостоятельности и желающие иметь высокий экономический уровень жизни. Они уверены, что только с помощью собственного бизнеса можно стать богатым и независимым человеком. Характерные ответы этих школьников таковы: «только свой бизнес предоставляет возможность неограниченных доходов»; «не хочу, чтобы кто-то мной командовал и решил, сколько мне платить, хочу решать сам – когда работать и сколько получить»; «бизнес гарантирует высокий доход, а главное, сам решаешь, с кем тебе общаться».

Четвертая группа школьников (14,1%) убеждена, что работать надо там, где хорошо платят. Они не делают различий между государственными и частными предприятиями. В этих случаях насто-

рассматривают их как живые надежды на государство (или на частных лиц), которые должны будут обеспечивать им высокие зарплаты.

Пятая группа школьников (12,1%) связывает свою судьбу также с государственными структурами, но весьма странным образом. Школьники этой группы не ориентируются на личный труд, не хотят брать на себя ответственность за других людей, занимая руководящие должности. Они хотят устроиться на работу, близкую к системе контроля экономических ресурсов, чаще в государственных структурах. Называются и конкретные профессии: налоговый инспектор, судья, член правительства, инспектор ГИБДД, судьяполковник и т. д. Одни старшеклассники пытаются скрыть свои истинные мотивы выбора сфер социально-экономической деятельности с высокими коррупционными рисками, другие, наоборот, совершенно откровенно об этом пишут и говорят. Вот типичные ответы: «хочу стать налоговым инспектором – они на работе ничего не делают, зато собирают со всех налоги и всегда при деньгах»; «хочу работать в правительстве, там за одну подписанную бумажку можно получить столько денег, что обычные люди за всю жизнь не заработают»; «у моего соседа-гашинника (имеется в виду ГИБДД) столько денег, сколько моим родителям-врачам и не снилось». Здесь уместно сделать одно уточнение. Мы не считаем, что профессии, которые выбирают школьники этой группы, недостаточно хороши сами по себе или не требуют напряженного труда и творческого подхода. Любая из этих профессий несет в себе немалую интеллектуальную и физическую нагрузку и приносит конкретную пользу обществу. Но многие школьники из этой группы рассчитывают жить не на вознаграждение за исполнение трудовых обязанностей, а на побочные доходы, которые лишь косвенно зависят от выполнения должностных обязанностей. Ценностью для этих ребят представляется не сама профессия, а косвенные доходы, которые выступают, по их мнению, средством обеспечения экономического благосостояния. В данном случае профессия и трудовая деятельность обретает другой (не связанный с призванием, например) психологический смысл. Здесь трудно избавиться от мысли, что данная группа школьников в будущем может стать резервуаром, откуда теневая экономика черпает свои кадры.

Следующая группа школьников способ создания экономического благосостояния также связывает с наемной работой в государственных учреждениях и организациях, но не в качестве «простого работника» они хотели бы занимать руководящие должности. «Надо занять ответственную должность, и будет хорошая зарплата», –

утверждает один из них. Другой уверен в позиции, что «без „кресла“ больших денег не видать».

Конечно, не все школьники стремятся принимать на себя такую ответственность, есть и такие ребята, которые предпочли бы измен высоких заработков спокойную жизнь (8,0%). Вот характерное высказывание: «Я решил стать трактористом – с голоду не умрешь и никто со стороны не будет представлять угрозу для моей жизни».

В связи с социально-экономическими преобразованиями среди старшекласников возникла волна представлений о вероятности достичь экономического благосостояния, работая за рубежом. Так, 5,1% школьников уверены, что в России нет возможностей для хорошего заработка, и хотели бы уехать за границу. Мотивы у всех одни и те же: там хорошо платят за любую работу.

Наконец, в шестую группу (6,1%) вошли школьники, которые уклонились от ответа. Интерпретировать такую позицию можно по-разному. Приходится полагать, что в старших классах школы довольно значимая группа учащихся все еще не думает о том, каким образом будет обеспечивать себе экономическое содержание. Мотивация такого поведения, как показали дополнительные беседы с ними, либо надписенческая («родители проормят»), либо инфантильная, когда школьник вообще не склонен думать о завтрашнем дне.

Правовые факторы в представлениях старшекласников об условиях достижения материального благополучия

Чтобы исследовать понимание старшекласниками условий, необходимых для достижения экономического благополучия, мы включили в список следующий вопрос: «Почему, по вашему мнению, сегодня одни живут зажиточно, а другие – бедно?»

Вопрос формулировался исходя из следующих соображений. Протекающие в условиях определенной социально-экономической среды явления преломляются в экономическом сознании человека и не могут быть свободны от чувственных переживаний. Осознание или неосознание тех или иных экономических явлений и процессов зависит не только от знания, позволяющего опознать эти явления и процессы, но и от отношения, которое это опознание (или неопознание) вызывает у субъекта (Методология комплексного человекознания..., 2008; Мирошник, Журавлев, 2012; Личность и бытие. ..., 2008). Из данной позиции, представленной К.Джемсом в его теории сознания, следует предположение, что для осознания существует, очевидно, некоторая оптимальная сила «раздражителя». При этом

нельзя не отметить и феномен «направленности сознания», который сопряжен как с самим раздражителем, так и с внутренней картиной мира человека. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «явления, оказывающиеся для субъекта антагонистически действующими силами, взаимно тормозят их осознание. Этим обусловлены трудности, на которые наталкивается осознание эмоционально действующих явлений, всегда наделяемых положительным или отрицательным знаком, а иногда и одним, и другим» (Рубинштейн, 1957, с. 2). Таким образом, в поле экономического сознания вводится эмоциональный фон чувствования и переживания человека. При этом осознанное и неосознанное предлагается различать не тем, что в одном случае все исчерпывающе осознается, а в другом это невозможно, а исходя из осознаваемых желаний и целей человека как вбирающих в себя и неосознаваемые компоненты экономического сознания. В рамках данной концепции осознание причин богатства и бедности является отражением экономического сознания личности, с которого можно считать и отношение к социально-экономической реальности, и к образующим эту реальность объектам и процессам.

Обобщение и анализ предполагаемых респондентами причин богатства и бедности показали, что старшеклассники выделяют шесть групп условий, способствующих обогащению личности в рыночных условиях:

1. **Политические условия обогащения.** Респонденты полагают, что богатство значительной части граждан объясняется неэффективным государственным управлением и вытекающими из этого социально-экономическими и общественными процессами. Здесь обнаруживают себя высказывания следующего типа: «в стране царит беспорядок», «экономическая политика правительства ошибочная», «виновата власть», «все зависит от политического руководства страны», «дешевая эксплуатация рабочей силы», «нет законов, вынуждающих платить людям достойные зарплаты», «чиновники используют власть для личного обогащения» и т. д.
2. **Экономические условия обогащения.** К условиям, связанным с отношениями, возникающими в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, относятся следующие высказывания респондентов: «инициативное расхождение стало возможным из-за неправильной приватизации», «все решается в конкурентной борьбе и выигрывает сильнейший», «у бедных нет работы», «богатые воспользовались сложившейся ситуацией», «богатые разбогатели за счет предприниматель-

тельства», «богатые занимают высокооплачиваемые должности», «торговец всегда принесит хорошую прибыль», «нужно найти хорошо оплачиваемую и престижную работу», «обогащаются за счет работы в крупных коммерческих структурах» и т.д.

3. *Правовые условия обогащения.* Из правовых условий обогащения респонденты отмечают несовершенство законодательства, регулирующего экономические взаимоотношения в обществе, и/или нарушение правовых норм поведения и деятельности. Типичные высказывания выглядят следующим образом: «богатые смогли вовремя наворовать», «качество жизни отличается только объемом воровства – кто-то ворует больше, кто-то меньше», «за счет одной зарплате богатства не добьешься, приходится прибегать к коррупции», «богатые умеют воровать у государства», «одни люди воруют и живут хорошо, другие не хотят воровать и живут бедно», «богатство достигается посредством преступлений и мошенничества», «богатые наживаются за счет бедных», «надо изменить законы или хотя бы заставить работать имеющиеся» и т.д.

4. *Психологические условия обогащения.* В представлении респондентов данные условия являются отражением психологических характеристик человека: интеллектуальных, волевых, мотивационно-ценностных и поведенческих. Психологические причины, предлагаемые респондентами, сконцентрированы в следующих высказываниях: «у богатых правильное мышление», «одни могут крутиться, другие – нет», «богатые – это те, у кого есть деловая хватка», «богатство достигается долгом и упорным трудом», «обогащаются за счет своей хитрости», «все зависит от самого человека», «богатые умеют поддерживать личные связи», «богатые способны идти на риск», «чтобы быть богатым, нужно поставить цель и настойчиво ее добиваться», «богатые являются целеустремленными людьми». Объясняя психологические условия обогащения, старшеклассники чаще всего говорят не об одном свойстве или качестве личности, а о целом их «букете». Вот несколько типичных мнений: «богатство достигается ежедневным и упорным трудом с помощью смекалки, мудрости, ловкости, иногда и хитрости, – при этом человеку необходимы еще большая сила воли и терпение»; «в основе богатства лежат несколько качеств, которыми должен обладать человек: расчетливость, собранность, сообразительность и решительность», «богатство – это упорство, выдержка, стремление, а в особых случаях и мужество».

5. *Случайные условия обогащения.* В эту группу условий мы объединили позиции тех старшеклассников, которые склонны думать, будто обогащение никак не зависит от самого человека, его поступков и воли, а является результатом стечения различных обстоятельств. По мнению старшеклассников, эти обстоятельства могут быть связаны с условиями рождения человека или сложиться в процессе его жизнедеятельности. Приведем наиболее характерные высказывания: «у каждого своя судьба», «все зависит от воли Аллаха», «значит, на роду было так написано», «богатым всегда везет, им сопутствует удача», «некоторым повезло родиться у богатых родителей», «богатые всегда были богатыми». Есть даже респонденты, которые выдвигают это условие как единственное условие экономического благополучия личности.

Анализ ответов старшеклассников позволил не только выделить условия обогащения личности, представленные выше, но и выявить еще один аспект проблемы. Как оказалось, в своих ответах респонденты выделяют не только содержательные условия внешней среды, способствующие обогащению личности, но и фоновые условия обогащения. Последние не являются самостоятельными, а вливаются в канву вышеприведенных условий обогащения и функционируют одновременно с ними. К фоновым условиям обогащения можно отнести следующие:

1. *Нравственные условия.* Некоторые старшеклассники связывают причины обогащения с нравственными характеристикам личности, что находит свое отражение в работах многих современных авторов (Купрейченко, Журавлев, 1999, 2010; Волоникова, Журавлев, 2015; Вацакина, Журавлев, Позняков, 2016; Воробьева, Журавлев, Купрейченко, 2007; Психологические исследования нравственности, 2013). Одни считают, что богатые – это люди без моральных принципов: «богатые много воруют, у них нет совести и морали», «они могут переступить через свою совесть», «у богатых нет ничего святого, они ничем не брезгают», «богатство наживается наглостью и обманом», «зарабатывают на жизнь нечестным путем», «обогатиться можно только при помощи обмана, иногда небольшого, а иногда дело доходит до воровства и даже убийств», «ведущая характеристика богатых – отсутствие духовных ценностей» и т.д. Другие склонны осуждать данные утверждения и полагают, что к богатству ведет нравственная чистота личности. Вот одно из таких высказываний: «доброта,

бескорыстность, любовь к людям позволяет налаживать контакты с людьми, а доверие и уважение окружающих и Божья помощь ведут к обогащению и покою в душе».

2. **Уровень и качество образования.** Часть школьников уверены, что количество и особенности образовательного багажа личности сегодня являются одними из определяющих условий обогащения. Вот типичные мнения представителей этой подгруппы: «максимально верный путь к богатству в современных условиях – это знание IT технологий, труд таких специалистов оплачивается очень хорошо, а на рынке ощущается их нехватка», «я думаю, что прежде всего нужно получить хорошее образование, после чего богатство станет лишь результатом усердия и трудолюбия», «необходимо получить хорошее образование, пройти стажировку (забраться опыта), после этого обогащение – не проблема», «без знания языка в современной экономике рассчитывать на достойную оплату труда не приходится».
3. **Фактор времени.** Респонденты склонны считать, что фактор времени тесно сопряжен с процессами достижения экономического благополучия. Так, говоря об экономических или личностных условиях обогащения, старшеклассники отмечают, что достижение экономического благополучия – это не okamennyye явление, а результат планомерных и длительных усилий: «к обогащению человек движется на протяжении многих лет», «если человек будет работать много лет добросовестно и усердно, то он обязательно достигнет экономического достатка».
4. **Нелегитимность экономической деятельности.** Часть респондентов уверена, что в основе экономического благополучия большинства богатых людей лежит нелегитимная экономическая деятельность. Респонденты говорят о таких общественно опасных и противоправных деяниях, как уклонение от уплаты налогов, таможенные преступления, мошенничество, вымогательство, втягивничество и др. Высказывания этих респондентов перекликаются с высказываниями, связанными с правовыми условиями обогащения, поэтому мы не стали представлять их отдельно.

Все выведенные из ответов старшеклассников условия обогащения для удобства и наглядности анализа сведены в таблицу (см. таблицу 4).

Как уже отмечалось выше, высказывания респондентов не ограничивались никакими внешними условиями, и они называли все

причины, которые, по их мнению, определяют условия достижения экономического благополучия в современных социально-экономических условиях развития общества.

Из таблицы видно, что в среднем каждый школьник высказал около 2,5 условий, оказывающих непосредственное воздействие на процесс создания экономического благополучия человека. Как видим, они самые разнообразные. Наиболее яркое впечатление производит тот факт, что из всех групп выделенных условий обогащения наибольшее внимание респонденты уделяли психологическим характеристикам личности. Значимость психологических условий обогащения отметили в среднем 72,0% респондентов, при этом городские школьники называют психологические условия в 2 раза чаще, чем сельские (96,0% и 48,0% соответственно). Объяснить такую разницу можно тем, что городской быт устроен куда сложнее, чем сельская жизнь, и в городских условиях больше возможностей для выбора сферы и формы экономической деятельности. Условия городской социальной среды более разнообразны, и это сказывается на том, что городские школьники более информированы и могут использовать больший объем информации при обдумывании способов достижения экономического благополучия.

Таблица 4
Условия достижения экономического благополучия
(по мнению старшеклассников) (в %)

Условия достижения экономического благополучия	Городские школьники	Сельские школьники	Среднее значение
Психологические	96,0	48,0	72,0
Экономические	54,9	66,6	60,8
Призовые	41,2	35,4	38,3
Нравственные	39,2	29,2	34,2
Случайные	17,6	31,3	24,5
Политические	7,8	4,1	6,0
Образовательные	5,9	–	3,0
Временные	–	2,1	1,1
Затруднились ответить	–	2,1	1,1
Итого	262,2	218,8	241,0

Примечание: респонденты называли несколько условий достижения экономического благополучия.

В этой позиции (психологические условия обогащения) старшеклассники указывают более 100 характеристик личности, способствующих повышению уровня ее жизни: шустрый, проливной, активный, приспособляемый, добрый, бескорыстный, доверительный, коммуникабельный, усердный, упорный, предприимчивый, настойчивый, бережливый, общительный, наглый, циничный, терпеливый, независимый, жесткий, сообразительный, бесовестный, думающий, талантливый, целеустремленный и т.д. Приводимые старшеклассниками характеристики личности носят как позитивный, так и негативный характер.

Вторыми по значимости условиями обогащения старшеклассники считают экономические – наличие хорошей работы и/или своего бизнеса. Такой позиции придерживаются 60,8% опрошенных, из них 54,9% городских школьников, 66,6% сельских. В принципе с мнением старшеклассников можно согласиться: при наличии соответствующих психологических предпосылок высокооплачиваемая работа и предпринимательская деятельность могут обеспечить человеку в условиях рыночных отношений стабильный и относительно высокий уровень жизни. Здесь можно отметить, что городские школьники более рассчитывают на свой бизнес, а сельские хотели бы устроиться на наемную работу.

Тревогу вызывает старшеклассники, которые считают, что на наемной работе «на одну зарплату не проживешь», т.е. они склонны в рамках легитимных способов обогащения использовать еще и криминальные варианты пополнения личного бюджета. Среди намеренных заняться бизнесом также есть лица, склонные игнорировать рамки закона. Это те старшеклассники, которые, например, собираются уклониться от уплаты налогов.

Отсюда нетрудно заключать, что повышенный интерес школьников к экономическим условиям обогащения не есть признак массового проявления способностей к экономической деятельности. Тут присутствуют и скрытые мотивы далеко не самого похвального качества. Планы достижения высокого уровня жизни у некоторых старшеклассников побуждают человека опасно близко подходить к границам законности, а иногда приобретают и откровенно криминальную направленность. Здесь ведущим является мнение, что значительное богатство можно нажить только посредством нарушения законодательства: так считают 41,2% городских школьников и 35,4% сельских (среднее значение для тех и других – 38,3%). Результаты свидетельствуют о том, что городские старшеклассники проявляют большую убежденность в не-

обязанности преступить закон для достижения экономического достатка.

Переключаются с криминальными позициями и нравственные условия обогащения, выделенные старшеклассниками. Дело в том, что противоправные условия обогащения (воровство, коррупцию, мошенничество и т.д.) некоторые старшеклассники оценили не с правовой точки зрения, а с нравственной. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, не все школьники понимают, что оговариваемые ими условия обогащения являются противоправными. Во-вторых, респонденты считают, что противоправность многих применяемых способов обогащения не может быть доказана с правовой точки зрения, т.к. она носит латентный характер, и чаще всего эти люди остаются ненаказанными в административном или уголовном порядке. Наконец, нельзя отрицать, что в ответах респондентов при негативной оценке условий обогащения проявляются механизмы психологической защиты: мол, а беден, потому что веду честный и открытый образ жизни.

Условия обогащения с позиции нравственности оценили 34,2% старшеклассников. Здесь также лидируют городские школьники, среди них таких позиций придерживаются 39,2%, что на 10% выше, чем у представителей сельских школ.

Правовой негативизм проявляется и в оценке старшеклассниками влияния государства на материальные условия жизни граждан. Так, 6,0% школьников видит причину обогащения некоторых людей в непродуманной политике государства. Городские школьники имеют численный перевес и в этой позиции – 7,8% против 4,1%.

Почти каждый четвертый школьник (24,5%), а среди сельских – каждый третий (31,3%) видит одной из причин обогащения (многие и единственной) случайные обстоятельства. Конечно, нельзя отрицать роль случайных (зависящих от случая) событий в жизни человека, но и думать, что они являются основными детерминантами экономического благополучия, является явным заблуждением.

Представления старшеклассников об условиях достижения экономического благополучия имеют гендерные особенности: юноши склонны считать в качестве условий экономической успешности правовые и экономические, а девушки – психологические. Случайное стечение обстоятельств, связанных с везением или удачей, находит отражение в представлениях как юношей, так и девушек.

Как видим из приведенных выше данных, многочисленная группа школьников выражает слабые надежды на легитимную трудовую

деятельность как на способ достижения экономического достатка. Отсюда проистекает весьма печальный вывод: более трети всех обследованных старшеклассников материальный достаток связывают с криминальными поступками и действиями. Как будут социализироваться эти школьники во взрослой жизни при такой убежденности, когда легитимные способы экономической деятельности перестанут быть средством достижения экономического достатка, нетрудно себе представить.

Обобщая приведенный эмпирический материал, можно заключить, что мнение старшеклассников, утверждающих, будто материальный достаток – это результат противоправных и безразличных действий, к сожалению, небезосновательно, а порождается условиями среды обитания. Таким образом, правомерно говорить, что первичная социализация старшеклассников протекает в условиях высокориминальной социально-экономической среды, которая транслируется через СМИ, а позиции детей являются скорее отражением нашей действительности, чем вымыслом.

Представляемость коррупции в правосознании старшеклассников

Перейдем к анализу социальной категоризации и интерпретации старшеклассниками экономико-правовых фактов, которые демонстрируют уровень их коррупционной просвещенности. Для этого воспользуемся концепцией сознания У. Джемса. Обобщая свою теорию сознания, У. Джемс отмечает, что возникновение сознания – это возникновение сознательных действий, сознательного поведения. Таким образом, мы можем исходить из того, что экономическое сознание (сознание или несознание) находит свое отражение именно в сознательном экономическом поведении личности, которое преломляется через систему экономических знаний. В данном случае нас интересует уровень знаний старшеклассников, который позволяет говорить об уровне их экономико-правовой компетентности, о понимании коррупции как правового явления, о пропиховании в суть данного явления, о возможности идентификации данного явления, что связано с точностью выделения признаков коррупционного преступления.

Признаки явления, как известно, – это достаточные условия, необходимые для причисления его к некоторому классу. В нашем случае признаки коррупции – это описания фактов, позволяющих сделать вывод о наличии коррупционного правонарушения или преступления, согласно законодательству РФ.

Ниже перечислены признаки коррупционного преступления, выявленные посредством контент-анализа из ответов старшеклассников на вопрос «Что такое коррупция?». Выявленные признаки представлены по мере убывания веса фактора в ответах респондентов.

Итак, в представленных старшеклассников признаки коррупции сконцентрированы в следующих утверждениях:

- коррупция – это деньги (96,5%);
- коррупция – это взятка (88,3%);
- коррупция – это оплата за конкретные действия или услугу (86,9%);
- коррупция – это действия должностного лица (61,1%);
- коррупция – это вымогательство, т.е. недобровольное, вынужденное действие (48,0%);
- коррупция – это незаконные действия, преступление (34,8%);
- коррупция – это крупное экономическое преступление (30,8%);
- коррупция – это просто благодарность или подарок (11,6%).

Для удобства восприятия и анализа полученные результаты отражены на диаграмме (см. рисунок 2).

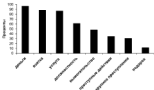

Рис. 2. Признаки коррупции в представленных старшеклассников

Представленные результаты позволяют утверждать, что свыше 96% старшеклассников неверно оценивают юридические признаки коррупции. Результаты исследования позволили описать и представить ниже целый ряд типичных заблуждений, которые демонстрируют респонденты в своих ответах.

Заблуждение 1. «Коррупция – это взятка». Коррупция – это не только взятка, но и ряд других правонарушений и преступле-

ний с использованием служебного положения или связанных с подкупом должностного лица.

Заблуждение 2. «Коррупция – это деньги». Взятка – это не только деньги, ценные бумаги, но и иное имущество либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (например, кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, туристических путевок, бесплатных либо по заниженной стоимости и т.д.).

Заблуждение 3. «Коррупция – это вымывательство (т.е. недобровольное, вынужденное действие)». Взятка – это не только вынужденное вознаграждение «до» предоставленной услуги («взятка-подкуп»), но и совершенно добровольно выраженная благодарность, реализуемая после оказания услуги («взятка-благодарность»).

Заблуждение 4. «Коррупция – это незаконные действия, преступления». Взятка за законные действия по службе, за то, что должностное лицо и так вправе или обязано было сделать – это тоже преступление.

Заблуждение 5. «Коррупция – это плата за конкретные действия или услуги». Взятка – это вознаграждение не только за действия, входящие в служебные полномочия должностного лица, но и за то, чему оно может способствовать в силу должностного положения, а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Заблуждение 6. «Коррупция – это действия должностного лица». Стать коррупционером можно не только будучи должностным лицом. Например, субъектом коррупции может стать любое гражданское лицо, которому исполнилось 16 лет, предлагающее или дающее взятку должностному лицу.

Заблуждение 7. «Коррупция – это крупное экономическое преступление». Вопреки распространенному заблуждению, у взятки фактически нет минимального размера.

Заблуждение 8. «Коррупция – это просто благодарность или подарок». Можно согласиться, не все, что передается или дается, является взяткой. Существуют подарки, которые должностное лицо принять вправе, и по законодательству «обычный подарок» – это не взятка. Но никто из опрошенных старшеклассников не смог назвать отличия подарка от взятки.

Для наглядности результатов сведем выявленные заблуждения старшеклассников о признаках коррупции в таблицу (см. таблицу 5). В первом столбце таблицы представлены признаки коррупции, во втором дана правовая оценка достоверности ответа, в третьем зафиксирована протокольная точность ответа. Таблица позволяет

Таблица 5

Признаки коррупции в представлениях старшеклассников
и их правовая оценка

№	Признаки коррупции	Правовая оценка	Точность ответа
1	Деньги	не только	нет
2	Взятка	не только	нет
3	Золота	не только	нет
4	Субъект преступления – должностное лицо	не только	нет
5	Вымогательство	не обязательно	нет
6	Вознаграждение за незаконные действия	не обязательно	нет
7	Крупные преступления (с экономической точки зрения)	не обязательно	нет
8	Подарок	ни когда	нет

наглядно увидеть все заблуждения, высказанные респондентами в ходе исследования.

По теории У. Джемса, экономическое сознание, выполняя функцию приспособления, адаптируется к заданным социально-экономическим условиям среды. В случае, когда запасов, адекватных требованиям среды и потребностям личности, реакций недостаточно для адекватной адаптации к возникающей социально-экономической ситуации, экономическая сфера сознания фильтрует стимулы, отбирает из них значимые, сопоставляет их между собой и регулирует поведение индивида на основе его личных экономических предпочтений и приоритетов (Теория и методология..., 2007; Тенденции развития..., 2007; Психология управления..., 2010; Журавлева, Журавлев, 2005; Журавлева, 2013). Остается только предположить, сколько неверных решений может быть принято старшеклассниками на основе функционирующих в их сознании правовых заблуждений.

1. По результатам эмпирического анализа наибольший удельный вес в структуре жизненных событий, порождающих эмоционально окрашенные переживания и мысли, приходится у старшеклассников на проблемы, затрагивающие экономическую сферу жизнедеятельности: низкий уровень жизни, низкая оплата труда в бюджетных организациях, отсутствие первоначального капитала, неуверенность в завтрашнем дне и проблемы трудоустройства.

Поддаляющему большинству событий, имеющих отношение к экономическому благополучию, респонденты дали негативную оценку. Экономический фактор порождает негативные эмоции практически у каждого респондента (96%), что свидетельствует о крайне низком уровне удовлетворенности населения экономическими условиями жизни и может иметь непредсказуемые правовые последствия как для экономической социализации школьников, так и для общественной безопасности.

2. Старшеклассники выделяют шесть основных условий социально-экономической среды, способствующих обогащению личности в современных условиях: политические, экономические, правовые, личностные, нравственные и случайные обстоятельства. Определяющим условием достижения экономического достатка старшеклассники склонны считать психологический фактор, но не могут выделить конкретные качества и свойства личности, ведущие к экономическому благосостоянию.
3. Концепция экономического самообеспечения в основных своих чертах ко времени окончания школы формируется практически у всех старшеклассников, но у подавляющего большинства она складывается стихийно, оказывается фрагментарной и неадекватной условиям рыночных отношений. Способы, которыми респонденты намерены достичь желаемого экономического благополучия, сведены нами в шесть подгрупп: *работать в бюджетной сфере; работать по востребованной специальности; создать свой бизнес; работать там, где хорошо платят; занимать руководящие должности; работать за рубежом; позиция «пока ничего не могу сказать».*

Старшеклассники связывают свою судьбу также с государственными структурами, но весьма своеобразно: трудовая деятельность становится средством получения доступа к распределению материальных и духовных благ, которые находятся в ведении государства.

Намерения части старшеклассников, направленные на достижение экономического благополучия, носят откровенно криминальный характер. Здесь ведущим является мнение, что значительное богатство можно нажить только посредством нарушения законодательства. Данные позиции опасны не только для общества, но особенно губительны для самой развивающейся личности.

4. Представления старшеклассников об условиях достижения экономического благополучия характеризуются гендерными при-

знаками: юноши выделяют в качестве наиболее важных условий экономической успешности правовые и экономические обстоятельства, а девушки – психологические. Случайное стечение обстоятельств, связанное с везением или удачей, находит отражение в представлениях как юношей, так девушек.

5. При ответе на вопрос «Что такое коррупция?» старшеклассники назвали следующие признаки: деньги, взятка, оплата за конкретные услуги, действия должностного лица, вымогательство, незаконные действия, преступление, крупное экономическое преступление, подарок. Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что свыше 96% старшеклассников неверно оценивают юридические признаки коррупции. Эти результаты демонстрируют частный случай типичного для россиян низкого уровня правовой компетентности населения.

3.2. Дескриптивный анализ представлений молодежи о коррупции, ее последствиях и возможностях противодействия

Методологический подход к исследованию

С научной точки зрения представления являются объектом исследования различных отраслей знания – философия, права, педагогики, психологии. Каждая отрасль науки вносит в определение данного понятия свою специфику. В психологии представления рассматриваются как форма индивидуального чувственного познания, являющая своим результатом целостный образ объекта, который зарождается у человека вне непосредственного воздействия этого объекта на органы чувств.

Обобщая теоретические и эмпирические исследования представлений как психологического феномена, можно отметить несколько основных позиций (Субъектный подход..., 2009; Социальная психология..., 1999, 2002; Социально-психологическая..., 1998; Психология человека..., 2014). В современной психологической теории существуют различные подходы к классификации представлений личности: по видам ведущего анализатора; по степени обобщенности; по степени проявления волевых усилий; по происхождению. Выделяются основные функции представлений – сигнальная, регулирующая, надстроечная. Отмечается, что представления конструируются как на основе памяти предшествующего сенсорного опыта (чувственно связывая настоящее с прошлым), так и в контексте продуктивного воображения (связывая прошлое

и настоящее с будущим). Представления регулируют внутреннюю организацию, поведение и деятельность человека. Представления можно рассматривать и как процесс, и как результат этого процесса. Исходным пунктом и результатом трансформации представлений является образ мира в представлениях личности, который опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие на субъект (Китова, Кубанова, 2009).

Одна из важных проблем теоретического и практического характера в исследовании представлений – это соотношение обиденного и научного знания. Оно достаточно полно отражено в теории представлений, разрабатываемых в зарубежной и отечественной психологии (К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Андреева, А. Н. Донцов, С. И. Ерина, В. Л. Калыкова, И. Шихирев, Е. В. Шморина, Е. В. Якимова). В отечественной традиции исследование представлений обрело свою специфику, связанную с личностной направленностью, с обращением к глубинным, архетипическим основаниям, со сращиванием с концепцией субъекта деятельности, с конструированием социальных представлений (К. А. Абульханова, И. А. Дзедзидарян, Т. П. Емельянова).

Для целей нашего исследования наиболее значим тот факт, что представления, выступая креативным механизмом восприятия, могут осуществлять «отлет» от прошлого опыта, выступают факторами преобразования наличного опыта и порождения на этой основе новых образов. Проективные характеристики представлений выражаются по-разному: в построении образа мира; в создании программы поведения при неопределенности проблемной ситуации; в продуцировании образов, не программирующих деятельность, а замещающих ее; в создании проективных образов, отражающих представления субъекта об объектах, явлениях и текущем состоянии социально-экономической среды. Таким образом, представления относятся к числу высших психических процессов, которые позволяют не только познавать, но и преобразовывать мир (Китова, Кубанова, 2009).

Исходя из приведенных теоретических позиций, мы будем рассматривать представления молодежи о коррупции как непрерывно сменяющуюся совокупность чувственных и умственных образов, непосредственно представляющих перед субъектом в его внутреннем опыте, предвосхищающих и определяющих вектор его реальной социально-экономической жизнедеятельности.

При таком подходе становится понятным, что уровень развития правовых представлений личности оказывает существенное влияние

на обеспечение правопорядка и безопасности в обществе. Позитивные правовые представления общества, уважение граждан к закону являются основой правового и социального благоволения государства, эффективного функционирования правовой системы. Таким образом, исследование коррупционных представлений личности вырастает в самостоятельную социально-психологическую проблему. Актуальной ветвью такого исследования выступает непосредственное исследование коррупционных представлений молодежи, которая является базовой группой социального воспроизводства общества.

На целесообразность выделения молодежи в самостоятельную группу экономико-психологического исследования обращают внимание многие современные ученые (Журавлева, Журавлев, 2001; Журавлева, 2012б). А. Б. Купрейченко и А. Е. Воробьева отмечают, что «социальные изменения оказывают влияние на всех членов общества, но в наибольшей мере на тех, чьи нормы и принципы, жизненные цели и идеалы находятся в процессе становления или переоценки, т. е. детей, подростков, молодежи» (Купрейченко, Воробьева, 2013, с. 72). Проблема самостоятельного исследования коррупционных представлений молодежи актуальна еще и по причине того, что «ориентация молодежи на достижение материального достатка, стремление к материальному успеху сопровождается снижением значимости некоторых духовных ценностей и, в свою очередь, ведет к трансформации всей системы жизненных ценностей личности» (Журавлева, 2013, с. 347).

Таким образом, представления молодежи о коррупции выступают актуальной и самостоятельной психологической проблемой. Вместе с тем социальная значимость и социальное содержание представлений молодежи о коррупции актуализируют и объективируют предмет нашего исследования – дескрипторный анализ представлений молодежи о коррупции и коррупционных правонарушениях – в контексте социально-психологических исследований (Журавлева, 2005; Соснин, Журавлев, 2013а, б; Юрвич, Журавлев, 2012).

Методологические подходы и методы эмпирического исследования

Базовым методом выявления психологических особенностей коррупционных представлений молодежи избраны проективные методики. Использование проективных методик, как известно, позволяет респондентам излагать ответы из своего индивидуального опыта без необходимости опираться на закодированную в вопросах информацию. Например, вопрос «Какие личностные характеристики

коррупционеров вы могли бы назвать» уводит респондентов от профессиональных характеристик, а вопрос «Как широко распространена коррупция в России?» наводит на ответ, что коррупция – широко распространенное явление в современном российском обществе. Избранный нами метод «незаконченных предложений» позволяет максимально полно респондентам – сформулировать в излагаемой информации свои индивидуальные представления, а исследователю – увидеть коррупцию глазами респондентов.

Предлагаемая методика состояла из пяти предложений. Предлагалось продолжить следующие фразы:

1. Коррупция – это...;
2. Причинами коррупции являются...;
3. Наиболее распространенными сферами коррупции являются...;
4. Последствиями коррупции являются...;
5. Противостоять коррупции можно, если...

Исследование проводилось в письменной форме. Начальные формы предложений предлагались на бланке формата А4. Инструкция одновременно излагалась исследователем и была указана на бланке опросного листа. Указания выражались в следующей форме: «Перед вами список незаконченных предложений, каждое из которых необходимо завершать. Завершите предложение характерным для вас содержанием, насколько не задумываясь о правильности ответа, его полноте и содержательности (метод мозгового штурма). Опрос проводится анонимно».

Обработка полученных результатов проводилась с помощью контент-анализа. В качестве базовых аналитических операций был использован простой подсчет ключевых слов и позиций по тематическим направлениям. Количественный и качественный анализ ответов в предложениях 1–5 проводился внутри тематической подгруппы. Полученные ответы сводились в соответствующие подгруппы, а их количественные характеристики заносились в табличные формы.

В исследовании приняла участие 247 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Среди них 134 юноши и 113 девушек. В целях нашего исследования данная выборка привлекательна тем, что в этом возрасте у человека сформирована система социальных цепностей, происходит интенсивное усвоение социального опыта, вырабатывается устойчивая концепция жизнедеятельности. Молодые люди уже готовы не только перенимать социальный опыт, но и начинают активно воспроизводить этот опыт в своей повседневной жизнедеятельности.

Избранный методический инструментарий и возрастные особенности развития респондентов отвечают замыслу нашего исследования. Реализуемый подход к выборке респондентов позволяет выявлять психологические особенности дескрипторных представлений молодежи о коррупции, оценить их в свете стратегических ориентиров общественного развития.

Результаты эмпирического исследования

В процессе обобщения и анализа первого предложения «Коррупция – это...» были получены следующие результаты.

Большинство респондентов (83,7%) указало на коррупцию как на разновидность экономических преступлений. Коррупция актуализируется в сознании респондентов как преступление, совершенные с использованием служебного положения в личных (корыстных) целях. По мнению респондентов, коррупционные преступления совершаются в различных формах. Среди форм проявления коррупции респонденты выделяют такие как взяточничество (19,4%), воровство (15,0%), вымогательство (11,3%), налоговые преступления (8,1%), отмыкание денег (7,7%), мошенничество (7,3%), фальшивомонетничество (3,6%), убийства (2,8%), преступления с использованием компьютерных технологий (2,8%), ограбления (2,8%). Результаты представлены на рисунке 3.

Вторая подгруппа респондентов отметила коррупцию как актуальную проблему современного общества. Респонденты полагают, что коррупция проявляется в правовой (18,2%), социальной (10,9%) и экономической (7,7%) сферах жизнедеятельности современного

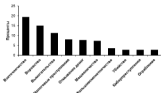

Рис. 3. Представления молодежи о формах проявления коррупции

человека. Общая численность респондентов в этой подгруппе составляет 36,8%.

В третью подгруппу объединены ответы респондентов, которые определяли коррупцию как экономическое явление, проявляющееся на всех уровнях деятельности государства и его институтов. Коррупция отмечается как опасное (11,3%), многоуровневое (7,3%) и системное (2,8%) экономическое явление. Этих позиций придерживаются 21,4% респондентов.

Четвертая подгруппа респондентов рассматривает коррупцию с психологической точки зрения. Среди психологических характеристик они отмечают низкий уровень правового сознания населения, который проявляется в пренебрежении законом (12,6%), в игнорировании (3,6%) или нарушении (2,8%) законодательства. Эта подгруппа самая малочисленная и составляет 19,0%.

Обобщение результатов, полученных при завершении второго предложения («Причинами коррупции являются...»), показало, что молодые люди выделяют следующие социальные причины распространения коррупции: низкий уровень правосознания населения; низкий уровень самоорганизации гражданского общества; отсутствие целостной системы антикоррупционного просвещения и воспитания подрастающего поколения; сращивание государственных структур с преступными сообществами; низкий уровень оплаты труда и социальной защищенности государственных служащих; круговая порука в среде чиновников и топ-менеджеров; нежелание населения включаться в антикоррупционную борьбу; низкая профессиональная удовлетворенность чиновников. Типичные высказывания таковы: «никому не интересно, кто у кого и чего берет, каждый думает о себе и своих проблемах»; «...в ЖЭК навкручивают баснословные тарифы, а в прокуратуре ничего не хотят предпринимать (иди сюда), я думаю, что они делаются»; «сдавал отчет в налоговую, обычно это занимало 15 минут, последний раз девушка вбивала пустой отчет 45 (!) минут... больше не лезу к ним, сдаю через Сеть. Зачем таких брать на работу, да еще и с людьми?».

Названы и экономические причины коррупции: низкий уровень жизни основной части населения; отсутствие эффективного государственного контроля над хозяйственной деятельностью субъектов экономики; мизерные размеры заработной платы чиновников; согласительный и взаимовыгодный характер коррупционных взаимоотношений чиновников, населения и бизнеса; высокая экономическая привлекательность коррупции для коррупционеров.

Приведем типичные высказывания респондентов: «уплата налогов проверяется избирательно, можно заплатить, чтобы не попасть в „избранные“, это дешевле»; «дешевле заплатить за устройство ребенка в садик, чем оплачивать услуги няни на дому»; «людям не на что жить, вот они и готовы тянуть из „ближнего своего“, выскочить-то надо, семью кормить тоже надо»; «сделали бы чиновникам хорошие зарплаты, так они бы за место тряслись, а не за взятками гонялись»; «не думаю, что полицейскому или врачу охота ходить и „выбивать“ из людей взятки, платили бы им нормально – были бы нормальными людьми»; «...он заплатил за место (о госавтоинспекторе), ему эти деньги надо „отбить“, – все логично».

Культурно-исторические причины коррупции, по мнению ряда респондентов, состоят в следующем: культурная обусловленность, распространенность и традиционность коррупционных отношений в российском обществе; распространенный принцип подчиняться не закону, а начальству; слабо укрепившиеся рыночные взаимоотношения; всеобщее обыкновение благодарить за оказанную помощь, поддержку, услугу. Вот характерные высказывания: «Оперировали маму, ну как врачу не „дать“? Не в кассу же большуючку нести эти деньги, врач ничего с таких денег не получит. Врач хороший, спасибо ему! А ведь это тоже коррупция, рост теневой экономики! Но с традициями нужно считаться»; «Если в России не дают взятки, то давать взятку некому, так было всегда»; «В России традиционно государство слишком вмешивается в экономические отношения людей, куплю-продажу за 1500 рублей»; «...магарыч – не взятка, а пойдя, докажи! Уже и спасибо нельзя сказать человеку!».

Назовем также и психологические причины: источник возможностей для усиления личной власти; привлекательность высокого социального статуса и общественного положения; нежелание вникать в чужие проблемы; равнодушие к негативным последствиям коррупции; привычка жить в обществе с двойной моралью; смешение социалистических и рыночных стереотипов поведения; трансформация ценностных ориентаций; деформация нравственных принципов; правовой нигилизм населения. Типичные высказывания: «мир изменился, все имеет цену, и нам надо это понимать»; «они такие убогие (чиновники), все делают, лишь бы показать, какие они важные, зота и жадность присутствует, наверное»; «они один человек, берущий взятку, не думает о будущем страны, они не умеют так думать»; «...они просто извечно бесовестные».

Прочие причины – следующие: несовершенство законодательства; неадекватная регламентация служебных полномочий долж-

ностих лиц; низкая эффективность работы судебной системы; низкая правовая компетентность населения; коррупциогенные нормы в законодательстве; деградация судебной системы; коррупционность правоохранительных органов. Типичные высказывания: «милиция чаще всего собирает взятки с населения – угрозой „посадки“ тем, где на самом деле посадить невозможно... но люди впадают в панику и сразу начинают платить»; «умный в суд не ходит, а дурак оттуда не выходит: суды ничего не решают по закону кто заплатил, тот и прав»; «чем крупнее ворует, тем больше шансов остаться безнаказанным»; «воровать можно, если не забываешь делиться с начальством»; «пусть все услуги сделают платными, – и народу хорошо, и казна доход: раздумывают запреты, а потом гонятся за „прзраками“ коррупции».

Политические причины – избыточная монополия государства на определенные виды услуг; политическое покровительство коррупционеров; оторванность бюрократической элиты от народа; несамостоятельность избираемых лиц от своих избирателей; непродуктивность и непоследовательность антикоррупционной политики. Приведем некоторые типичные высказывания: «ни один судья не примет решения против вышестоящих руководителей, тем более против представителей власти, его уволят уже к вечеру»; «депутаты думают что им выдумается, нужно лишить их неприкосновенности, а лучше вообще сажать за лоббирование интересов преступных группировок»; «от мнения людей ничего не зависит»; «а вы знаете зель одного чиновника, которого сняли с должности потому, что народ им возмущен?»

Классификация ответов и подсчет результатов позволили определить иерархическую структуру представлений молодых людей о причинах коррупции. Получена следующая последовательность факторов, способствующих, по мнению респондентов, распространению коррупции: социальные (31,1%), экономические (24,3%), культурно-исторические (14,9%), психологические (11,5%), правовые (10,1%), политические (8,1%). Итоговые результаты представлены на рисунке 4.

Анализ ответов показал, что молодые люди по-разному объясняют причины коррупции (как социального феномена) и коррупционное поведение личности, что для нас оказалось неожиданным. Так, контент-анализ ответов выявил, что респонденты называют шесть основных причин распространения коррупции. Причин же коррупционного поведения личности, по мнению респондентов, всего четыре: социальные, экономические, культурно-историчес-

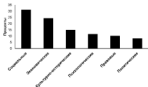

Рис. 4. Причины коррупции в представлениях молодежи

ние и психологические; из этого списка «выпадают» правовые и политические основания.

Рассмотрим соотношение причин коррупционного поведения личности, которые представлены в ответах респондентов, и попробуем выявить основания для такого ограничения (см. рисунок 5).

Социальными причинами коррупционного поведения личности, по мнению респондентов, кроются в том, что люди, устраиваясь на работу, попадают в уже функционирующие коррупционные системы связей и отказаний, которым трудно противостоять. Да и сомнительно, что такое вообще возможно. Есть данные, подтверждающие, что коррупционная система выдвигает из своих рядов людей, не поддерживающих установившиеся коррупционные нормы поведения (Журавлев, Юренич, 2012).

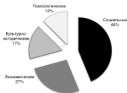

Рис. 5. Причины коррупционного поведения в представлениях молодежи

Респонденты склонны считать, что на коррупционные риски человека провоцируют пазкий уровень жизни и привычка благодарить за оказанные услуги. При этом «привычка благодарить» вообще не воспринимается как коррупционное правонарушение.

Если первые две причины (социальные и экономические) рассматриваются респондентами как внешние условия, детерминирующие коррупционное поведение, и даже вызывают сочувствие, то с психологическими причинами все обстоит иначе. Как оказалось, люди, совершающие коррупционные правонарушения, осуждаются всеми без исключения респондентами.

Продолжение предложения «Наиболее распространенными сферами коррупции являются...» выявило более 30 особо коррупционных сфер социально-экономической деятельности. Кроме того, из ответов респондентов, представленных в опросных листах, понятно, за какие именно услуги, по их мнению, приходится платить. Выделяются девять ведущих сфер распространения коррупции, среди которых: судебные органы, правоохранительные органы, государственные учреждения, образовательные учреждения, медицинские организации, военные комиссариаты, банки, система государственных закупок, таможенные службы (см. таблицу 6 и рисунок 6). Данные представлены по мере убывания веса фактора в анализируемых сферах деятельности.

В системе судебных органов коррупция проявляется во взяточничестве; лоббировании интересов различных групп (в том числе и преступных); создании процессуальных препятствий; в умышленных процессуальных нарушениях; в вынесении неправосудных решений; в освобождении из-под стражи; в заказных захватах чужого имущества; в предоставлении заинтересованным лицам информация с ограниченным доступом; в судебском сговоре в пользу «нужной позиции».

В системе правоохранительных органов коррупция проявляется в освобождении из-под стражи; в «крышевании» бизнеса и крупных коррупционеров; в замалчивании совершенных преступлений; в отказах в возбуждении уголовных дел; в фальсификации протоколов; в составлении подложных свидетельских показаний; в вымогательствах; в штрафовании автомобилистов; в участии в распространении и продаже наркотических веществ; в продажах оружия; в поборках с мигрантами; в участии в коллекторской деятельности; в информировании преступников; в экономическом сотрудничестве с организованными преступными группировками; в оформлении и выдаче водительских удостоверений людям без достаточного уровня подготовки.

Таблица 6
Сферы распространения коррупции и специфика
предоставляемых «коррупционных услуг» в представленных
молочках

№	Сферы и специфика «коррупционных услуг»	Процент ответов
1	Судебные органы (применение непропорциональных решений)	79,8
2	Правоохранительные органы (выбуждение и закрытие уголовных дел, фальсификация документов)	77,7
3	Чиновники: представители исполнительных, контрольных и надзорных органов (необоснованная выдача разрешительных документов, положительных отчетов и деятельности фирм)	70,9
4	Образовательные учреждения (качество оценок, прием на бюджетные места, фальшивые документы об образовании)	40,8
5	Медицинские организации (фальсификация диагноза, выдачи справок, справок о нетрудоспособности, предоставление медицинских или услуг более высокого качества)	26,3
6	Военные комиссары (отсрочка или освобождение от службы, выбор военной части)	18,2
7	Банки и иные финансовые организации (выдача кредитов, оптимизация ставок и списание кредитов без достаточных оснований)	12,2
8	Система государственных закупок (подкупы и подкормки, доплатности и скидки в приобретении товаров и услуг по соотношению «цена-качество»)	9,3
9	Таможенные службы (контрабанда или незаконные таможенные выплаты)	6,9

Среди чиновников (представителей исполнительных, контрольных и надзорных органов власти) коррупция проявляется через организацию преступных сообществ; организацию откатов; мошенничество; вымогательство; получение взяток; нецелевое расходование бюджетных средств; негласное разрешение вести экономическую деятельность без регистраций; списание штрафов; ускорение или незаконную выдачу различных документов. К последнему пункту относятся: регистрация, перерегистрация коммерческих фирм; выдача положительных санитарных и пожарных заключений, разрешений на строительство, свидетельства о государственной аккредитации вузов; разрешения на охоту или рыболовство; регистрация имущественных прав на земельные участки и т. д.

В образовательных учреждениях коррупция проявляется в следующих формах: неофициальные денежные выплаты за устройство в детские сады, специализированные школы, всежизненные казенные училища, на бюджетные места в колледжи и вузы; подарки учителям и администрация школ; завышение оценок; выполнение заданий ЕГЭ; дополнительные занятия (репетиторство); получение медалей; проставление зачетов и экзаменов; написание контрольных, курсовых и дипломных работ; выдача фальшивых дипломов о среднем и высшем профессиональном образовании или дополнительной подготовке; подготовка и защита кандидатских и докторских диссертаций; получение лицензии, получение и продление аккредитации вузам; победа в конкурсах и грантах; назначение на ректорские и министерские должности; получение различных стипендий, премий, грантов.

В медицинских учреждениях коррупция проявляется, по мнению респондентов, в следующих случаях: выдача листка временной нетрудоспособности; проведение операции на достойном уровне; обеспечение полноценного ухода; применение дорогих медицинских препаратов и материалов; подтверждение или скрывание телесных повреждений и диагнозов о психическом состоянии; продажа препаратов, содержащих наркотические вещества; получение справок (о непригодности к военной службе, о годности к управлению транспортным средством, о допуске к специальным работам, об освобождении учащихся от физкультуры и т.д.).

В военных комиссариатах коррупция, по мнению респондентов, проявляется при предоставлении отсрочки от призыва; при неравномерной выдаче военного билета; при предоставлении возможности выбора места службы (географического месторасположения или хорошей воинской части); при освобождении от призыва на военную службу по состоянию здоровья.

В банках и других финансовых организациях коррупция проявляется в форме: отказов за полученные финансовые услуги (кредит, заем, ипотека, субсидирование); взяток в розничном и корпоративном кредитовании; сговора с представителями сектора взыскания просроченной задолженности, когда сотрудник банка списывает задолженность на убытки банка; нецелевого использования работниками банка наличных денег для неофициального кредитования своих знакомых; сговора в секторе реализации банковских продуктов, где возможна получение кредитов на льготных условиях или предоставление рассрочки по платежу; фальсификация залога при выдаче кредитов, когда закладываемое

имущество не соответствует заявленной цене или отсутствует вообще, и т.д.

В сфере государственных закупок коррупционные правонарушения совершаются в форме: сговора между заказчиком и поставщиком; победы в тендерах, которая обеспечивается посредством вклатывания (оплата производится до начала сделки) или получением «откатов» по завершении сделок; переплат за получаемые товары и услуги (завышение цен); предоставления товаров и услуг не соответствующего условиям контракта качества (т.е. низкого качества).

В системе таможенной службы коррупция осуществляется путем совершения следующих правонарушений: контрабанда (оружия, наркотиков, психотропных веществ, культурных ценностей, валюты, внутренних и внешних ценных бумаг, ювелирных и иных изделий из драгоценных металлов, диких и домашних животных); занижение или неуплата таможенных платежей – НДС, пошлины, сборы; организованные формы незаконной деятельности с бизнес-структурами, преступными группировками, чиновниками, представителями силовых ведомств; перемещение товаров через таможенную границу с использованием фальшивых или недействительных документов.

Далее представлены результаты, полученные по завершении предложения «Последствиями коррупции являются...». Обработка полученных ответов позволила вывести 16 позиций, раскрывающих экономические, политические, правовые, социальные и психологические последствия коррупции в представлениях респондентов (см. таблицу 7).

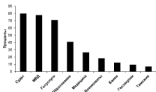

Рис. 6. Представления молодежи о наиболее коррумпированных сферах общества

Таблица 7
Последствия коррупции в представлениях молодежи

№	Последствия коррупции	Процент ответов
1	Нерациональное расходование бюджетных средств	60,7
2	Разрушение эффективной конкурентной среды	40,9
3	Рост теневой экономики	36,4
4	Снижение инноваций	35,2
5	Отток квалифицированных кадров в другие страны	26,3
6	Снижение собираемости налогов	22,3
7	Неэффективное использование человеческих ресурсов	18,2
8	Замедление экономического роста	16,6
9	Повышение издержек товаропроизводителей и предпринимателей	13,0
10	Препятствование естественному функционированию рыночной экономики	12,6
11	Рост социального неравенства	10,5
12	Увеличение социальной напряженности в обществе	8,9
13	Снижение качества государственных услуг	8,1
14	Дисфункции системы государственного управления	4,9
15	Снижение элиты власти	3,6
16	Падение общественной морали	2,8

Нерациональное расходование бюджетных средств. Респонденты высказывают следующие мнения: «деньги отдадут „нужным людям“, а не на решение проблем»; «важно, чтобы деньги вернулись в качестве „откатов“, а куда они пошли – это второстепенный вопрос»; «даже те небольшие деньги, которые выделены на решение каких-то задач, разворовываются»; «воруют даже социальные деньги – у инвалидов, сирот, пенсионеров»; «слабое – „отбить“ деньги, потраченные на покупку должности, а остальное им не интересно»; «деньги должны быть „распилены“, а до дела никому нет дела».

Разрушение эффективной конкурентной среды. В этой подгруппе ответов доминируют высказывания следующего характера: «выживает наиболее приближенный к бюджетным деньгам»; «монополии разрастаются, а малому бизнесу приходится выкручиваться самостоятельно»; «на фирмы, которые „не платят дань“, совершаются постоянные „наезды“»; «без „крыши“ фирме сложно выжить»; «фер-

меры, которые получают субсидии, ничего не делают, только отчеты пишут»; «строительный бизнес развивается за счет коррупции, а самостоятельно ни разрешение на строительство не получишь, ни инвестиций, ни контрактов, – вот и строят проводимцы что попало и как попало».

Рост теневой экономики. Респонденты говорят: «выгоднее откупаться, чем платить налоги и всякие там сборы, штрафы и т.п.»; «слишком высокие налоги, вот и отдают предприятия своим работникам зарплату в конверте, а у работников никакого выбора, кругом безработица»; «лучше раз в год заплатить участковому (он все решит), чем все время платить государству»; «по несколько раз в день останавливают гаишники, если честно выплачивать все штрафы – это без машины можно остаться»; «за реветиторство лучше платить преподавателю: и дешевле, и оценку получишь».

Снижение инвестиций. Эта позиция сопряжена со следующими типичными высказываниями: «кто в такую страну деньги будет вкладывать?»; «никаких гарантий для бизнеса и долгосрочных инвестиций!»; «что чиновнику в голову взбредет, то и закон»; «зачем вкладывать в Россию, если есть Китай»; «платить нужно не за что-то конкретное, платить нужно все время»; «не заплатишь – не разрешат, а заплатишь – „не слезут“ потом»; «в России без связей во власти или в правовых структурах только сумасшедший будет деньги в бизнес вкладывать»; «бизнес надо планировать с учетом коррупции, иначе разоришься».

Отток квалифицированных кадров в другие страны. Молодые люди высказываются следующим образом: «за границей за все то же самое, что делаешь в России, платят больше»; «здесь сложно делать карьеру, если у тебя нет хороших родственных связей»; «за границей платят за работу и создают достойные условия труда, а здесь все время надо пробиваться через бюрократию и нищету»; «в Газпроме никогда не возьмут, потому что ты умный»; «здесь занять руководящую должность можно только через крупную валюту»; «все толковые ребята уезжают, и правильно делают».

Сложность собираемости налогов. Честные налоговые выплаты представляются респондентам невозможными в силу непредусмотренности налоговой политики и высоких налоговых ставок. Типичные высказывания носят следующий характер: «мелкий бизнес причесается, а крупный откупается»; «олигархам легче один раз заплатить за налоговые льготы депутату, чем каждый раз выплачивать налоги»; «да любой рядовой служащий в налоговой инспекции может решить твои проблемы с проверками»; «налоги в этой стране платят

только рядовые служащие, да и то только потому, что их удерживают до выдачи зарплат».

Неадекватное использование человеческих ресурсов (необоснованные затраты материальных и моральных ресурсов населения, в том числе и нерациональное использование их времени). Встречаются высказывания следующего характера: «Вы пробовали паспорт получить? А фамилию поменять? Да, конечно, лучше заплатить эти гроши „с вечера“ и „не пылится“ в очередях»; «сколько времени потрачено на получение заграничного паспорта, нигде уже ехать не хотелось...»; «пробовал сам получить водительские права... смешно, – пришлось заплатить»; «оформляли наследство, полтора месяца промучились... отдали риэлторам... только пару подписей пришлось поставить..., а сколько было времени потрачено, а сил и нервов...»; «проехала медосмотр – полторы недели бегал, а другу его мама за один день „все поставила“».

Замедление экономического роста. Рост коррупции – одна из причин сложившейся негативной экономической ситуации в стране, как полагает часть респондентов. Им свойственны следующие высказывания: «уровень научно-технического развития страны близок к нулю»; «бороться нужно с реальными, а не надуманными причинами замедления экономического роста»; «чиновники делают портфели, и никого не волнует, что практически вся промышленность стоит»; «и население, и бизнес, и производство „задыхаются“ от постоянных увеличений тарифов на энергоносители»; «зарплата „стоит“, товар дорожает, зато чиновникам хорошо – им хватает»; «никто не будет вкладывать в эту страну, даже мы сами»; «они, наверное, думают, что чем выше процентные ставки в банках, тем эффективнее экономика»; «производительность труда резко падает вместе с уровнем зарплат, люди думают лишь о дополнительных приработках».

Повышение издержек товаропроизводителей и предпринимателей. Высказывания респондентов носят следующий характер: «друг держит свой бар, все время жалует на постоянные проверки»; «есть свой бизнес недвижимости, всем влечу „до-черному“ в конвертах, иначе не имеет смысла этим заниматься».

Препятствование естественному функционированию рыночной экономики. Здесь присутствуют такие мнения: «с крупными фирмами конкуренции не выдержать, они могут заказать госпроверку, а с нашими противоречивыми законами ненарушающих фирм быть не может»; «если у человека нет неограниченных финансовых ресурсов и мощной структурной поддержки, бизнес – не для него»;

«из-за коррупции мы никогда не сможем избавиться от монополизированных цен и услуг».

Рост социального неравенства. Типичные высказывания таковы: «есть деньги – учишься в хорошей школе, нет денег – где получится»; «лежала в больнице в общей палате, рядом пустовала коммерческая за 2500 рублей в день плюс недоедание»; «тем, кто не успел принять участие в приватизации 1990-х, на эти экономические высоты уже не подняться никогда»; «или воруй, или живи на зарплату»; «у кого-то в 20 лет уже все есть, а у другого и в 50 ничего нет»; «простоисходит обвинение пенсионеров, да и работающих людей, а у олигархов миллиарды».

Увеличение социальной напряженности в обществе. Об этом свидетельствуют следующие высказывания: «сажать всех этих коррупционеров – живут на народном добре»; «детские сады, школы, вузы, больницы, суды, милиция – всем надо платить, платить и платить; расстрелять бы их всех»; «кто-то работает с утра до ночи, а кто-то нефть качает из моей страны»; «почему газ стал чужим? может, они его из собственных карманов закачивали в недра?»; «безответственность олигархов недопустима, пусть платят социальные выплаты».

Снижение качества государственных услуг. Прозвучали следующие высказывания: «в эти больницы заходить без ужаса невозможно»; «неповоротливые чиновники нас должны обслуживать или мы им „на корм“ отданы?»; «ощущение, что государство создано пресовать население, а не помогать своим гражданам».

Дисфункции системы государственного управления. Респонденты высказываются следующим образом: «демократичность наших выборов вдохновляет»; «чем больше денег, тем выше должность»; «говорит красиво, правильно, но не более...»; «политики все время обещают, но ничего не меняется»; «смотришь на наших пенсионеров – и стыдно за свою страну»; «олигархам позволено все, а народу – ничего; и в чем эти политики думают?».

Снижение имиджа власти. Высказывания респондентов носят следующий характер: «кто может заплатить за работу, о том государство и заботится»; «услышал про поддержку молодых предпринимателей, но ничего не смог получить»; «кто-то этот чиновничий произвол должен оставить?».

Падение общественной морали. Приведем типичные высказывания: «всем все равно»; «воруют не стесняясь, даже хвастаются вотом»; «все давно привыкли, что чиновники только воруют, думают о своем кармане»; «с экрана все рассказывают, что нельзя брать взятки, а кто их берет-то, если не они сами»; «все берут, и я беру»;

«за взятки никто не осуждает, завидуют только»; «во всех религиях взятка осуждается, но все берут, и все молятся».

Следующая подгруппа – это подгруппа продолженных предложений по позиции «Противостоять коррупции можно, если...». Результаты обработки ответов представлены в таблице 8. Рассмотрим ведущие позиции.

Рассматривать антикоррупционные законодательные «создавать законы, которые способствуют сотрудничеству чиновников с населением, а не с бандформированиями»; «чиновников и начальников нужно считать как обычных людей»; «закон должен быть более строгим для высокопоставленных коррупционеров: от рядового человека вреда обществу меньше, чем от рядового судьи или политика»; «никто и ни при каких обстоятельствах не должен уходить от закона, все должны быть одинаково подсудны»; «сажать за нецелевое использование бюджетных средств»; «сажать за ограничение конкуренции, причем и чиновников, и бизнесменов»; «не закон, а сито, были бы деньги»; «лишать коррупционеров права занимать руководящие должности навсегда».

Осуществлять продуманный контроль расходов на бюджетные средства: «все бюджетные расходы и их реалитаторы должны быть известны всем»; «бюджетные деньги должны быть доступны для всеобщего анализа: приход-расход»; «чиновник должен вести личную ответственность за каждый потраченный государственный рубль».

Повысить правовую грамотность населения: «кто может взятку от мамыча отлечить? я не смогу»; «взятки берут обманным путем»; «еще в школе нужно учить, что такое коррупция и как с ней бороться»; «отдам деньги, потому что лень вникать во все „ложности“ происходящего»; «чиновник знает все законы, сложно с ним тягаться»; «заплатил налоги, а соседка объяснила, что я мог бы этого не делать, у меня льготы. Разве ж в налоговой инспекции этого не знали...».

Усилить общественный контроль над чиновниками: «зачем законом придумывать всякие и гоняться за взяточниками, пусть посмотрит, где живут, на чем едят – и поймут, кто живет на зарплату...»; «чиновник может плохо одеваться, не поклоняться на людях, что у него имеется, но питается и отдыхает он всегда „как надо“; вот по этим следам и надо его брать – „телесными“»; «нужно у всей семьи спрашивать, откуда деньги, а не только у папочки-чиновника»; «да пусть воруют, – государство у нас больше забрало, но только пусть не наедают, – за этим надо следить».

Создать систему оценки эффективности взаимодействия чиновников с населением: «нужно все время проводить опросы обществен-

Таблица 8
Возможности противодействия коррупции
в предоставляемых молодежи

№	Меры по противодействию коррупции	Процент ответов
1	Ужесточить антикоррупционное законодательство	68,4
2	Осуществлять продуманный контроль расходовании бюджетных средств	62,0
3	Повысить правовую грамотность населения	51,3
4	Усилить общественный контроль над чиновниками	45,7
5	Создать систему оценки эффективности взаимодействия чиновников с населением	29,5
6	Повысить зарплату работникам бюджетной сферы	23,6
7	Повысить зарплату чиновникам	24,4
8	Привязать зарплату чиновников к качеству предоставляемых населению услуг	16,7
9	Проводить работу по формированию антикоррупционного мировоззрения и нетерпимости к коррупционным правонарушениям	12,8
10	Менять «осознавать» коррупционную деятельность в СМИ	9,0
11	Обеспечить открытость принятия решений на электронных торгах	8,1
12	Вести борьбу с коррупцией с учетом реальным социально-экономическим условий	6,4
13	Законодательно снижать условия, благоприятствующие коррупции	5,6
14	Выявлять типовые схемы обхода законодательства	5,6
15	Свести к минимуму контакты чиновников с потребителями услуг	4,1
16	Ограничить «инициативу» различных категорий лиц при проведении расследований по делам о коррупции	3,9
17	Создать правовую структуру помощи населению по противодействию чиновничьему произволу	3,0
18	Создавать новые рабочие места	2,6
19	Увеличивать кредиты банков при снижении зрелых ставок	2,2
20	Создать условия для притока капитала и остановить отток денег из страны	2,2

ного мнения»; «сказать за препятствование законной деятельности, чтобы чиновник обслуживал интересы населения, а не чинил препятствия»; «чиновникам должны быть доступны для общения с народом, и разговоры нужно вести при записывающих устройствах, а еще лучше – вывешивать в сети».

Повысить зарплату работникам бюджетной сферы: «увеличение средней заработной платы населению могло бы помочь в решении вопроса»; «нужно повышать зарплаты, создавать новые рабочие места, а не «бла-бла-бла...», «берут и дают от казны».

Повысить зарплату чиновникам: «человека, который получает 20000 рублей в месяц, просит решать судьбу миллионов рублей... и удивляются, чего он на эту зарплату не живет-то»; «нужно резко повысить зарплаты чиновникам, но за счет сокращения их численности»; «никому в голову не приходит вопрос: почему за конечными зарплатами судебных приставов чуть ли не очередь стоит из желающих их получить?».

Привязать зарплату чиновников к качеству предоставляемых населению услуг: «надо делать доплаты чиновникам за каждого довольного клиента»; «чиновникам нужно хорошо платить, но в зависимости от качества работы»; «пусть бы зарплаты чиновников были бы привязаны к количеству положительных решений – большинство коррупционных проблем исчезнет».

Проводить работу по формированию антикоррупционного мировоззрения населения: «нужно проводить агитационную работу среди населения», «еще в школе детям нужно прививать негативное отношение к коррупции, учить их, какие у них есть права и как бороться с их нарушением»; «нужно населению говорить об их правах, учить, кому нужно жаловаться, как фиксировать нарушения».

Менять ассоциации коррупционной деятельности в СМИ: «в СМИ происходит пропаганда коррупции: посмотришь, как живут эти министры, представители политических элит, руководители различных ведомств, и задумаешься, как все-таки лучше жить-то»; «посмотришь новости про этих коррупционеров – и понимаешь убогость своего существования»; «вослушаешь, как живут наши чиновники... Майами не Майами... как бы туда устроиться?».

Обеспечить открытость принятия решений на электронных торгах: «нужно вести статистический учет госзакупок и искать «дырявые места»: это поможет находить и проверять нечестные тендеры»; «раньше они прятались, а теперь прямо на наших глазах воруют»; «мебель для приемной судьи за 750000, остается гадать, а в кабинете какая... и, главное, зачем так дорого-то?».

Вести борьбу с коррупцией с учетом реальных социально-экономических условий: «не сажать за суммы меньше 100 000»; «коррупцию нужно легализовать: пусть себе народ платит, если ему нравится, но только в государственную казну»; «услуги государства нужно отдать частному сектору (где это возможно): и государству прибыль, и народу легче».

Законодательно смягчить условия, благоприятствующие коррупции: «законы должен писать народ, голосованием»; «в СМИ не должно быть цензуры, кроме этической»; «складывается такое положение, что законы коррупционеры пишут сами для себя»; «нужно законодательно уменьшить права чиновников, они сами разбегутся»; «лишать коррупционеров права занимать государственные должности навсегда»; «нужно законодательно ликвидировать факторы, способствующие коррупции».

Выявлять типовые схемы обхода законодательства: «проводить постоянный анализ коррупционных схем и публиковать его в СМИ»; «нужно постоянно мониторить „данные места“, где всегда коррупция цветет пышным цветом, – суды, например».

Свести к минимуму контакты чиновников с потребителями услуг: «пусть с бумагами работают»; «нужно безадресно выдавать проблемы для решения, без возможности увидеть, кто просит».

Ограничить «иммунитет» различных категорий лиц при проведении расследований по делам о коррупции: «сажать – так всех одинаково»; «почему одних можно сажать, а других нельзя?»; «кто не хочет сидеть, пусть штрафы платит миллионные».

Создать правовую структуру помощи населению по противодействию чиновничьему произволу: «если нет денег, посадят за любой правонарушение, им нужно планы выполнять»; «полиция не хочет ничего решать, только протоколы пишут».

Создавать новые рабочие места: «нужно новые рабочие места создавать, безработица тоже провоцирует коррупционное поведение»; «людям негде работать, вот они и несут везде деньги, лишь бы устроиться на работу».

Расширять количество кредитов банков при снижении процентных ставок: «нужно помогать населению, а не наживаться на них»; «почему за границей ипотека несколько процентов, а у нас около 20%?».

Создать условия для притока капитала и остановить отток денег из страны: «хватит брать и воровать – и деньги потекут в Россию рекой»; «кто отказался бы вкладывать в Россию, если бы был уверен в стабильности?».

В заключение эмпирического анализа приведем типичные высказывания молодых людей, которые в целом характеризуют коррупционную ситуацию в стране (высказывания уже представленные выше): «если в России не дают взятки, то дать взятку некому»; «платить нужно за все: начиная с места в детском саду и заканчивая креслом депутата»; «чем крупнее ворусишь, тем больше шансов остаться безнаказанным».

1. Молодые люди считают коррупцию системным, многоуровневым и опасным явлением в жизни общества, представляющим серьезную угрозу социально-экономическому развитию государства. Большая часть респондентов считает коррупцию разновидностью экономических преступлений.

Структура представлений молодежи о коррупционных преступлениях имеет иерархический характер. Ее ядревыми элементами выступают взяточничество, воровство и вымогательство, относительно устойчивым внешним радиусом являются налоговые преступления, отмыwanie денег и мошенничество, периферийными элементами – фальшивомонетничество, убийство, компьютерные преступления и ограбления.

2. Молодые люди по-разному объясняют причины коррупции в современном обществе. Использование в ходе исследований контент-анализа позволило классифицировать и объединить представленные респондентами причины коррупции в шесть взаимодополняющих подгрупп: социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и политические. Все шесть подгрупп причин выделены, описаны и обоснованы респондентами как детерминанты распространения коррупции.

В ходе анализа представлений молодежи о коррупции выявлено, что респонденты разграничивают причины коррупции (как социального явления) и причины коррупционного поведения личности. Они называют шесть причин коррупции (социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и социальные) и четыре причины коррупционного поведения (социальные, экономические, культурно-исторические, психологические).

Респонденты склонны считать, что коррупционное поведение конкретной личности не может быть детерминировано только лишь политическими и правовыми факторами, к которым относятся общеполитическая обстановка в стране и особенности

законодательной базы, поскольку любое поведение опосредуется системой личных ценностей и норм человека.

3. К ведущим социальным факторам коррупционного поведения личности респонденты относят наличие традиционно установившейся коррумпированной среды в государственных организациях, вынужденную необходимость следовать стереотипам коррупционного поведения или оказывать им сопротивление, зачастую с заранее предсказуемым неблагоприятным исходом для него самого.
4. К экономическим детерминантам коррупционного поведения респонденты относят низкий уровень жизни государственных служащих, представителей бюджетных организаций и населения в целом. Все эти группы населения имеют еще и низкий уровень социальных гарантий со стороны государства.

Экономические и социальные детерминанты коррупционного поведения вызывают у респондентов сочувствие к коррупционерам, создают вокруг них ситуацию если не одобрения, то понимания.

5. Культурно-исторические факторы коррупционного поведения уходят корнями в традицию благодарить за оказанную услугу, предъявленную помощь и воспринимаются респондентами как наиболее мощные факторы, провоцирующие коррупционное поведение личности. Респонденты склонны считать, что пренебрежение этими нормами может расцениваться окружающими как вызов принятым правилам поведения, провоцировать непонимание и даже вызывать социальное осуждение.
6. В представлении молодежи «коррупции актуализируются более 30 сфер ее распространения, которые имеют с количественной точки зрения разный вес и величину. К наиболее коррумпированным сферам респонденты относят судебные и правоохранительные органы и органы государственной власти. На это указало более 50% респондентов. Второе место по распространенности коррупции занимают сферы образования, медицины и военные комиссариаты. На третьей позиции находятся банки, система госзакупок и таможенные службы.
7. Последствия коррупции в представлении респондентов затрагивают все уровни и субъекты экономической деятельности. Максимальный ущерб, по их мнению, коррупция наносит государству и его институтам. Второй по уровню ущерба – это в большей степени экономический урон (нерациональное расходование бюджетных средств, разрушение эффективности конку-

рентной среды, рост теневой экономики, снижение инвестиций и вложений, отток квалифицированных кадров за рубеж).

Анализ полученных ответов позволяет говорить о том, что лишь десятая часть респондентов осознает социальные последствия коррупции: рост социального неравенства, увеличение социальной напряженности, снижение качества государственных услуг, дисфункция системы государственного управления, снижение имиджа власти и общественной морали.

8. Представления молодежи о коррупции – это свойства обыденного практического мышления, направленные на осознание и осмысление социально-экономической среды обитания. Представления о коррупции, выступая специфической формой социального познания и «отрывочным мнением» отдельного индивида, позволяют дифференцировать представления одного человека от представлений другого.
9. Уровень развития правосознания, возмативное отношение к праву как к терминальной ценности, уважение граждан к закону являются основой не только эффективного функционирования правовой системы, но и социального благополучия государства. Правовые представления, оказывая прямое воздействие на формирование мотивов и установок человека, выступают регуляторами его общественного поведения. Через регулирование правового поведения личности проявляется активная роль психологии в формировании правового государства.
10. В современных условиях развития информационных технологий и повального вовлечения молодых людей во всемирную информационную сеть формирование антикоррупционного сознания молодежи не может быть реализовано без использования функциональных возможностей информационных систем и наличия единого федерального информационного пространства. Создание такого психолого-правового пространства, направленного на формирование антикоррупционного сознания молодежи, представляется нам наиболее перспективным.

3.3. Социально-психологический анализ отношения россиян к коррупции и коррупционным правонарушениям

Количественный анализ коррупции, в силу высокой латентности этого вида правонарушений, выступает сложным для статистического и научного анализа явлением. Тем не менее обращение к бытовому уровню коррупционных взаимоотношений дает возможность

максимально тонко изучить проблему в психологическом аспекте. Были изучены мнения людей, так или иначе столкнувшихся с проблемами коррупции и выработавших собственное отношение к этому явлению социально-экономической жизнедеятельности современного человека.

Исследование феномена психологических отношений все явственнее становится одним из ведущих направлений современной социальной психологии. По своему содержанию данный феномен переосмысливается или входит в канву таких фундаментальных психологических категорий, как личность, сознание, деятельность, переживание и общение. Феномен отношений выступает составной частью наиболее важных понятий как общей, так и социальной психологии. В частности, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский рассматривают систему субъективно-ощущенных, сознательно-выбирательных отношений к действительности в качестве центральной характеристики личности, определяющей характер ее переживаний, особенности восприятия и поведенческих реакций на внешние воздействия (Краткий психологический словарь, 1985, с. 225).

Как показывает теоретический анализ феномена отношений, раннее его описание прослеживается в исторических работах исследователей различных областей знаний (Аристотель, Дж. Милль, М. М. Тронцкий, Г. Спенсер, Н. Я. Грот, Н. Ф. Гербарт, В. Вундт, С. Л. Франк). Первым из отечественных ученых разработал психологическую концепцию отношений М. М. Тронцкий. В ее основу он заложил понимание психических явлений как отношений (Печенко, 2000). В неологическом подходе Г. Спенсера идея отношения выражена посредством субъектно-объектной связи, отношения организма к среде, и предполагает рассмотрение нового целого – системы «организм–среда» – с позиций стороннего наблюдателя. Н. Я. Грот, отмечая противоречие между наблюдаемой активностью субъекта и ее пассивностью в трактовке Спенсера, определяет отношение сначала как взаимодействие, а затем как деятельность. В. М. Бехтерев, разрабатывая основы рефлексологии, использует понятие «отношение организма к среде» для описания одной из сторон взаимодействия «организм–среда». В психологической концепции В. М. Бехтерева предпринята попытка объединения, применительно к идее отношения, представлений о субъектно-объектной связи и активности отношения: отношение на уровне личности характеризуется активностью и избирательностью (Бехтерев, 1991, 1994).

В работах А. Ф. Лазурского понятие «отношение» получило более конкретное и детальное психологическое наполнение, поскольку

она использовала категорию «отношения» для обозначения активного избирательного приспособления личности к окружающей среде. При этом объекты отношения, которыми мог интересоваться человек и реагировать на них, понимались им весьма широко: материальные вещи, социальные группы и другие личности, различные явления душевной жизни и т.д. Термин «отношения» использовался им для обоснования устойчивой и закономерной связи личности с различными объектами внешней среды (Лазурский, 1997).

В русле нашего подхода представляет интерес взгляды и других исследователей, – частности, М.Я. Бакова, который понимал отношения как связь субъекта и объекта, поддерживаемую взаимной активностью организма и среды (Баков, 1931).

Опираясь на представленную теоретико-методологическую концепцию, мы провели эмпирический анализ отношения населения к коррупции (2015–2016 гг.). Респондентами стали люди в возрасте от 20 до 65 лет, 134 мужчины и 113 женщин, всего 247 человек.

Вопросы (всего их 11) были ориентированы на выявление типовых ситуаций отношения населения к коррупции и коррупционным преступлениям. В частности, нас интересовали особенности отношения населения к различным аспектам коррупции: к суммам, размаху, участникам, провоцирующим факторам, уровню общественной опасности, мерам противодействия.

Особое внимание было уделено оценке населением:

- роли государства в противодействии коррупции;
- основных источников коррупционных угроз;
- личностных и профессиональных характеристик коррупционеров;
- допустимости коррупции в деловых взаимоотношениях;
- эмоционального модуса отношений к социально-экономическим условиям и к участникам коррупционных взаимоотношений.

Первый вопрос «Сталкивались ли вы с коррупцией?» показал, что большинство респондентов (63,2%) знают о коррупции не понаслышке. С коррупцией сталкивались 72,4% мужчин и 52,2% женщин. В свою очередь, не сталкивались с коррупцией практически четверть мужчин (24,6%) и почти половина женщин (45,1%). В совокупности получаем лишь 34,0% людей, которые не сталкивались с коррупцией вообще. Существует еще незначительное количество респондентов, которые с коррупцией не сталкивались, но готовы к такой встрече. Эта группа составляет 2,8% от всей выборки и включает в себя 3,0% мужчин и 2,7% женщин.

Таблица 9

Ответы на вопрос «Сталкивались ли вы с коррупцией?»

№	Ответы	Процент ответов		
		Муж- чины	Жен- щины	Всего
1	Да, приходилось	72,4	52,2	63,2
2	Нет, не приходилось	24,6	45,1	34,0
3	Нет, но не исключая такую возможность	3,0	2,7	2,8
Итого		200	100	300

Полученные результаты представлены в таблице 9 и продублированы для наглядности на рисунке 7.

Поскольку было установлено, что основная масса респондентов уже сталкивалась с проявлениями коррупции, следующим стал вопрос, связанный с вызванным чувств, которые испытали респонденты при этом столкновении.

Второй вопрос звучал следующим образом: «Что вы чувствовали, столкнувшись с коррупционной ситуацией?». Как оказалось, не все респонденты испытывают к коррупции негативное отношение. Так, если 39,7% респондентов испытали негативное чувство к данному явлению, то треть респондентов (31,6%) отнеслись нейтрально, а 18,2% даже отмечают у себя позитивный эмоциональный фон от участия в коррупционных обменах. Десятая часть респондентов (10,5%) затруднилась отметить, что они чувствовали. Скорее, и эту группу респондентов сложно назвать яркими противниками коррупционных взаимоотношений.

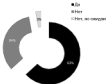

Рис. 7. Опыт взаимодействия респондентов в коррупционных отношениях

При ответах на данный вопрос ярко проявились гендерные особенности отношения к коррупции (см. таблицу 10). Как оказалось, более половины женщин (52,2%) испытывают негативное отношение к коррупции. У мужчин этот процент заметно ниже и составляет 29,1%. Остальные мужчины проявили если не позитивное (27,6%), то нейтральное (36,6%) или безразличное (6,7%) отношение к феномену. Этот факт позволяет предположить, что мужчины более склонны воспринимать коррупцию как часть повседневной жизнедеятельности и даже готовы в ней участвовать. Женщины более нетерпимы к проявлениям коррупции, чаще теряются при столкновении с ней (15% женщин затруднились обозначить свои чувства в этой ситуации). Тем не менее, четверть женщин, паравая с мужчинами, относятся к коррупции нейтрально (25,7%) и даже испытывают положительное к ней отношение (7,1%).

Из материалов исследования нам удалось выделить основные объекты коррупционных взаимоотношений, которые вызывают у населения негативное отношение. Чаще всего оно направлено на коррупционера (человека, требующего вознаграждения) – 46,9%; на это указывают 48,7% мужчин и 45,8% женщины. Мужчины и женщины

Таблица 10
Отношение респондентов к коррупции

№	Отношение к коррупции	Процент ответов		
		Мужчины	Женщины	Всего
1	Негативное	29,1	52,2	39,7
2	Нейтральное	36,6	25,7	31,6
3	Позитивное	27,6	7,1	18,2
4	Затруднились ответить	6,7	15,0	10,5
Итого		100	100	100

Половые к пункту 1:

а	К коррупционеру	48,7	45,8	46,9
б	К себе	5,1	15,3	11,2
в	К ситуации	12,8	5,1	8,2
г	К стране	23,1	13,6	17,3
д	Со стороны коррупционера к себе	10,3	20,3	16,3
Итого		100	100	100

по даковой позиции солидарны между собой. Далее их мнения расходятся. Основной свой гнев мужчины проецируют на социально-экономическую ситуацию (12,8%) и особенности политического управления (23,1%). Женщины же больше переживают из-за недостаточно уважительного к себе отношения со стороны коррупционера (20,3%), из-за собственных неправомерных действий коррупционного характера (15,3%). Сопоставимы между собой по количественным характеристикам переживания мужчин, связанные со своим собственным и коррупционным поведением (3,1%), и женщин, связанные с негативной оценкой социально-экономической ситуации в стране (3,1%).

Таким образом, несмотря на общее негативное отношение к коррупции, как мужчины, так и женщины склонны прибегать в повседневной жизни к коррупционным взаимоотношениям.

Третий вопрос направлен на выявление причин коррупционного поведения и сформулирован следующим образом: «Какие причины вынуждают людей прибегать к коррупции?» (см. таблицу 11). Как оказалось, респонденты связывают свое коррупционное поведение в основном с внешними факторами: условиями социально-экономической среды (31,2%), наличием сложных экономических проблем частного характера (24,3%), культурной обусловленностью и традиционностью коррупционного поведения в России (15,0%), недоброжелательностью представителей органов внутренних дел (10,1%), беспринципностью представителей федеральной и региональных властей (11,3%).

Таблица 11

Ответы на вопрос «Какие причины вынуждают людей прибегать к коррупции?»

№	Причины	Процент ответов		
		Мужчины	Женщины	Всего
1	Условия внешней среды	22,4	38,9	31,2
2	Экономические проблемы	29,1	18,6	24,3
3	Культурно-исторические условия развития общества	14,2	15,9	15,0
4	Личностная обусловленность	4,7	16,8	11,3
5	Правовое попустительство	14,2	5,3	10,1
6	Потворство федеральной и региональных властей	13,4	1,8	11,3
Итого		100	100	100

Лишь незначительная часть респондентов (11,3%) объясняют коррупционное поведение внутренними, личностными, факторами. Среди них 6,7% мужчин и 16,8% женщин. Женщины мало связывают коррупцию с правовым попустительством (5,3% против 14,2% у мужчин) и деятельностью представителей государственных органов власти (1,8% против 13,4% соответственно). Представители обоих полов демонстрируют схожие между собой объяснительные позиции по пункту «культурно-исторические условия развития общества». Данной позиции придерживается 14,2 мужчин и 15,9% женщин. Еще одна гендерная особенность проявляется в том, что мужчины больше связывают коррупцию с экономическими проблемами, чем с условиями внешней среды (22,4% против 29,1%), а женщины демонстрируют обратную тенденцию (38,9% против 18,6%).

Заявленная респондентами обусловленность коррупции материальной неустроенностью основной массы населения вызывает желание узнать о размерах коррупционных вознаграждений, которые подразумевают наши респонденты. С этой целью нами сформулирован следующий вопрос: «Какую сумму материального ущерба вы оценили бы как коррупцию в особо крупных размерах?». Полученные результаты свидетельствуют о том, что 84% респондентов связывают коррупцию в особо крупных размерах с суммами от 50 до 100 тысяч рублей, и лишь 16% респондентов говорит о суммах от 1 до 10 млн рублей. На самом деле такие данные подтверждают и результаты статистических отчетов. Так, в первом полугодии 2015 г. взятки до 10 тыс. составили более 50%, а свыше 1 млн – около 2% возбужденных уголовных дел по коррупции (Ежегодник «Аргументы и Факты», № 50 от 09/12/2015). Полученные результаты позволяют утверждать, что основная масса респондентов сталкивается с коррупцией на бытовом уровне.

Как видно из таблицы 12, мужчины более дифференцированно относятся к оценке размеров коррупционных вознаграждений, хотя большинство (62,7%) склонны считать, что к особо крупным размерам коррупции нужно отнести суммы от 100 тысяч рублей. Однако кое-кое количество мужчин (до 14,2% в обоих случаях) относит к коррупции в особо крупных размерах суммы от 50000 и от 100000000 рублей. Практически каждый десятый мужчина (9,0%) считает коррупцией в особо крупных размерах лишь суммы, превосходящие 1 млн рублей.

У женщин несколько иные мнения. Так, 93% женщин относят к коррупции в особо крупных размерах суммы в 50 и 100 тысяч рублей. И лишь 7,0% женщин упоминали сумму в 1 млн рублей.

Таблица 12

Ответы на вопрос «Какую сумму материального ущерба вы оценили бы как коррупцию в особо крупных размерах?»

№	Суммы (руб.)	Процент ответов		
		Мужчины	Женщины	Всего
1	От 50000	14,2	44,2	27,9
2	От 100000	62,7	48,7	56,3
3	От 1000000	9,0	7,1	8,1
4	От 10000000	14,2	0	7,7
Итого		100	100	100

На диаграмме более наглядно для визуального анализа представлены результаты ответов на этот вопрос (см. рисунок 8). Большая часть мужчин говорит о коррупции, в основе которой лежат суммы, превышающие 100 тыс. рублей (62,7%). Женщины в целом разделились на две практически одинаковые по весу подгруппы: первая подгруппа говорит о коррупции в пределах от 50 до 100 тыс. рублей (44,4%), вторая – о суммах, превышающих 100 тыс. рублей (47,8%). О суммах, превышающих 1 млн рублей, говорят 9,0% мужчин и 7,1% женщин. Здесь еще необходимо отметить, что о сумме свыше 10 млн рублей не упомянула ни одна из опрошенных женщин. Из графика заметно, что мужчины и женщины наиболее солидарны друг с другом в отношении сумм коррупционных вознаграждений, которые, по их мнению, представлялись в размере от 100 тыс. рублей до одного миллиона.

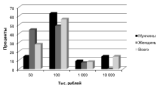

Рис. 8. Гендерные различия в определении явного порога коррупции в особо крупных размерах

Категории «отношения» присущи также признаки, как заданная субъектом направленность (факторизованность) психического акта, избирательность, установка на оценку (положительную, негативную, выражающую безразличие), предрасположенность и готовность к определенному образу действия и др. Данные позиции позволили нам сформулировать следующий вопрос нашего исследования: «Считаете ли вы допустимыми коррупционные деяния против работодателя?». И далее по аналогии: «Считаете ли вы допустимыми коррупционные деяния против населения?» и «Считаете ли вы допустимыми коррупционные деяния против государства?». Полученные ответы представлены на рисунке 9.

Как видно из диаграммы, более половины респондентов считают, что коррупционные деяния против населения недопустимы (53%). Коррупция против государства недопустима для меньшего количества респондентов (49,7%), а интересы работодателя неизменно лишь для 35,8% респондентов. Эти тенденции сохраняются во всех трех подгруппах ответов. Если коррупционные деяния против населения считают нежелательными 15% респондентов, то посягательство против государственной собственности и собственности организаций нежелательны по мнению лишь 7,4% респондентов. Если при необходимости коррупционные деяния против населения допустимы по мнению 11,3% респондентов, то на государственную собственность при необходимости готовы посягнуть 7,4% респондентов и 14,1% готовы посягнуть на собственность организаций, в которых они работают. Иногда готовы совершить те же самые деяния против населения 7,7% опрошенных респондентов, а против государства и работодателя – 12,9% и 10,9% соответственно. Сущест-

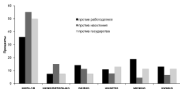

Рис. 9. Отношение респондентов к допустимости коррупционных деяний

нужно также помнить, что коррупционные явления можно совершать всегда (против населения – 4,4%, против государства – 11,8%, против работодателя – 18,8%). Есть и такая группа респондентов, которая полагает, что совершать коррупционные деяния необходимо. Так, 6,6% респондентов считает допустимой коррупционные деяния против населения, 11,3% готовы совершать такие деяния против государства, а 13,0% – против работодателя.

Если сложить позиции респондентов, которые обнаруживают некоторую предрасположенность и даже готовность к коррупционному поведению (суммируем позиции «нежелательно», «при необходимости», «иногда», «можно» и «нужно»), то складывается весьма сложная ситуация. Получается, что существуют группы респондентов, которые допускают возможность коррупционных деяний против государства (50,3%), против населения (45,0%), против работодателя (64,2%).

Таким образом, с психологической точки зрения, объектом коррупционных посягательств может стать и государство, и население, и работодатель. При этом работодатели наименее защищены от коррупционных посягательств со стороны своих работников.

Следующий вопрос был направлен на выявление мер противодействия коррупции и звучал следующим образом: «Какие меры противодействия коррупции вы считаете наиболее эффективными?».

Как видно из таблицы 13, респонденты предлагают четыре основных способа борьбы с коррупцией: сажать в тюрьму в зависимости или независимо от суммы, сажать в тюрьму и штрафовать одновременно, ограничиться штрафами. Наиболее распространенное

Таблица 13
Отношение респондентов к борьбе с коррупцией

№	Меры противодействия коррупции	Процент ответов		
		Мужчины	Женщины	Всего
1	Сажать в тюрьму (в зависимости от суммы ущерба)	46,3	34,9	40,3
2	Сажать в тюрьму (независимо от суммы ущерба)	23,9	22,1	23,1
3	Сажать в тюрьму и штрафовать одновременно	7,5	33,6	19,4
4	Ограничиться штрафами	19,4	2,7	11,3
5	Ничего	3,0	2,7	2,8
Итого		100	100	100

мнение среди респондентов – это «сажать в тюрьму, в зависимости от суммы причиненного ущерба». Такой позиции придерживаются 43,3% респондентов. Среди мужчин этот процент достигает 46,3%, среди женщин он несколько ниже – 38,9%.

Вторая группа респондентов проявляет более строгое отношение к коррупции и предлагает сажать нарушителей в тюрьму независимо от суммы причиненного ущерба. Эта группа составляет 23,1%, в нее входят примерно одинаковое количество мужчин (23,9%) и женщин (22,1%).

Наиболее нетерпимое отношение к коррупции проявляют представители третьей группы респондентов (19,4%), которые не считают достаточным наказанием лишение свободы. Эти респонденты предлагают не только сажать правонарушителей в тюрьму, но еще и штрафовать. Наибольшее количество сторонников данной позиции обнаруживается среди женщин (33,6%). Среди мужчин столь строгие меры с двойным наказанием поддерживают лишь 7,5% респондентов.

Четвертая группа респондентов (11,3%) проявляет наиболее терпимое отношение к коррупции и предлагает в борьбе с ней ограничиться исключительно штрафными санкциями. Наибольшее количество сторонников этой позиции среди мужчин (19,4%), среди женщин они составляют лишь 2,7%.

Незначительная часть респондентов (2,8%) предлагает иные методы борьбы с коррупцией, такие как расстрел, ссылка в Сибирь, высылка из страны, наказание всей семьи и т.д. Доля таких респондентов среди мужчин составляет 3,6%, а среди женщин – 2,7%.

Далее представлены результаты ответов на вопрос: «Как вы думаете, какие причины способствуют распространению коррупции?» (см. таблицу 14).

Среди основных причин коррупции наиболее вышукло выделяются два фактора. Первый фактор распространения коррупции респонденты определяют как одновременное функционирование ситуационных и личностных факторов (35,6%), хотя значимость ему придают более всего женщины (62%) и лишь 9,1% мужчин.

Со второй позицией ситуация обратная. Так, 47% мужчин полагают, что в основе коррупции лежит общественно-политическая ситуация в стране. С этим мнением солидарна лишь небольшая доля женщин – 12,4%. В целом сторонники данной позиции составляют 31,2%.

Разницу в объяснении причин распространения коррупции мужчины и женщины демонстрируют и в остальных двух подгруппах.

Таблица 14
Мнение респондентов о причинах распространенности коррупции

№	Причины коррупции	Процент ответов		
		Мужчины	Женщины	Всего
1	Общественно-политическая ситуация в стране	47,0	12,4	31,2
2	Психологические особенности каждого конкретного человека	17,1	22,1	19,4
3	Неблагоприятное стечение обстоятельств	27,2	3,5	13,8
4	Ситуационные и личностные факторы одновременно	9,0	62,0	35,6
Итого		100	100	100

Мужчины убеждены, что в основе коррупции лежат внешние обстоятельства (27,2% против 3,5%); 22,1% женщин убеждены, что детерминантами коррупционных деяний выступают психологические характеристики конкретного человека, с этим мнением согласны и 17,1% мужчин.

Следующий вопрос был направлен на выявление отношения населения к смягчающим вину обстоятельствам, которые могут быть учтены при вынесении наказания: «Возможны ли смягчающие обстоятельства при совершении экономических преступлений?».

Как видно на рисунке 10, образовалось три группы респондентов с взаимно исключаящими позициями. Существует мнение,

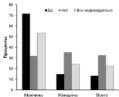

Рис. 10. Мнение респондентов о существовании обстоятельств, смягчающих вину за коррупционные преступления

что у коррупции существует ряд смягчающих обстоятельства (53,4%). Эта позиция свойственна как мужчинам (71,7%), так и женщинам (34,2%). Хотя женщины, как видно из диаграммы, придерживаются данной позиции практически в пять раз реже, чем мужчины. В два раза больше число женщин, полагающих, что смягчающих вину обстоятельств не существует. Так считает каждая третья женщина (35,4%) и лишь 14,9% мужчин. Совместный вес данной позиции составляет 24,3% от общей выборки.

Третья позиция состоит в следующем: почти каждый четвертый респондент (22,3%) полагает, что с каждым случаем коррупции необходимо работать индивидуально, с учетом конкурентных обстоятельств дела. Этой позиции придерживаются 32,7% женщин и лишь 13,4% мужчин.

В соответствии с полученными ответами возникает вопрос: какие именно фоновые условия коррупционных правонарушений респонденты склонны считать смягчающими обстоятельствами? Анализ ответов позволил обобщить мнение респондентов (см. таблицу 15). Как оказалось, они относят к подобным обстоятельствам такие факторы, как:

- состояние здоровья;
- наличие острой экономической необходимости;
- правонарушения, совершенные из чувства справедливости;
- принуждение со стороны начальства или близких людей;
- экстремальные экономические ситуации, напрямую связанные с выживанием человека или семьи.

Далее мы попытались выяснить отношение населения к благодарности за оказываемые друг другу услуги. Как оказалось, большая часть респондентов готова к получению материального вознаграждения за оказанные другому человеку услуги. Так, на вопрос «Считаете ли вы допустимым проявлять вознаграждение от человека, которому помогли (хотя могли бы этого не делать)?» утвердительно ответили 71,7% респондентов. Лишь каждый пятый респондент (20,8%) отказался бы от такого вознаграждения, остальные 7,5% затруднились с ответом (см. рисунок 11).

Следующий вопрос составлен с целью выяснения ожидаемого поведения респондентов в случае, когда другие люди поместили им: «Считаете ли вы необходимым отблагодарить человека за оказанную вам помощь (хотя он мог бы этого не делать)?». Ответы респондентов отражены на соответствующей диаграмме (см. рисунок 12).

Таблица 15
Ответ на вопрос
«Существуют ли смягчающие коррупцию факторы?»

№	Позиция респондентов	Процент ответов		
		Мужчины	Женщины	Всего
1	Существуют, если коррупция обусловлена:	71,7	70,9	71,4
	а) состоянием здоровья	13,5	13,9	13,8
	б) острой экономической необходимостью	62,5	47,2	58,3
	в) чувством справедливости	9,4	8,3	9,1
	г) принуждением (например, со стороны начальства)	6,3	5,6	6,1
	д) экстремальной ситуацией, связанными с выживанием	8,3	25,0	12,9
2	Не существует	14,9	15,4	14,7
3	Не индивидуальны	13,4	12,7	12,9

Рис. 11. Мнение респондентов о допустимости принятия вознаграждения от человека, которому помогли

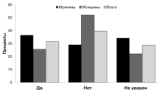

Рис. 12. Мнение респондентов о необходимости благодарить человека, от которого они получили помощь

Сразу бросается в глаза, что мнение большинства респондентов при переходе от одного вопроса (предыдущего) к другому (текущему) кардинально изменилось. Теперь лишь треть респондентов (31,6%), против 72% в предыдущем случае считают благодарность за оказанную услугу приемлемой нормой деловых взаимоотношений. При этом мужчины более склонны оказывать благодарность за оказанные им услуги, чем женщины: 36,6% против 25,7%. Не готовы платить за оказанные услуги 52,2% женщин (более половины) и 29,1% мужчин. Третья группа респондентов (28,7%) не уверена ни в своем поведении в этой ситуации, ни в значимости ответной благодарности. Среди мужчин эта подгруппа составляет 34,1%, а среди женщин – 22,1%.

В таблицу 16, посредством контент-анализа, сведены прилагательные, которые употребляются в отношении коррупционеров, безотносительно к принадлежности к какой-либо части исследования (т.е. мы выписали из опросных листов все прилагательные, которые, по мнению респондентов, характеризуют коррупционера). Из таблицы видно, что из 59 характеристик, употребленных в отношении коррупционеров, нет ни одной положительной оценки, все носят негативный оттенок. С респондентами можно и согласиться: вряд ли общесоветическая ситуация в стране или качество современного законодательства могут стать непреодолимыми детерминантами коррупционного поведения отдельно взятого человека.

Как же респонденты в таком случае объясняют культурно-исторические факторы, лежащие в основе коррупционного поведения населения? Достаточно просто. Если «подношение» сделано добровольно, то это традиция. Если же подарок был вынужденным, под каким-либо внешним давлением (прямым или косвенным), то он (подарок) перестает быть «традицией» и переходит в разряд «коррупции». Эта позиция совершенно понятна с психологической точки зрения, но неприемлема с юридической.

Если условно классифицировать полученные характеристики в соответствии с психологической структурой личности, можно выделить несколько структурных блоков. Первый – это система отношений коррупционера к окружающему миру, которая отражает его потребности, мотивы поведения, интересы, убеждения и мировоззрение. Здесь употребляются такие характеристики личности, как жадный, аморальный, циничный, эгоистичный, чиновничья-тель и др. Второй блок включает в себя задатки и способности человека: некомпетентный, неумелый, хитрый. Третий блок отражает психологические особенности поведения человека, такие как агрес-

Таблица 16
Представления респондентов о коррупционерах

Характеристики коррупционера					
1	Авторитарный	21	Убогий от ответственности	40	Неулыбый
2	Агрессивный	22	Коварный	42	Неучтивый
3	Алчный	23	Ленивый	43	Отчужденный
4	Аморальный	24	Лживый	44	Подлый
5	Безжалостный	25	Лицемерный	45	Подозрительный
6	Безликий	26	Малокультурный	46	Порочный
7	Безответственный	27	Мерзостный	47	Предательский
8	Безразличный	28	Надменный	48	Сложный в рутине
9	Беспринципный	29	Не любит свою профессию	49	Скандальный
10	Бестактный	30	Не общительный	50	Скрытный
11	Бесуственный	31	Невежественный	51	Скупой
12	Вероломный	32	Невежественный	52	Собранный
13	Грубый	33	Недобросовестный	53	Упрямый
14	Дарливый	34	Некомпетентный	54	Упрямый
15	Жадный	35	Ненадежный	55	Циничный
16	Закранный	36	Неразборчив в средствах	56	Черствый
17	Замкнутый	37	Несговорчивый	57	Человечитель
18	Низкая самооценка	38	Нестрашный	58	Эгоистичный
19	Завистливый	39	Несчастный	59	Эгоцентричный
20	Злобный	40	Неуважительный		

сивный, надменный, грубый, неучтивый, ненадежный, черствый, злобный. Четвертый блок включает морально-нравственные характеристики человека: аморальный, подлый, двуликий, лживый, эгоистичный, коварный и т.д. Пятый блок включает эмоциональную оценку внутреннего мира коррупционера: несчастный, с низкой самооценкой, подозрительный, закрытый, замкнутый. Шестой блок – стилистические особенности поведения: малокультурный, бестактный, лицемерный. Седьмой блок отражает его отношение к работе: безответственный, безразличный, не любит свою профессию.

Исходя из приведенных характеристик можно говорить о возможности разработки социально-психологического портрета коррупционера. Это, конечно же, требует дальнейших исследовательских усилий.

Обобщая данную часть исследования, можно отметить следующие позиции.

В структуре представлений населения о коррупции характерным является наличие моральных, социальных, правовых и экономических противоречий, которые могут оказывать негативное влияние на социальное поведение и психологическое благополучие человека. Так, 97,3% указывают на недопустимость преступлений против внешнеполитических интересов государства, что, скорее, свидетельствует о высоком уровне патриотизма населения. Но при этом 87,9% респондентов считают допустимыми экономические правонарушения в отношении государства.

Каждоиндивидуальным (уникальным) особенностям представлений о коррупции можно отнести категоричность, четкость, согласованность, осмысленность и т.д.

Как оказалось, респонденты неодинаково ориентируются в субъектах и предмете коррупционных преступлений, плохо разграничивают инициаторов и участников, не могут описать уровни и масштабы коррупционных преступлений, теряются в оценках степени регулярности (частоты), не могут рассказать о мерах и средствах противодействия, затрудняются в обосновании исторической и социально-экономической обусловленности коррупционных преступлений и т.д.

Уровень проведенных обобщений позволил выделить представления населения о коррупции, которые противоречат друг другу по личности и социально значимым основаниям. Так, на вопрос «Считаете ли вы допустимым принять вознаграждение от человека, которому помогли (хотя могли бы этого не делать)?» 62,3% населения ответили положительно. На обратный вопрос «Считаете ли вы необходимым отблагодарить человека за оказанную вам помощь (хотя он мог бы этого не делать)?» положительный ответ дали лишь 17,4% населения. Таким образом, ответы искажаются в зависимости от того, является человек «дающим» или «берущим», общая разница в ответах в пользу «берущего» составляет 44,9%.

Еще один характерный показатель противоречивости представлений населения о коррупции связан со следующим фактом. При том, что 92,6% признают коррупцию острой проблемой современного общества, более 60% допускают возможность нечестной

уплаты налогов в бюджет государства и 37,3% признают, что прибегли бы к «даче взятки» для положительного разрешения своих личных экономических или социальных проблем. Более того, 69,7% респондентов говорят, что им уже приходилось участвовать в коррупционных сделках, что, вероятно, соответствует действительности. Так, например, в «Отчете о реализации органами исполнительной власти Смоленской области мер в сфере противодействия коррупции за 2014 г.», отмечается, что более 60% населения признало свое участие в тех или иных коррупционных актах.

Такого рода противоречия выявлены в представленных об условиях экономической деятельности, о психологической готовности к экономической деятельности, о способах экономической самореализации и в модальностях отношении к экономической деятельности.

Сфера экономического сознания личности – это свойственная человеку форма субъективного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей организации экономической деятельности государства, предприятий и домохозяйств. В результате оценки социально-экономических условий у человека происходит формирование внутренней модели экономического мира, посредством которого осуществляется познание и преобразование экономической действительности. Экономическое сознание включает в себя собственные конкретному индивиду социально-экономические переживания (ощущения), представления и отношения.

По результатам исследования, в экономическом сознании старшеклассников (несовершеннолетних) экономический фактор порождает негативные эмоциональные переживания на фоне ярко выраженной мотивации достижения экономического благополучия. Намерения части старшеклассников, направленные на достижение экономического благополучия, носят откровенно криминальный характер. Отраженные в их экономическом сознании представления о коррупции позволяют говорить об искаженной оценке респондентами юридических признаков коррупции. В частности, взятка, вымогательство, оплата за дополнительные (не предусмотренные инструкциями) услуги должностного лица воспринимаются старшеклассниками в большинстве случаев как «подарок» и не ассоциируются с экономическими преступлениями. Выявленные позиции опасны для общества и могут иметь непредсказуемые последствия для самой развивающейся личности.

Результаты исследования показали, что молодые люди считают коррупцию опасным явлением в жизнедеятельности общества. При этом респонденты выделяют социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и политические причины коррупции; четко различивают причины коррупции как социального явления и коррупционного поведения личности (которые опосредуются системой личностных ценностей).

К экономическим детерминантам коррупции респонденты относят низкий уровень жизни государственных служащих и населения в целом (что вызывает у них сочувствие к коррупционерам, создает вокруг них ситуацию если не одобрения, то понимания). Ведущим социальным фактором коррупции респонденты считают наличие традиционно установившейся коррумпированной среды в обществе, пренебрежение которой может провоцировать ухудшение окружающих и даже вызывать социальное осуждение. К наиболее коррумпированным сферам респонденты относят судебные и правоохранительные органы и органы власти. Лишь десятая часть молодежи рассуждает о социальных последствиях коррупции.

Выявлены индивидуальные особенности представлений о коррупции: категоричность, четкость, согласованность, осмысленность и т.д. Респонденты неодинаково ориентированы в проблемах коррупции, разногласия затрагивают представления о субъектах и предмете коррупционных преступлений, об инициаторах и участниках, об уровнях и масштабах, о степени регулярности (частоты), о мерах и средствах противодействия и т.д.

В структуре отношений населения к коррупции присутствуют моральные, социальные и правовые противоречия, которые могут оказывать негативное влияние на социальное поведение и психологическое благополучие человека. Противоречия выявлены также по личностно и социально значимым основаниям. Так, на вопрос о допустимости принятия вознаграждения за помощь ответы респондентов искажаются в зависимости от того, рассуждает человек с позиции «дающего» или «берущего». Подавляющее большинство населения считает коррупцию острой проблемой современного общества, но признает, что прибегли бы к даче взятки для положительного разрешения своих личных проблем.

ГЛАВА 4

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И УСЛОВИЙ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

4.1. Сравнительный анализ социально-демографических и уголовно-правовых особенностей личности осужденных за коррупционные преступления

А. Социально-демографические особенности личности осужденных за общеуголовные, экономические и коррупционные преступления

Современное российское законодательство предусматривает три вида мероприятий по противодействию коррупции: профилактика, непосредственно борьба с ней и ликвидация ее последствий (см. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ в редакции от 28.11.2015 г.).

Реализация профилактических мероприятий по предупреждению распространения коррупции связана с выявлением и устранением ее причин и не только ограничивается совершенствованием антикоррупционного законодательства, но и направлена на выявление социально-психологических закономерностей, способствующих формированию коррупционного поведения у людей, с последующим введением мер, нейтрализующих эти факторы.

Основной задачей нашего исследования было выявление социально-демографических факторов, оказывающих влияние на формирование коррупционного поведения людей.

С целью всестороннего анализа заявленной проблематики были сформированы три группы обследуемых: осужденные за преступления коррупционного характера; осужденные за преступления общеуголовного характера; осужденные за экономические преступления.

Анализ социально-демографических данных обследуемых мы начали с изучения особенностей родительской семьи, который показал, что большинство обследуемых вне зависимости от вида

совершенного преступления выросли в семье рабочих. Обращает на себя внимание тот факт, что 20% осужденных за коррупционные преступления воспитывались в семье интеллигенции и служащих (см. таблицу 17).

Таблица 17
Социальное происхождение осужденных

Группы осужденных	Социальное происхождение			
	Из семьи рабочих	Из семьи сельских труженников	Из семьи интеллигенции	Из семьи служащих
За коррупционные преступления	53	5	20	19
За экономические преступления	65	15	0	15
За общественные преступления	97	0	0	0

Примечание: в таблицах 17–43 данные приводятся в процентах.

Существует стереотипное представление о том, что чаще всего преступления совершают лица, воспитывавшиеся в неполных семьях. Представленные результаты показывают необоснованность данного мнения, но в то же время не позволяют утверждать, что лица, воспитывавшиеся в полных семьях, где есть и отец, и мать, чаще совершают преступления (см. таблицу 18). В случае увеличения выборки обследуемых результаты могут значительно измениться.

Таблица 18
Типы семей осужденных

Группы осужденных	Вид семьи			
	Полная	Неполная	Приемная	Детский дом
За коррупционные преступления	76	21	0	3
За экономические преступления	56	39	5	0
За общественные преступления	80	20	0	0

Таблица 19

Участие членов семьи осужденных в их воспитании

Кто воспитывал	Группы осужденных		
	За коррупцион- ные преступ- ления	За обществен- ные преступ- ления	За экономичес- кие преступ- ления
Отец и мать	78	60	41
Мать и отчим	9	10	6
Отец и мачеха	1	10	6
Мать	5	10	11
Отец	1	0	11
Родственники	6	10	5

В воспитании большинства обследованных осужденных принимали участие оба родителя (см. таблицу 19). Сравнительный анализ данных таблиц показывает, что воспитание в полной или неполной семье – не то же самое, что принятие участия родителей в этом воспитании. Другими словами, многие родители, находящиеся в разводе, старались принимать непосредственное участие в воспитании детей и одновременно некоторые родители, состоящие в браке, не проявляли интереса к воспитанию ребенка.

Нужно отметить, что в среднем до 19–20 лет все категории обследуемых осужденных проживали в родительской семье. Следовательно, можно предположить, что во многом на совершение преступления оказывает влияние родительская семья, причем для этого необязательно показывать пример совершения преступных деяний. Причиной может быть и отсутствие определенных благ в семье с одновременным осуждением других семей («от мамы были и теперь барствуют», «конечно, у него такая шикарная машина, потому что кятки берет с простых людей», «чиновникам проще жить, им деньги сами приносят заинтересованные лица, чтоб решить свои вопросы»), где был более высокий достаток, а дети воспитывались в более благоприятных с материальной точки зрения условиях. Дети в неблагоприятных семьях могли замечать в памяти образы «успешных семей» и способы их преступного обогащения, воспринимая их как доступные и одобряемые несмотря на то, что они связаны с нарушениями российского законодательства.

В зависимости от старшинства в семье существенная разница наблюдается у осужденных за коррупционные преступления, ко-

Таблица 20
Очередность рождения

Группы осужденных	Очередность рождения				
	Старший ребенок	Средний ребенок	Младший ребенок	Единственный ребенок	Близнецы
За коррупционные преступления	44	20	15	20	1
За экономические преступления	22	17	44	17	0
За общеуголовные преступления	20	30	20	30	0

тарые чаще всего являются старшими детьми в семье, и у осужденных за экономические преступления: они, как правило, младшие дети (см. таблицу 20). У осужденных за общеуголовные преступления существенных различий по очередности рождения не выявлено. Представленные результаты вызывают особый интерес. Напомним, что осужденные из нашей выборки за экономические преступления представляли людьми, совершившими такие преступления, как кража, разбой, мелкое хищение, вымогательства, т.е., по сравнению с осужденными за коррупционные преступления, они выбрали более простой (несложный) способ добывания денежных средств. А теперь вспомним, какую роль играет в семье старший ребенок, а какую – младший. Вполне возможно, в этом и кроется ответ на выбор вида совершаемого преступления обследуемыми.

Сравнительный анализ места проживания обследуемых в детстве показал, что осужденные за коррупционные деяния в большинстве случаев до осуждения проживали в небольших и крупных городах, осужденные за общеуголовные деяния – в небольшом городе, осужденные за экономические преступления – в небольшом городе или селе (см. таблицу 21).

Ответы обследуемых осужденных на вопрос о том, какие трудности и проблемы они испытывали в детстве, показали, что главными из них были следующие:

- учеба в школе (41% осужденных за коррупционные преступления, 20% – за общеуголовные, 50% – за экономические преступления);
- отношения с родителями (19, 10 и 20% соответственно);
- отношения со сверстниками (19, 20 и 20% соответственно);
- финансовые затруднения (21, 50 и 6% соответственно).

Таблица 21
Место проживания в детстве

Группы осужденных	Место проживания в детстве				
	Село	Поселок	Небольшой город	Крупный город	Столица
За коррупционные преступления	8	18	29	33	10
За экономические преступления	18	6	44	11	11
За общеуголовные преступления	10	20	60	10	0

Приоритетными ценностями в семье выступали: у 44% осужденных за коррупционные преступления – образование; у 50% осужденных за экономические преступления – работа; у 30% осужденных за общеуголовные преступления – работа, образование и благосостояние (см. таблицу 22). Такая семейная ценность, как душевный комфорт, чаще встречалась в семьях осужденных за коррупционные (23%) и экономические (28%) преступления.

Анализ финансового положения родительских семей обследуемых осужденных показал, что в целом в их семьях оно было хорошим или удовлетворительным (см. таблицу 23). Однако семья 40% осужденных за общеуголовные преступления испытывали финансовые затруднения.

Таблица 22
Приоритетные ценности в родительской семье

Группы осужденных	Ценности семьи			
	Работа	Образование	Благосостояние	Душевный комфорт
За преступления коррупционного характера	23	44	10	23
За преступления экономического характера	50	17	5	28
За преступления общеуголовного характера	30	30	30	10

Таблица 23
Финансовое положение родителей

Группы осужденных	Финансовое положение			
	Очень хорошее	Хорошее	Удовлетворительное	Неудовлетворительное
За коррупционные преступления	7	44	43	6
За экономические преступления	0	50	44	6
За общеуголовные преступления	0	20	40	40

Примечательным является тот факт, что средний возраст, при котором осужденные-коррупционеры стали самостоятельно зарабатывать, составил 15 лет. Осужденные за экономические преступления самостоятельно стали зарабатывать в 13 лет, а осужденные за общеуголовные преступления – в 16 лет.

В процессе исследования мы выжили вопрос о том, влияет ли уровень образования родителей на вид преступления, совершенного их детьми. В итоге нам удалось установить, что такой зависимости нет. Примечательным является тот факт, что у 28% осужденных за экономические преступления и 36% осужденных за коррупционные преступления матери имеют высшее образование. Отцы имеют высшее образование в основном у осужденных за коррупционные деяния (39%) и за общеуголовные преступления (20%). Семьи, где оба родителя имеют высшее образование, были чаще всего у осужденных за коррупционные преступления (см. таблицы 24–25).

Миф о том, что коррупцией занимаются в основном дети больших чиновников, могут развеять представленные нами результаты, согласно которым родители осужденных за коррупционные и экономические преступления занимали должности рядовых сотрудников в различных организациях. В то же время у 40% осужденных за общеуголовные преступления оба родителя или кто-то один занимали руководящие должности (см. таблицы 26–27). О чем это говорит? Можно предположить, что родители, увлеченные работой, мало уделяли внимания своим детям, что привело к нарушениям в области социальной сферы последних и к совершению ими преступлений. Но, может быть, во всем виноват сформированный у них образ вседозволенности, который и привел их к совершению преступлений общеуголовного характера.

Таблица 24
Уровень образования отца

Группы осужденных	Уровень образования				
	Среднее специальное	Среднее	Высшее	Незаконченное высшее	Неполное среднее
За коррупционные преступления	36	30	39	1	14
За экономические преступления	30	22	6	0	22
За общеуголовные преступления	50	0	20	30	20

Таблица 25
Уровень образования матери

Группы осужденных	Уровень образования				
	Среднее специальное	Среднее	Высшее	Незаконченное высшее	Неполное среднее
За коррупционные преступления	33	30	36	8	13
За экономические преступления	33	11	38	6	22
За общеуголовные преступления	50	20	0	0	30

Таблица 26
Занимаемые отцами должности

Группы осужденных	Должность отца				
	Крупный руководитель	Руководитель	Рабочий	Почти не работал	Воспитывался без отца
За преступления коррупционного характера	3	34	49	5	7
За преступления экономического характера	0	17	67	11	5
За преступления общеуголовного характера	0	40	30	20	10

Таблица 27
Занимаемые матерями должности

Группы осужденных	Должность матери				
	Крупный руководитель	Руководитель	Радовой	Почта не работала	Воспитывалась без матери
За преступления коррупционного характера	1	23	68	6	5
За преступления экономического характера	0	11	72	0	11
За преступления общепромышленного характера	0	40	20	10	20

Мы уже отмечали, что на совершение преступлений могут оказывать влияние как пример образа жизни родителей, так и пренебрежительное отношение родителей, имеющих невысокий уровень материального обеспечения, к роскоши. В таблице 28 представлены результаты ответов на вопрос: «Вы хотели бы, что бы ваша семья была похожа на семью ваших родителей?».

Анализ изложенного материала не дает нам достоверного ответа на вопрос о том, влияет ли семья на вид совершаемого преступления. Именно поэтому мы поставили другую задачу – выяснить, а желали ли наши обследуемые строить свою семью по подобию родитель-

Таблица 28
Заинтересованность в формировании своей семьи по подобию родительской

Группы осужденных	Желание		
	Полноценно	Полноценно в чем-то	Не хотели
За коррупционные преступления	17	68	15
За экономические преступления	28	50	22
За общепромышленные преступления	20	50	30

ской, с переносом в нее всех основных традиций, правил и обычаев, стала общения родителей между собой и с детьми. В итоге мы установили, что в меньшей степени хотят, чтобы их семья была полностью похожа на семью родителей, осужденные за коррупционные деяния (17% обследуемых), 68% осужденных-коррупционеров и 50% осужденных за преступления общеуголовного и экономического характера считают, что их семья должна быть подобна семье родителей лишь по отдельным параметрам. Обращает на себя внимание тот факт, что 30% осужденных за общеуголовные преступления не желают, чтобы их семья хоть чем-то напоминала родительскую.

56% осужденных за преступления экономического характера и 40% – за преступления общеуголовного характера холосты. К тому же 11 и 30% соответственно обследуемых указанных двух категорий разведены. Следовательно, большинство осужденных этих групп находятся вне семейных отношений. По сравнению с ними осужденные за преступления коррупционного характера в основном имеют семьи: 28% состоит в браке, 10% женаты повторно, 20% состоит в гражданском браке (см. таблицу 29). Следует отметить, что проведенные нами ранее исследования по изучению социально-демографических особенностей бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные и экономические преступления, показали, что большинство (59%) из всей выборки осужденных за коррупционные преступления состоит в браке, тогда как состоящих в браке осужденных за экономические преступления всего 19%. 29% осужденных за коррупционные

Таблица 29
Семейное положение осужденных

Группы осужденных	Семейное положение					
	Женат/замужем	Женат/замужем повторно	Холост/не замужем	Вдовец/вдова	Разведен(а)	Проживает в гражданском браке
За преступления коррупционного характера	27	9	21	3	19	19
За преступления экономического характера	21	0	56	0	11	11
За преступления общеуголовного характера	9	0	39	0	29	19

преступления никогда не состояли в браке, а из всех обследованных осужденных за экономические преступления 44% не состояли в браке, 12 и 37% соответственно находятся в разводе (Гаврина, 2011). Результаты проведенных нами исследований в 2011 и 2016 гг. подтверждают тот факт, что совершение преступления коррупционного характера не слишком порицается близкими людьми осужденных. И, как правило, такая категория осужденных в период отбывания наказания не теряет своих социальных связей.

Кроме того, у большинства осужденных за преступления коррупционного характера есть ребенок/дети, тогда как у 50% осужденных за преступления экономического и общеуголовного характера их нет (см. таблицу 30). О чем говорит данный факт? С одной стороны, можно предположить, что их образ жизни не вызывал у женщин их окружения желания родить от них детей, с другой стороны, они могли сами не желать рождения детей, дабы не обременять себя. Но результаты обследования осужденных за коррупционные преступления показывают, что они готовы были брать на себя ответственность за создание семьи и рождение ребенка/детей.

Отметим, что 85% осужденных за коррупционные преступления обеспечили проживание своих детей совместно с ними (см. таблицу 31). Дети осужденных за экономические деяния в 67% случаях проживали в другой семье, как и дети 43% осужденных за общеуголовные преступления. Необходимо отметить тот факт, что дети осужденных за общеуголовные преступления не находятся в интернате или детском доме (явное возможно, что при увеличении выборки обследуемых этот показатель изменится).

Таблица 30
Количество детей в семье обследуемых осужденных

Группы осужденных	Количество детей				
	Нет детей	Один	Двое	Трое	Больше трех
За преступления коррупционного характера	25	40	28	6	1
За преступления экономического характера	50	28	17	5	0
За преступления общеуголовного характера	50	30	10	10	0

Таблица 31

Совместное проживание детей с обследуемыми до осуждения

Группы осужденных	Место проживания		
	Проживали в одной семье	Проживали в другой семье	Ничего не ответ
За преступления коррупционного характера	85	12	3
За преступления экономического характера	22	67	11
За преступления общеуголовного характера	57	43	0

Примечание: в таблице приведены данные по осужденным, имеющие ребенка (детей).

35% обследуемых осужденных за коррупционные преступления стремятся поддерживать тесные отношения с детьми, тогда как 35% осужденных за экономические преступления не проявляют интереса к своим детям.

Большинство обследуемых осужденных за общеуголовные преступления (80%), имеющих собственных детей, отмечают, что в основном стараются помогать им только материально, о поддержании каких-либо иных форм общения с ними они не говорят.

Как и предыдущие исследования, проведенные нами в 2010–2011 гг., исследование 2016 г. показало, что осужденные за коррупционные деяния по сравнению с осужденными за другие виды преступлений в основном имеют высшее образование (44%), тогда как его имеют лишь 20% осужденных за общеуголовные преступления. В нашу выборку не попал ни один осужденный с высшим образованием из числа осужденных за экономические преступления. В то же время незаконченное высшее образование имеют 10% из числа осужденных за коррупционные деяния. Среди остальных осужденных лиц с незаконченным высшим образованием в нашей выборке не было. Среднее профессиональное образование в основном имеют осужденные за преступления общеуголовного характера. Среди осужденных за коррупционные преступления меньше всего людей со средним общим образованием и небольшим средним общим образованием.

Заметим, что большой процент обследованных осужденных всех трех групп получали техническое образование по профилю (41% осужденных за коррупционные преступления, 33% – за преступления экономического характера и 40% – за общеуголовные). 50%

Таблица 32
Профиль образования обследуемых осужденных

Группы осужденных	Профиль				
	Гуманитарный	Технический	Экономический	Военный	Нет профиля
За преступления коррупционного характера	16	41	28	8	7
За преступления экономического характера	6	33	6	5	50
За преступления общеуголовного характера	0	40	20	0	40

осужденных за преступления экономического характера и 40% – за общеуголовные не имеют профильного профессионального образования (см. таблицу 32).

При изучении вопроса о причинах совершения коррупционных деяний мы выяснили, существует ли связь выбора профессии осужденным и вида совершенного им преступления с профессией его родителей. Итоги исследования показали, что более 80% обследованных выбирали профессию, не связанную с семейной династией (см. таблицу 33).

Таблица 33
Учет семейной династии в выборе профессии

Группы осужденных	Выбор профессии		
	Несколько поколений в профессии	Продолжил дело	Первый в этой профессии
За преступления коррупционного характера	4	7	89
За преступления экономического характера	11	6	83
За преступления общеуголовного характера	10	10	80

При выборе специальности и учебного заведения большинство осужденных полагались в основном на себя (65 % осужденных за коррупционные деяния, 61 % – за экономические деяния, 60 % – за общеуголовные преступления) и лишь в отдельных случаях – на выбор родителей (см. таблицу 34). Обращает на себя внимание тот факт, что 22 % осужденных за экономические деяния выбрали специальность и учебное заведение случайно. Учителя средних школ оказали самое незначительное влияние на выбор профессии и учебного заведения.

Таблица 34

Влияние людей на выбор специальности и учебного заведения

Группы осужденных	Влияние					
	Я сам	Родители	Друзья	Школьные учителя	Родственников	Случайный выбор
За преступления коррупционного характера	65	17	1	1	10	6
За преступления экономического характера	61	17	0	0	0	22
За преступления общеуголовного характера	60	20	10	0	5	5

В то же время было установлено, что по специальности, полученной в вузе, работали единицы: лишь 18 % осужденных за коррупционные преступления, 17 % – за экономические и 40 % – за общеуголовные преступления.

Следует отметить, что 71 % осужденных за коррупционные преступления получили высшее образование в гражданской образовательной организации.

Опрос осужденных показал, что в процессе обучения в образовательной организации все обследуемые в основном обучались на «хорошо». На «отлично» чаще всего оценивались знания осужденных за преступления экономического характера (17 %) (см. таблицу 35).

Все категории обследуемых осужденных отметили, что в основном они испытывали интерес к процессу обучения (70 % осужденных за преступления коррупционного характера, 67 % – экономического, 60 % осужденных за преступления общеуголовного характера) (см.

Таблица 35
Уровень успеваемости в профессиональном обучении

Группы осужденных	Успеваемость			
	Отличная	Хорошая	Удовлетворительная	Была академически задолженности
За преступления коррупционного характера	8	68	21	3
За преступления экономического характера	17	53	28	0
За преступления общегосударственного характера	0	70	30	0

Таблица 36
Отношение к процессу обучения в образовательной организации

Группы осужденных	Отношение			
	Учился с интересом	Посещал дополнительные занятия	Учился без особого прилежания	Учиться не хотелось
За преступления коррупционного характера	70	11	18	1
За преступления экономического характера	67	6	16	11
За преступления общегосударственного характера	60	30	6	4

таблицу 36). Кроме того, выделяется подгруппа осужденных за общегосударственные преступления (30%), которые посещали дополнительные занятия в процессе обучения. Обращает на себя внимание тот факт, что не испытывавших особого желания учиться лиц больше всего наблюдается в группах осужденных за коррупционные (19%) и экономические (27%) преступления.

Если рассматривать дисциплину во время профессионального обучения, то самые высокие показатели наблюдались в группе осужденных за экономические преступления. В группах осужден-

Таблица 37
Уровень дисциплинированности
во время профессионального обучения

Группы осужденных	Показатели дисциплинированности		
	Хорошая	Средняя	Низкая
За преступления коррупционного характера	58	39	0
За преступления экономического характера	33	50	11
За преступления общеуголовного характера	60	20	10

ных за общеуголовные (60%) и коррупционные (58%) преступления она в основном была на высоком уровне (см. таблицу 37). Самыми дисциплинированными среди рассматриваемых групп были осужденные-коррупционеры.

Полученные данные во многом противостоят сложившимся стереотипам в обществе, согласно которым осужденные за общеуголовные преступления – это в основном лица, не стремившиеся к получению знаний, пропускавшие учебные занятия, ленивые, показывающие низкую успеваемость. Однако по результатам исследования мы видим, что они учились на оценки «хорошо» и «удовлетворительно», посещали дополнительные занятия, проявляли интерес к процессу обучения, были в основном дисциплинированными. Другими словами, среди них же было отличников, но к учебе они относились ответственно. Безусловно, среди осужденных этой категории есть лица с ярко выраженным уровнем социальной деградации, которых связать с процессом обучения невозможно. В основном это люди, начинавшие в раннем возрасте употреблять наркотические средства и алкоголь. Так получилось, что в нашу выборку указанная категория лиц не попала. Данный факт позволяет предположить, что осужденных с такой формой деградации в исправительных учреждениях не так уж много, и что среди осужденных за общеуголовные преступления есть лица, ответственно относившиеся к получению образования.

Отечественные кинофильмы в Советском Союзе демонстрировали образ коррупционера, активно занимавшегося различной общественной деятельностью (чаще всего это была работа в комсомольской организации). В нашем случае установлено, что современные коррупционеры не проявляют активного желания за-

Таблица 38
Показатели занятости общественной деятельностью

Группы осужденных	Занятость		
	Занимались	Занимались от случая к случаю	Не занимались
За преступления коррупционного характера	23	45	34
За преступления экономического характера	22	45	33
За преступления общего уголовного характера	20	40	31

ниматься общественной работой, впрочем, как и все остальные рассматриваемые нами категории осужденных (см. таблицу 38). В СССР работа в комсомольской организации наделяла молодых людей определенными властными полномочиями, давала некоторые привилегии, а в наше время деятельность в общественных организациях строится на добровольных началах и никаких властных полномочий не дает. Может, именно поэтому очень мало желающих принимать в ней участие.

Осужденные всех трех групп отмечали наличие у них за время работы до осуждения поощрений разного характера (благодарности, денежные премии, грамоты, дипломы, ценные подарки и т.д.).

Самый высокий показатель общего трудового стажа наблюдается в группе осужденных за коррупционные деяния: он составил 13 лет, а по своей специальности – 7 лет.

Учитывая в среднем небольшой стаж работы обследуемых (малым, около 13 лет), можно сделать вывод о том, что они довольно часто меняли место работы: в среднем около трех раз. Так, осужденные за экономические деяния за период своего трудового стажа меняли место работы 4 раза, а за последние 5 лет 2 раза; осужденные за общеуголовные деяния – 3 раза, а за последние 5 лет 2 раза. Смена места работы у осужденных за коррупционные деяния произошла за весь период работы 3 раза, а за последние 5 лет 1 раз.

До осуждения крупные руководящие должности занимали: 21% осужденных за коррупционные преступления, 0% – за экономические преступления, 0% – за общеуголовные преступления); руководящие посты в различных организациях занимали: 38% осужденных за коррупционные преступления, 17% – за экономические, 30% – за общеуголовные преступления; должности рядовых исполнителей:

41% осужденных за коррупционные преступления, 83% – за экономические, 70% – за общеуголовные преступления.

Следует отметить, что свою карьеру как наиболее успешную оценивали осужденные за коррупционные преступления (56%), но и другие группы осужденных придерживались этого мнения: 39% осужденных за экономические и 40% – за общеуголовные преступления. Одновременно довольно-большой процент обследуемых всех трех групп оценили свою карьеру как не очень успешную: среди осужденных за экономические преступления больше всего тех, кто считает свою карьеру крайне неудачной (32%) (см. таблицу 39).

В то же время большинство осужденных за коррупционные и экономические преступления отмечали наличие перспектив для своего карьерного роста, тогда как осужденные за общеуголовные преступления – нет (см. таблицу 40).

79% осужденных за коррупционные, 67% – за экономические и 50% за общеуголовные преступления смогли реализовать свой внутренний потенциал.

Таблица 39
Оценка своей профессиональной карьеры

Группы осужденных	Оценка		
	Успешная	Не слишком успешная	Неудачная
За преступления коррупционного характера	56	41	3
За преступления экономического характера	39	39	22
За преступления общеуголовного характера	40	50	10

Таблица 40
Оценка перспектив карьерного роста

Группы осужденных	Перспективы	
	Были	Не было
За преступления коррупционного характера	79	21
За преступления экономического характера	67	33
За преступления общеуголовного характера	50	50

Зададим очередной вопрос. Что же получается: карьера успешная, перспективны карьерного роста есть, свой внутренний потенциал реализовали, так почему же они совершили преступление? Значит, искать ответ нужно не в этой области, а в изучении психологических особенностей принятия решения о совершении преступления?

Еще один факт наводит на размышления. Осужденные за коррупционные преступления получали до осуждения высокую заработную плату (см. таблицу 41). Низкий уровень удовлетворенности проявлялся в основном у осужденных за экономические и общеуголовные преступления. Почему же, имея достойный заработок, люди принимают решение совершить преступление коррупционного характера, которое в основном бывает продиктовано увеличением прибыли? На этот вопрос придется искать ответ в области изучения психологии формирования коррупционного поведения.

Таблица 41
Уровень удовлетворенности заработной платой

Группы осужденных	Уровень удовлетворенности		
	Хороший	Средний	Низкий
За преступления коррупционного характера	56	29	12
За преступления экономического характера	40	17	43
За преступления общеуголовного характера	30	36	40

По мнению исследуемых, основными причинами совершения этих преступлений были:

- у осужденных за коррупционные преступления: поиск работы по душе и более высокого заработка;
- у осужденных за преступления экономического характера: поиск работы по душе и более высокого заработка, личные (семейные) проблемы, смена места жительства;
- у осужденных за общеуголовные преступления: поиск более высокого заработка, престижной работы, смена места жительства.

Как видно из таблицы 42, во всех трех группах исследуемых осужденных есть лица, совершившие преступления с целью увеличения своих финансовых доходов; в группах осужденных за коррупционные (8%) и общеуголовные (10%) преступления есть лица, совер-

Таблица 42
Причины совершения преступления

Причины совершения преступления	Группы осужденных		
	За коррупционные преступления	За экономические преступления	За общеуголовные преступления
Искал работу по душе	18	27	10
Искал более высокий заработок	20	17	30
Искал более престижную работу	4	6	20
Продвижение по службе	8	0	10
Конфликты на старой работе	0	0	6
Личные (семейные) проблемы	10	17	10
Смена места жительства	7	22	40

винные преступления ради карьерного продвижения; среди осужденных за экономические преступления выделяется подгруппа лиц, совершавших преступления вследствие имеющихся конфликтов на работе (6%).

Говоря о применении к ним наказания за совершенное деяние, 56% осужденных за общеуголовные преступления считают его справедливым, тогда как большинство осужденных за коррупционные и экономические преступления с ним не согласны.

В качестве основных способов предупреждения совершения преступления осужденными всех трех групп были выделены следующие: увеличение заработной платы, стыд перед близкими людьми и совесть (кроме осужденных за экономические преступления). Осужденные за коррупционные преступления полностью отрицают такой способ предупреждения совершения преступления, как использование технических средств контроля (см. таблицу 43). Напомним, что основной доказательной базой по коррупционным преступлениям являются средства фиксации момента совершения должностным лицом коррупционного деяния. Возникает вопрос: почему они данный способ не выбирают как предупреждающий совершение преступления? Может быть, они относят его к следственным действиям или хотят его исключить как способ доказывания их преступления. Но, возможно, в данном факте проявился и такой тип психологической защиты, как «отрицание»? Одним сло-

Таблица 43

Мнение о способах предупреждения совершения преступления

Способ предупреждения	Группы осужденных		
	За коррупционные преступления	За экономические преступления	За общеуголовные преступления
Высокая заработная плата	29	28	30
Страх потерять престижную работу	9	11	10
Осуждение окружающих людей	11	6	10
Стыд перед близкими	28	6	20
Совесть	36	11	50
Релятивные награды	11	0	10
Возможность дополнительно зарабатывать честным путем	11	6	40
Совершенствование контроля внутри организации	0	0	20
Технические средства контроля	0	11	10
Страх быть привлеченным к ответственности во дворец окружающих людей	6	6	20

вом, для получения ответа по данной позиции необходимы дополнительные исследования.

Обращает на себя внимание и то, что одним из способов предупреждения совершения преступления обследуемые назвали увеличение заработной платы. Однако хотелось бы напомнить, что большинство обследуемых за коррупционные преступления были довольны своим заработком. Таким образом, важнейшими сдерживающими факторами остаются стыд перед близкими людьми и совесть. Это значит, что нужно кардинально менять менталитет граждан России, который за последние десятилетия подвергся серьезной деформации в области формирования представлений о допустимых видах правонарушений.

Изучение вопроса о том, боялись ли ответственности за совершаемое деяние кассы обследуемых, показало, что прорабатывали способы уйти от ответственности 15% осужденных за преступления коррупционного характера, 56% – экономического, 60% – за пре-

ступления общеуголовного характера; не стремились уйти от ответственности 19%, 22% и 0% соответственно; не задумывались о наступлении ответственности 66%, 22% и 40% обследуемых соответственно.

Криминологическая характеристика обследуемых показала, что осужденные за коррупционные и экономические преступления ранее не привлекались к уголовной ответственности за аналогичные преступления, а осужденные за общеуголовные преступления, напротив, ранее совершали подобные преступления.

Б. Социально-демографические особенности личности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления

В криминологической, психологической и социологической литературе уже стало традицией начинать изучение личности преступника с анализа ее социально-демографических данных (Шестаков, 2003). Без них оно будет неполным. Не случайно эти данные нужны при расследовании уголовных дел, в процессе оперативно-розыскной деятельности (Криминология, 2004).

В криминологии (и в психологической практике) выявлены многие закономерности, позволяющие учитывать в профилактической работе те или иные особенности социально-демографического характера: возраст, уровень образования, семейное положение, место службы и др. Именно эти признаки главным образом определяют принадлежность лица к уголовно-исполнительной системе (УИС): с образованием тесно связано назначение сотрудника на соответствующую должность; характер и место работы (службы) являются важными при квалификации преступления как должностного; и т. п.

Возрастные особенности должны интересовать и психолога, и криминолога, – прежде всего как возможный результат социальных изменений личности. Человек – существо социальное, поэтому с изменением возраста наступают не только биологические (физиологические) изменения его организма, но изменяется обстановка, условия, в которых живет и трудится человек, его социальные функции, социальный опыт, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные ситуации. Возрастная характеристика позволяет делать выводы о криминологической активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп (Антонов, Эминов, Еникеев, 2000).

Вопрос о влиянии возраста на преступность давно вызывает споры в юридической науке, в том числе и в прикладной психологии (Ломброзо, 2005; Гернет, 1906; Худряцев, 1968; Ситковская, 1998; Бартод, 2004; и др.). Так, М. Н. Гернет, не отрицая это влияние, признавал, что оно нейтрализуется действием более могучего фактора – социального – и может быть устранено соответствующим реформированием социальной среды преступника.

Характер преступлений в значительной степени обуславливается возрастными особенностями лиц: «Некоторые преступления свойственны преимущественно тому или иному возрасту. <...> В то же время возраст связан с характером преступления и криминальной активностью» (Казак, Ушатиков, 2003, с. 118).

Для сотрудников УИС возраст имеет не только социальное, биологическое значение, но и оказывает влияние на правовое положение. С ним связаны прием на службу и увольнение с нее; он учитывается при определении характера (вида) службы сотрудника, с учетом его возможности переносить физические и психологические нагрузки. С возрастом изменяются социальные функции, привычки, характер, способы реагирования на конкретные ситуации сотрудника УИС. Поэтому данный фактор нельзя не учитывать при анализе коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками УИС, исследовании криминальной активности различных возрастных групп (см. таблицу 44).

Из данных, приведенных в таблице 44, следует, что среди преступников из среды сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, преобладает доля лиц старшего возраста. Удель-

Таблица 44

Связь возраста осужденных с их криминальной активностью

Возраст преступника	Распределение (в %)
18–19 лет	0
20–24 лет	12,8
25–29 лет	13,1
30–39 лет	38,4
40–49 лет	20,9
50 лет и более	4,8
Итого	100
Средний возраст	35,5

ный вес лиц в возрасте 30 лет и старше равен 64,1%, в то время как этот показатель среди действующих сотрудников составляет 53,1%. Удельный вес данной возрастной группы из числа всех лиц, совершивших коррупционные преступления, составляет 96% (Тончаренко, 2009).

Средний возраст преступников-коррупционеров из числа сотрудников УИС составляет 35,5 лет. Довольно зрелый возраст данной категории можно объяснить тем, что при исполнении наказаний преступления коррупционного характера совершают в абсолютном большинстве лица, занимающие руководящую должность. Последнее, в свою очередь, обуславливает прохождение определенного промежутка времени до момента назначения на соответствующую должность.

Самым положителным и его изменение у лиц, совершивших преступления, воздействует на формирование их личностных качеств; оно определенным образом влияет на направленность и устойчивость преступного поведения. «В целом распространенность преступности среди лиц, имеющих семью, ниже, чем среди холостяков и одиноких. В большинстве случаев семья стимулирует положительное поведение, осуществляет социальный контроль» (Криминология, 2004, с. 127).

Общественная антикриминальная роль семьи. Отдельные авторы из числа кримиологов в социально-демографической характеристике личности приоритет отдают семье: «Семья для большинства является значимым институтом. Некоторая вариация степени важности определяется, в первую очередь, тем, насколько удачно семейная жизнь сложилась у тех самих. Остальные факторы – пол, возраст, уровень жизни, – хотя и влияют на оценку важности, имеют меньшее значение» (Джонина, 2009, с. 70).

Исследования последних лет показывают, что семейная ситуация способна определять поведение лица во всех остальных сферах жизни: способствовать или препятствовать трудовой активности, стимулировать тот или иной тип потребления, определять психологическое самочувствие человека и тем самым влиять на состояние его здоровья (Васильчук, 2008).

В литературе распространено мнение, что на совершение преступления, как правило, идут лица, не имеющие семьи, не испытывающие ее положительного влияния, не задумывающиеся о последствиях своего деяния для близких.

Однако, как следует из показателей, приведенных в таблице 45, доля сотрудников УИС, состоящих в браке на момент совершения

Таблица 45

Характеристика осужденных по семейному положению

Семейное положение на момент совершения преступления	Распределение (в %)
Состоит в браке	63,2
В браке не состоит	36,8
Итого	100

преступления, преобладает доля сотрудников, не состоящих в нем, что объясняется возрастом (средний возраст 35,5 лет).

Следует отметить, что среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за рассматриваемые преступления, преобладают осужденные, состоящие в зарегистрированном браке. Их удельный вес составляет 77,2%. Соответственно, удельный вес лиц, состоявших в незарегистрированном браке, равен 22,8%; 6,6% осужденных заключили брак во время отбывания наказания. Нельзя не отметить, что значительная доля браков распадается во время отбывания наказания: 25 % зарегистрированных и 7,7% незарегистрированных.

На поведение личности, сферу ее интересов, круг общения, выбор способов реализации жизненных целей влияет образование. «Высокий образовательный уровень проявляется как антикриминогенный фактор. Чем выше образование человека, тем менее вероятно совершение им преступления. Характеристика образования лиц, совершивших преступления, имеет криминогенное значение, поскольку связана с культурой личности, ее социальным статусом, кругом интересов, жизненными планами и возможностями их реализации» (Криминология, 2004, с. 127).

Побудить к пересмотру своих жизненных взглядов невозможно без убеждения лица, совершившего преступление, в ошибочности избранного им преступного образа жизни. «Изменение сложившихся асоциальных убеждений связано с обращением прежде всего к сознанию осужденного, его разуму. Важнейшим условием формирования убеждений является приобретение осужденным знаний о человеке как личности, преобразующей мир» (Казак, Ушатиков, 1998, с. 54).

Известно, что образовательный уровень человека тесным образом связан с формированием его ценностных ориентаций, потребностей, интересов, с выработкой мировоззрения, с его нравственным и духовным обликem в целом.

Разумеется, между теми или иными (в том числе антиобщественными) формами поведения человека и уровнем его грамотности, образования, культуры нет прямой корреляционной зависимости. Как отмечает Н. Н. Кондрашков, «уровень образования служит лишь благоприятным или неблагоприятным условием нравственного формирования личности» (Кондрашков, 1971, с. 45). Тем не менее, выяснение образовательного уровня является важной составной частью криминологического изучения личности.

Сопоставление данных, приведенных в таблице 46, позволяет сделать вывод, что основную долю среди коррупционных преступников составляют лица, имеющие образование среднее профессиональное и выше – 74,0%. Довольно высок и средний уровень образования: он составляет 11,5 условных классов. При этом доля сотрудников УИС, совершивших коррупционные преступления, имеющих высшее образование, в два раза меньше, чем доля действующих сотрудников с высшим образованием, и составляет соответственно 32,0% и 74,2%; общее среднее и среднее профессиональное образование превышает более чем в два раза долю контрольной группы и составляет соответственно 52,5% и 25,8%. Характерно, что высокий уровень образования отмечается в целом у всех лиц, совершивших коррупционные преступления (Гончаренко, 2009, с. 53; Антоян, Эмпинов, 2010, с. 204–205).

Высокий образовательный уровень преступников рассматриваемой категории обусловлен, на наш взгляд, следующими обстоятельствами. Во-первых, сам характер преступлений, особенно должностных, требует особой подготовки и профессиональных знаний, и чем выше должностное положение, тем более высокая про-

Таблица 46
Характеристика осужденных по образованию

Образование на момент осуждения	Распределение (в %)
Низшее общее (начальное)	0
Основное общее (неполное среднее)	10,5
Среднее полное общее (среднее)	10,5
Среднее профессиональное (среднее специальное и неэквивалентное высшее)	42
Высшее профессиональное (высшее)	32
Итого	100
Средний уровень образования (кол-во классов)	11,5 кл.

фессиональная подготовка необходима лицу. Во-вторых, приведенные показатели об образовании формализованы и далеко не всегда отражают уровень фактической подготовленности и социальной зрелости личности. Здесь факт завершения образования и связанные с этим социальные ожидания не всегда правильно соотносятся с фактическим уровнем подготовки и, более того, рождают тенденцию к завышенной самооценке. Таким образом, наличие диплома об образовании далеко не всегда говорит о грамотности и морально-правовой выдержанности лица.

Более того, уровень образования сотрудников УИС имеет непосредственную взаимосвязь с их правовым статусом, который является необходимым атрибутом правовой культуры и ядром профессионализма. Отсутствие же таких знаний, правовая неосведомленность, скептические стереотипы поведения и предубеждения нередко обуславливают быстро развивающееся негативное явление – правовой нигилизм, который может выражаться в абсолютизации принудительных свойств права, отрицании его социальной и личной ценности. Поэтому с учетом существующей проблемы в области профессиональной подготовки сотрудников УИС, а также в угоду ведомственным интересам и из корыстных побуждений в отношении некоторых из них вполне закономерно прогнозировать факты «обхода закона», проявлений правового невежества и открытого произвола.

Из анализа данных, приведенных в таблице 47, следует, что наиболее значительную долю преступлений коррупционного характера при исполнении наказаний совершают выпускники гражданских высших учебных заведений (43,9%) и сотрудники, прошедшие об-

Таблица 47
Характеристика осужденных
по месту оконченного учебного заведения

Вид оконченного учебного заведения	Распределение (в %)
Учебный центр УФСИН (МВД)	36,8
Средних специальных учебных заведений МВД	7
Средних специальных учебных заведений ФСИН	5,3
Вуз МВД	7
Вуз ФСИН	0
Гражданский вуз	43,9
Итого	100

учение в учебных центрах УФСИН (36,8%). Среди лиц, получивших образование в средних специальных и высших учебных заведениях, также явно преобладают лица, окончившие гражданские вузы (69,4%). Данный факт можно объяснять лучшей адаптационной способностью и деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, выпускников образовательных учреждений ФСИН России. Антикоррупционная составляющая в учебных планах этих учебных заведений занимает значительное место. Помимо учебного процесса, иммунитет к коррупционным преступлениям вырабатывается и другими средствами, – в частности, проведением целенаправленных воспитательных мероприятий, индивидуальной воспитательной работой. Немаловажным моментом является и наличие династий: около одной трети обучающихся имеют родственников, служивших или служащих в УИС. Представители молодого поколения дорожат честию своих родственников, преданных своему служебному и гражданскому долгу.

Объективным обстоятельством в данном случае является и то, что во ФСИН вузы были созданы только в 1998 г.: до этого времени они находились в ведении МВД РФ, как и вся УИС. Поэтому в УИС проходят службу немало выпускников учебных заведений, которые до указанного периода находились в Министерстве внутренних дел, хотя и готовили кадры именно для учреждений и органов, исполняющих наказания.

Такая характеристика, как выслуга лет, позволяет выявлять наиболее характерные причины и условия совершения преступления, занимающих место в учреждениях и органах УИС, в зависимости от стажа службы.

Таблица 48

Характеристика осужденных в зависимости от выслуги в УИС

Выслуга лет на момент осуждения	Распределение (в %)
До 1 года	14,8
От 1 года до 3 лет	12,9
От 3 до 5 лет	9,1
От 5 до 8 лет	15,5
От 8 до 12 лет	13,4
Свыше 12 лет	36,3
Итого	100

Ранжированный ряд показателей, приведенных в таблице 48, позволяет констатировать, что наибольшую долю по стажу службы в УИС занимают осужденные – бывшие сотрудники УИС – с выслугой свыше 12 лет. Далее следуют лица со стажем службы свыше 8 до 12 лет включительно (17,4%), свыше 5 до 8 лет включительно (15,5%), до 1 года (14,8%), свыше 1 года до 3 лет включительно (12,9%). Средний показатель данного признака составляет 7,9 лет. Изложенное позволяет заключить, что сотрудники УИС, совершившие преступления коррупционного характера, отличаются достаточно продолжительным временем службы в системе учреждений и органов, исполняющих наказания.

Данный показатель свидетельствует о том, что в современных условиях при достаточно низком материальном стимулировании труда даже большой практический опыт не является сдерживающим фактором формирования преступных намерений. Совершение преступлений данной категорией лиц является объективной предпосылкой снижения уровня деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, порождаемой неадекватностью уровня материальной обеспеченности и социальной защищенности, напряженностью и опасностью труда сотрудников.

Анализ данных позволяет констатировать, что криминогенно активными являются также и сотрудники, имеющие относительно непродолжительный стаж службы в УИС, что также должно учитываться при организации предупредительной работы по преступлениям, совершаемым сотрудниками системы.

Совершение преступлений лицами со стажем до 3 лет может быть связано и с явными просчетами кадровых работников при приеме кандидатов на службу в УИС. Отсутствие реального конкурса при приеме на службу приводит к тому, что в учреждения и органы, исполняющие наказания, попадают лица, часть из которых склонна к различного рода злоупотреблениям по службе, и при стечении определенных обстоятельств высока вероятность совершения ими преступлений.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости обращения особого внимания при проведении профилактических мероприятий как на сотрудников со значительным стажем службы в УИС, так и на сотрудников, только что поступивших на службу в учреждения и органы УИС. Проведение такой работы на начальных этапах службы, соответственно, положительно скажется на уменьшении доли лиц с большим стажем службы. Приводимый ранее показатель по виду законченного учебного заведения позволяет сделать вывод,

что такая работа должна начинаться уже во время прохождения первоначальной подготовки в территориальных органах ФСИН России. Это подтверждает также необходимость введения в системе учреждений и органов УИС института наставничества.

Данные, приведенные в таблице 49, свидетельствуют о том, что в ранжированном ряду по характеру службы осужденные – бывшие сотрудники УИС – распределены следующим образом: служба режима и надзора – 38,2%; руководство учреждениями и органами, исполняющими наказания, служба в территориальных управлениях ФСИН России – 20,6%; воспитательный аппарат – 19,9%; оперативная служба – 12,2%; служба тыла, производство – 9,1%. Таким образом, распределение в ранжированном ряду позволяет определить службы, которые, прежде всего, нуждаются в профилактике коррупционных преступлений. Довольно значительный вес руководителей, совершающих данные преступления, свидетельствует о наличии неиспользованных возможностей в деле подготовки резерва на должности руководящего состава.

Распределение лиц по видам служб позволяет планировать соответствующую профилактическую работу максимально дифференцированно, с учетом особенностей той или иной службы, ее характера, функций, требований, предъявляемых к ее сотрудникам.

Необходимость совершенствования работы с кадровым резервом подтверждается и данными по наличию специальных знаний у лиц, совершивших коррупционные преступления.

Данные таблицы 50 свидетельствуют о преобладании среди коррупционных преступников лиц, имеющих специальные знания среднего и старшего начальствующего состава – 77,9%. При этом более чем каждый третий представляет вторую категорию сотруд-

Таблица 49

Характеристика осужденных в зависимости от подразделения, в котором они проходили службу

Виды службы	Распределение (%)
Руководство учреждениями	20,6
Режим и надзор	38,2
Оперативная служба	12,2
Воспитательная служба	19,9
Тыл, производство	9,1
Итого	100

Таблица 50

Характеристика осужденных по специальному званию

Категория начальствующего состава	Распределение (в %)
Старший	36,3
Средний	41,8
Младший	22,1
Итого	100,0

ников (36,3%). Соправнение показателей, приведенных в таблицах 49 и 50, свидетельствует о взаимнообусловленности характера службы и категории начальствующего состава. Занятие более высокой должности влечет присвоение более высокого специального звания.

Исходя из представленных данных, можно предположить, что для сотрудников, занимающих должности младшего начальствующего состава, уровень криминогенной активности имеет обратно пропорциональную зависимость от уровня их правовых знаний и практических навыков, обусловленных стажем работы: чем меньше стаж работы у данных сотрудников, тем больше вероятность совершения ими противоправных деяний, и наоборот: лица, имеющие более длительный стаж работы, проявляют меньшую криминогенную активность.

Опыт показывает, что при поступлении на службу в УИС у сотрудника происходит как бы смена потребностей и интересов. В какой-то степени она приводится в соответствие с установившейся системой ценностей в том или ином коллективе сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания. Нормальный ход службы обогащает личность, развивает ее положительные черты и свойства, формирует ответственное отношение к порученному делу. Однако морально-психологический климат в коллективе может служить и серьезным криминогенным фактором, способствующим накоплению у сотрудника негативного опыта отношения к правам и интересам осужденных, в результате чего положительные установки вытесняются негативными.

Изучение социально-демографических данных показывает, что для совершивших преступления коррупционного характера сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, является характерным достаточно зрелый возраст – 35,5 лет, что, в свою очередь, в значительной мере объясняет наличие у них в большинстве случаев семьи (63,2% ее имеют). Характер совершаемых ими пре-

ступлений презюмирует наличие определенного должностного положения, что, в свою очередь, предъявляет требования к образовательному уровню. Этим и объясняется их высокий образовательный уровень: 83,3% имеют образование среднее профессиональное и высшее; у 54,3% респондентов образование высшее, средний уровень образования составляет 11,5 условных классов; большинство сотрудников, совершивших преступление, закончили гражданское высшее учебное заведение и затем прошли обучение в учебных центрах УФСИН. Среди респондентов не оказалось ни одного выпускника вуза ФСИН России. Последнее можно объяснить, во-первых, большой их адаптацией к условиям служебно-профессиональной деятельности в УИС, в силу специальной подготовки; во-вторых, относительной молодостью образовательных учреждений ФСИН России (появились в 1997 г.). Основную долю сотрудников, работающих в УИС, пока еще составляют выпускники образовательных учреждений МВД России (из числа сотрудников, закончивших специальные средние и высшие учебные заведения).

Средний срок службы в УИС составляет 7,9 лет. Преступления совершаются, главным образом, сотрудниками службы режима и надзора, руководящим составом исправительных учреждений, воспитательных аппаратов. Наибольший удельный вес среди преступников занимают лица среднего и старшего начальствующего состава, значительная их доля привлекалась к дисциплинарной ответственности.

*В. Уголовно-правовые характеристики личности
былых сотрудников уголовно-исполнительной системы,
осужденных за коррупционные преступления*

В большинстве случаев наиболее значимые отрицательные качества, характеризующие лиц, в концентрированном виде проявляются через совершаемые ими преступления. Важность характера совершенного преступления определяется тем, что он «дает представление именно о тех чертах личности... существовании которых привело... к совершению преступления» (см.: Характеристика осужденных к лишению свободы: материалы переписи 1999 г., с. 39).

Уголовное законодательство основывается на необходимости учета особенностей личности при назначении ей наказания (ст. 52, 60 УК РФ). По мнению М. Р. Гета, обращение законодателя к требованиям характеристики личности субъекта преступления обуславливается задачами следующего характера: выявление предпосылок

исправления лица, совершившего уголовно наказуемое деяние; установление социальных последствий применения уголовно-правовых мер для преступника и его близких (Гет, 2002, с. 54).

Всякое воздействие, совершенное человеком, в большей или меньшей степени несет на себе отпечаток его личности. Это в особенности мере касается преступления, в котором проявляются многие черты личности виновного, особенно те дефекты, которые привели его к преступлению и с которыми в первую очередь нужно бороться. В этом плане преступления, совершаемые сотрудниками УИС, обладают такой специфической чертой – посягательство как минимум на два объекта. Совершая преступления, сотрудник УИС нарушает нормальную деятельность органов правосудия и личную неприкосновенность граждан. «Поскольку работники правоохранительной системы наделены властными полномочиями, каких не имеют многие должностные лица, то преступность их не только специфична, но и во многих случаях более болезненно отывается на функционировании государственного и общественного организма, правах и свободах личности» (Карпец, 1992, с. 364–365).

Общественная опасность преступлений, совершаемых сотрудниками учреждений и органов, исполняющих наказания, повышается еще и за счет того, что потерпевшие от них защищены в меньшей степени.

В целом осуществление комплекса предупредительно-профилактических мероприятий, проводимых в отношении сотрудников УИС, должно обязательно строиться с учетом характера преступлений, имеющих место быть в современных условиях существования уголовно-исправительной системы.

Преступления сотрудников УИС, приведенные в таблице 51, расположились в следующем порядке: получение взятки (ст. 209 УК РФ) – 44,3%; злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285) – 26,3%; превышение должностных полномочий (ст. 286) – 20,4%; присвоение или растрата (ст. 160) – 3,7%; вымогательство (163 УК РФ) – 2,9%. Анализ данных преступлений показывает следующее.

При получении взятки (ст. 290 УК РФ) наибольшую долю составляют деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 290 УК РФ: получение ее должностным лицом за незаконные действия (бездействие) – 57,4%; далее – получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия

Таблица 51
Характер совершенного преступления

Состав преступления (ст. УК РФ)	Распреде-ление (в %)
Присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ)	3,7
Вымогательство (ст. 163 УК РФ)	2,9
Использование должностным лицом своих служебных полномо-чий вопреки интересам службы, если это деяние соверше-но из корыстной или иной личной заинтересованности и по-влекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интере-сов общества или государства (ч. 1 ст. 285 УК РФ)	26,3
Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 285 УК РФ, повлекшие тяжкие последствия (ч. 3 ст. 285 УК РФ)	
Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нару-шение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государст-ва (ч. 1 ст. 286 УК РФ)	20,4
Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 286 УК РФ, совершенные: с применением насилия или с угрозой его применения; с причинением тяжких последствий (ч. 3 ст. 286 УК РФ)	
Получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или вы-год имущественного характера за действия (бездействие) в пользу вышестоящего или представляемого им лиц, если та-кие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе (ч. 1 ст. 290 УК РФ); получение должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие) – ч. 2 ст. 290 УК РФ; деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 290 УК РФ, совершенные с вымогательством взятки, совершенные в крупном размере (ч. 4 ст. 290 УК)	44,5
Служебный подлог (ст. 292 УК РФ)	

(бездействие) входит в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительст-во или попустительство по службе (ч. 1 ст. 290 УК РФ) – 39,3%; дея-ния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 290 УК РФ, совершенные с вымога-тельностью взятки (п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ), занимают третье место и составляют 3,4%.

При злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) преобладают деяния в форме использования должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекли существенные нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ч. 1 ст. 285 УК РФ) – 96,9%. Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 285 УК РФ, повлекшие тяжкие последствия (ч. 3 ст. 285 УК РФ), составляют 3,1%.

В деяниях, предусмотренных ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), наибольший удельный вес приходится на совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ч. 1 ст. 286 УК РФ) – 78,6%; удельный вес деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ, совершаемых с применением насилия или с угрозой его применения, с причинением тяжких последствий (соответственно п. «а» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), составляет 21,4%.

Следует заметить, что часть коррупционных преступлений совершаются в совокупности с другими преступлениями. Среди них: нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) – 9,5%; мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 19,1% и разбой (ст. 162 УК РФ) – 19,1%; незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ) – 47,6%; склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК РФ) – 4,7%. В целом доля преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков преобладает и составляет 52,3% от числа всех преступлений, совершаемых в совокупности с коррупционными преступлениями¹.

1. В порядке иллюстрации можно привести несколько примеров. Так, по приговору Выхваткинского районного суда г. Москвы был осужден младший инспектор СИЗО Л. за преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 228, п. «б» ч. 1 ст. 285 УК РФ. Л. совершил покушение на сбыт наркотических средств в крупном размере, с использованием своего служебного положения, а также совершил злоупотребление должностными полномочиями, т.е. использовал их вопреки интересам службы, из корыстной или иной заинтересованности. Являясь младшим инспектором дежурной службы следственного изолятора, он приобрел у неустановленного лица наркотические средства – героин,

Должностных лиц учреждений и органов, исполняющих наказания, по последствиям совершенного деяния можно разделить на две группы: лица, совершившие деяния, содержащие формальный состав преступления (получение взятки – ст. 290 УК РФ, дача взятки – ст. 291 УК РФ, служебный подлог – 292 УК РФ); лица, совершившие деяния, повлекшие наступление материальных последствий (злоупотребление должностными полномочиями) – ст. 285 УК РФ, превышение должностных полномочий – ст. 286 УК РФ).

Преступление, совершенное в соучастии, является наиболее общественно опасным. Это обусловливается тем, что такие преступления приводят к наиболее тяжким последствиям. Поэтому и лица, совершившие их, представляют наибольшую опасность. Данные преступления не только легче скрыть и труднее раскрывать, но тяжесть их последствий увеличивается: наряду с последствиями уголовно-правового характера они еще в большей степени подрывают авторитет учреждений и органов, исполняющих наказания, УИС в целом.

Таблица 52
Мера соучастия в преступлении

Виды соучастия	Распределение (в %)	
Совершено одним лицом	39,7	100
В соучастии	60,3	
Организатор	16,7	100
Подстрекатель	–	
Поспособник	33,3	
Исполнитель	50,0	

и метадон, которые незаконно хранил при себе. При личном досмотре у него были обнаружены три свертка, в двух из которых содержалось наркотическое средство-героин (диацилморфин) в количестве 1,400 г, а также его основные сопутствующие компоненты: моноацетиламорфин в количестве 0,236 г и ацетилакродин в количестве 0,157 г; в третьей свертке содержалось наркотическое средство метадон в количестве 0,202 г. Данные наркотические средства преступник намеревался передать осужденному П. за денежное вознаграждение в размере 4500 руб., которое он должен был получить от П., но не довел свой преступный умысел до конца по независящим от него причинам, так как его действия были своевременно пресечены сотрудниками оперативного отдела СИЗО (он был задержан с указанными наркотическими средствами при попытке пройти на территорию следственного изолятора).

Данные, иллюстрируемые в таблице 52, свидетельствуют, что основная доля коррупционных преступлений в учреждениях УИС совершается в соучастии – 60,3%. При этом в 50,0% случаев сотрудники выступали в роли исполнителя, в 33,3% – пособника, в 16,7% – организатора.

По форме соучастия осужденные в ранжированном ряду распределялись в следующем порядке: группа лиц и группа лиц по предварительному сговору – по 46,2% каждая; организованная группа – 7,6% (таблица 53).

Таблица 53
Форма соучастия в преступлении

Форма соучастия	Распределение (%)	
Не было соучастия	48,0	100
Соучастие	52,0	
Группа лиц	46,2	100
Группа лиц по предварительному сговору	46,2	
Организованная группа	7,6	

Как видно из показателей, приведенных в таблице 54, единой целью совершения коррупционных преступлений является получение тех или иных материальных благ: денег – 20,0%; услуг материального характера (денежные подарки) для себя или третьих лиц – 26,7%. На наличие иных целей указали 46,6% респондентов. Ими, как правило, являлись: оказание услуг по ведению домашнего хозяйства, проведение строительных работ на частных объектах, принадлежавших сотрудникам УИС.

По параметру «Наличие судимости» были получены следующие данные. Среди сотрудников УИС, совершивших коррупционные преступления, в выборке не оказалось ни одного лица, имеющего две и более судимости: все были осуждены впервые. Данный факт объясняется тем, что лица, имеющие и имевшие судимость, на службу в правоохранительные органы не принимаются. Следует заметить, что и в целом из числа всех лиц, осужденных за коррупционные преступления, доля лиц, ранее привлекаемых к уголовной ответственности, незначительна и составляет 7% (Пончаренко, 2009, с. 55).

Наказание является одним из важнейших уголовно-правовых средств борьбы с преступлениями. В ст. 60 УК РФ говорится, что «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назнача-

Таблица 54
Цель совершения преступления

Цель совершения преступления	Распределение (в %)
Получение денег	20,9
Получения ценностей	–
Получение иного имущества	–
Получение услуг имущественного характера	16,7
Предоставление такой выгоды осужденному другими физическими лицами	6,7
Ника	46,6

ется справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей особенной части настоящего Кодекса» «Угроза применения репрессивных мер удерживает потенциального правонарушителя от совершения преступления» (Прохоров, Тащилин, 1999, с. 38).

Основным уголовно-правовым критерием характера и степени общественной опасности личности преступника является совершенное им преступное деяние. В зависимости от тех или иных обстоятельств дела оценка общественной опасности совершенного преступления и личности виновного конкретизируется в приговоре суда. В этом плане назначенное судом наказание представляет собой официальную оценку общественной опасности личности виновного.

Показатели, приведенные в таблице 55, позволяют сделать вывод о том, что среди видов наказаний, назначаемых бывшим сотрудникам УИС за коррупционные преступления, преобладает лишение свободы – 94%. При этом к 38,8% лиц оно назначается условно. Вторым наказанием в ранжированном ряду, назначаемым в качестве основного наказания, является штраф – 6%. В качестве дополнительного наказания назначалось лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 38,8%.

В отношении лиц, осужденных условно, средний испытательный срок равен 2 годам, в отношении осужденных к реальному сроку лишения свободы он составляет 4,9 лет.

При сопоставлении наказаний, назначаемых сотрудникам УИС и другим категориям осужденных за совершение коррупционных преступлений, выявились следующие особенности: среди первых доля осужденных к лишению свободы условно более чем в 1,3 раза меньше по сравнению со всеми другими категориями осужденных;

Таблица 55
Характер наказания

№ п/п	Назначенное наказание	Категория осужденных (в %)	
		Бывшие сотрудники УИС	Все осужденные
1	Условное осуждение в лишение свободы, в т.ч. на срок:	18,8	63,4
	от 1 года до 2 лет	64,2	100
	от 2 до 3 лет	26,3	
	свыше 3 лет	9,5	
2	Лишение свободы:	53,2	25,5
	до 1 года	6,2	100
	св. 1 года до 3 лет	21,9	
	от 3 до 5 лет	34,4	
	от 5 до 8 лет	12,5	
	от 8 до 10 лет	9,4	
	свыше 10 лет	15,6	
3	Штраф	6,0	2,2
4	Дополнительное наказание: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	18,8	8,0
5	Иные дополнительные наказания	0,0	0,5
6	Не назначались	55,2	97,3

среди первых удельный вес осужденных в лишению свободы более чем в 2 раза выше. Судебная практика ничтожна в отношении назначения дополнительных наказаний лицам, не являвшимся сотрудниками УИС, и достаточно активна по отношению к последним. Изложенное позволяет сделать вывод, что судебная практика при назначении наказания более жестка в отношении сотрудников УИС и сравнительно либеральна в отношении иных лиц.

На наш взгляд, особенный интерес представляет практика возбуждения уголовных дел по получению взяток. Проведенный нами анализ позволяет прийти к заключению: 1) в абсолютном большинстве случаев суммы взяток имеют достаточно незначительный размер (до 10 тыс. руб. – 75,5%, до 20 тыс. руб. – 83,7%); 2) при на-

значении наказания размер взятки практически не имеет значения. Так, из числа лиц, осужденных за получение взятки на сумму до 10 тыс. руб., 56,3% осужденных к лишению свободы условно и 43,7% осуждены к реальному лишению свободы. Доля таких лиц, осужденных за получение взятки на сумму более 10 тыс. руб., составляет соответственно 60% и 40%. В этом контексте интересен факт назначения судами наказаний за данное преступление в виде реального лишения свободы за получение взятки в сумме одной тысячи рублей и условное лишение свободы при получении взятки на сумму более 20 тыс. руб. Так, например, в декабре 2008 г. за получение взятки в сумме 5 тыс. руб., за подготовку документов по изменению режима содержания осужденного О. и дальнейшее ходатайство перед судом об изменении режима его содержания, был осужден начальник отдела исправительной колонии ГУФСИН России по Приморскому краю к лишению свободы сроком два года шесть месяцев с лишением права занимать любые должности в системе правоохранительных органов сроком на три года. В то же время в апреле 2008 г. за получение взятки в размере 40 тыс. руб., за обещание содействия в условно-досрочном освобождении осужденного К., был условно осужден к лишению свободы с испытательным сроком на 3 года с лишением права занимать должности в государственных органах на 3 года сотрудник уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области И.

Таким образом, можно сделать вывод, что при назначении наказания за коррупционные преступления сотрудникам учреждений и органов, исполняющих наказания, суд оценивает личность осужденного, ее черты влияют на уровень судебной репрессии, характер и вид наказания. Материалы судебных приговоров по делам указанного характера не позволяют установить мотивы принятия таких решений, хотя о необходимости указывать в приговоре суда, наряду со сведениями, характеризующими личность подсудимого, мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Тот факт, что основным наказанием, назначаемым за коррупционные преступления, является лишение свободы, объясняется в том числе наличием в санкциях приводимых статей УК РФ главным образом только этого вида наказания. Хотя они содержат и иные наказания (ограничение свободы – ч. 1 ст. 163 УК РФ; арест – ч. 1 ст. 285 УК РФ; ч. 1 ст. 286 УК РФ; обязательные работы – ч. 1 ст. 291

УК РФ). Однако в одних случаях некоторые из них в настоящее время еще не применяются (арест), в других – практика их назначения велика (обязательные работы, ограничение свободы).

Учитывая распространенность практики применения условного осуждения к лицам, совершающим коррупционные преступления, нельзя не заметить, что нынешняя его законодательная формулировка отличается от трактовки условного осуждения в Модельном Уголовном кодексе СНГ. Согласно ч. 2 ст. 73 указанного Кодекса, к лицу, совершившему тяжкое или особо тяжкое преступление, условное неприменение наказания не допускается. В данном контексте российское законодательство принципиально отличается от уголовного законодательства развитых стран Европейского Союза (см. подробнее: Скоблев, 2008, с. 66–67).

Из изложенного вытекает вывод о необходимости совершенствования уголовного законодательства в отношении условного осуждения. При среднем сроке лишения свободы за такие преступления 4,9 лет возможность быть осужденным условно при назначении наказания в виде лишения свободы на срок до 8 лет (ч. 1 ст. 73 УК РФ) вряд ли является сдерживающим фактором при совершении преступлений коррупционного характера.

Изучение уголовно-правовых признаков сотрудников УИС, совершивших преступление коррупционного характера, позволяет сделать вывод, что для них характерным является: получение взятки за незаконные действия (бездействие) – ч. 2 ст. 290 УК РФ; получение взятки за действия (бездействие), если они входили в служебные полномочия сотрудника УИС либо сотрудник в силу должностного положения способствовал таким действиям (бездействию), а равно покровительствовал или допускал попустительство по службе (ч. 1 ст. 290 УК РФ); использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы (ч. 1 ст. 285 УК РФ); совершение действий, явно выходящих за пределы служебных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). В большинстве случаев преступления совершаются в соучастии (60,3%). Целью совершения преступления является получение материальной выгоды в различных формах: получение денег, ценностей и иного имущества, услуг имущественного характера, предоставление определенной выгоды другим физическими лицами. Среди видов назначаемых наказаний преобладает лишение свободы, которое к 38,8% лицам назначается условно; к 38,8% осужденных в качестве дополнительного назначается наказание в виде лишения

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; средний срок назначенного реального лишения свободы составляет 4,9 лет.

*Условно-исполнительные особенности сотрудников УИС,
осужденных за коррупционные преступления*

Смена социально-ролевого статуса человека в связи с отбыванием им уголовного наказания в конкретном пенитенциарном учреждении, необходимость подвергаться системе ограничений оказывают большое влияние на физиологический, психологический, социальный уровни его личностной организации. В настоящее время в УИС значение уделяется не только репрессивной функции, но и ресоциализирующей, направленной на восстановление, исправление личности. «В связи с этим нужны различные программы, как мобилизующие, так и релаксирующие: педагогический, социально-психологический тренинг, ролевые игры, социодрамы и психодрамы» (Камак, Ушагинев, 1998, с. 18).

Известно, что основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие. Соответственно, лица, отбывающие наказание, характеризуются в зависимости от их отношения к указанным основным средствам исправления.

Трудно переоценить важность показателей (признаков), характеризующих режим отбываемого наказания осужденными. В значительной степени они дают возможность проанализировать их поведение после освобождения, что, в свою очередь, позволяет выбрать более оптимальный набор средств предупреждения рецидива преступления со стороны конкретного лица.

Данные, приводимые в таблице 56, показывают, что из числа бывших сотрудников УИС лица, осужденные за коррупционные преступления, в основном ведут себя положительно (73,4%); 21,5% характеризуются нейтрально; 1,3% – отрицательно; в отношении 21,5% осужденных на момент исследования нельзя было сделать выводов.

Одним из значимых показателей социальной позиции в условиях отбывания наказания является отношение осужденного к воспитательным мероприятиям. Уже в первом курсе тюремного заключения, разработанном профессором И.Я. Фейншпином (1871 г.), нашли отражение вопросы обращения с преступниками, касающиеся пре-

Таблица 56
Характер поведения осужденного

Поведение осужденного	Распределение (в %)
Положительное	73,4
Отрицательное	3,8
Нейтральное	21,5
Невозьмать с собой выводов	1,3

жде всего нравственно-религиозных средств и методов воздействия на них (Фойницкий, 1889, с. 59–61).

Воспитательная работа, являясь одним из основных средств исправления осужденных, призвана формировать у них уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Она направлена также на повышение их образовательного и культурного уровня. Участие осужденных в воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени их исправления и при применении к ним мер поощрения и наказания.

Знание личностных особенностей осужденных как никогда важно именно в воспитательной работе. Статья 109 УИК РФ определяет, что воспитательная работа проводится с учетом индивидуальных особенностей личности, характера осужденного и обстоятельств совершенных им преступлений. Распорядком дня исправительного учреждения также предусматриваются воспитательные мероприятия, участие в которых обязательны для осужденных.

Исходя из данных, приведенных в таблице 57, можно сделать вывод, что изучаемая категория осужденных по отношению к воспитательным мероприятиям характеризуется положительно: 48,7% из них принимают активное участие, 41,0% участвуют, но актив-

Таблица 57
Участие в воспитательных мероприятиях

Участие в мероприятиях воспитательного характера	Распределение (в %)
Активно участвует	48,7
Участвует, но активности не проявляет	41,0
Не участвует	10,3

ности не проявляют. Удельный вес лиц, не принимающих участия в указанных мероприятиях, составляет 10,3%.

Участие осужденных в данных мероприятиях позволяет донести до сознания каждого из них степень его вины и справедливость наказания. Отношение к наказанию характеризует: социальную позицию осужденного и меру его субъективной ответственности перед обществом; понимание осужденным социальной сущности наказания; раскаяние в содеянном; осознание необходимости отбыть наказание и исправиться, в конечном счете справедливость наказания. «Психологическое отношение осужденных к наказанию настолько важно для организации исправительного воздействия, что его следует рассматривать в качестве одного из основных критериев исправления» (Антонов, Кошкинщина, 2009, с. 98).

При анализе показателей, изложенных в таблице 58, нельзя не обратить внимания на то, что большинство опрошенных респондентов (70,3%) считают, что наказание им назначено несправедливо, и только 29,7% считают иначе. Данное отношение характерно для всех категорий преступников-коррупционеров, а не только для бывших сотрудников УИС. Последнее позволяет сделать вывод о наличии резервов в деле использования воспитательной работы как одного из основных средств исправления осужденных.

Таблица 58
Отношение к наказанию

Отношение к назначенному наказанию	Распределение (в %)
Наказание назначено справедливо	29,7
Наказание назначено несправедливо, так как преступления не совершал	52,7
Наказание назначено несправедливо: оно слишком сурово	17,6

Участие осужденных в работе самодеятельных организаций является одним из важных показателей их исправления. Здесь следует согласиться с мнением А. С. Михлина, который писал, что «как бы отрицательно ни характеризовали этот факт отдельные авторы (как приспособленчество, так аморальное явление и т. п.), объективно-длительное участие осужденных в работе самодеятельных организаций не только стабилизирует правопорядок в учреждении, но и положительно влияет на их сознание, а в конечном итоге и на поведение как внутри учреждения, так и после освобо-

дения» (Характеристика осужденных к лишению свободы..., 1999, с. 183).

Показатели, приведенные в таблице 59, позволяют прийти к выводу: несмотря на то, что большинство осужденных участвуют в работе самостоятельных организаций (82,6%), 17,4% не участвуют вообще. Здесь также имеется значительный резерв в деле усиления исправительного воздействия на осужденных.

Таблица 59

Участие в самостоятельных организациях

Участие в работе самостоятельных организаций	Распределение (в %)
Активно участвует	46,3
Участвует, но активности не проявляет	36,3
Не участвует	17,4

Высокая значимость критерия отношения к труду обуславливается важностью труда при социальной реабилитации лиц, отбывающих наказание, и для их жизни после освобождения. Нельзя не согласиться и с тем, что труд способствует сохранению психического равновесия осужденных в условиях лишения свободы. «Скорее можно говорить о том, что трудовая деятельность, предотвращая пагубное влияние безделья, в какой-то степени компенсирует тяготы изоляции, сохраняя тем самым физическое и психическое здоровье граждан» (Шамсуниса, 2005, с. 7).

Заслуживает внимания позиция Н. Н. Илюшина, который отмечает, что невыполнение заданий не всегда означает недобросовестное отношение к труду. Подчас осужденный стремится всеми силами хорошо работать, но задание выполнить не может в силу различных причин (слабое здоровье, замедленно протекающие психические процессы, нет нужных трудовых навыков и привычек, необеспеченность материалами, сырьем и др.) (Илюшин, 1998, с. 17).

Как видно из данных таблицы 60, абсолютное большинство осужденных к труду относится добросовестно (89,9%). Доля лиц, относящихся к труду недобросовестно или отказывающихся от него, равна 10,1%. Учитывая, что общественно полезный труд занимает важное место в числе основных средств исправления осужденных, это направление работы администрации учреждений, исполняющих наказание, в отношении бывших сотрудников правоохранительных органов, нуждается в совершенствовании.

Таблица 60
Характеристика отношения к труду

Характер отношения осужденного к труду	Распределение (в %)
К труду относится добросовестно	89,9
К труду относится недобросовестно	6,3
От работы отказывается	3,8

Еще одним важным критерием является отношение к учебе. Исследования многих авторов показывают, что образовательный уровень служит существенной характеристикой личности вообще и изучаемой категории осужденных в частности. Высокий образовательный уровень проявляется как антикриминогенный фактор. Чем выше образование человека, тем менее вероятно совершение им преступления. До сих пор не потеряли актуальности следующие слова: «Задаваясь целью исправить преступника, было бы непростительно игнорировать заботу о его просвещении... к вышедшей тюрьмы может быть предъявлено справедливое требование, чтобы, путем хотя бы элементарного обучения образовательным предметам, она сообщала заключенным правильные идеи о Боге и его заповедях, а также и о человеческом общении, расширяя их узкий кругозор до обыкновенной гражданской нормы» (Лучинский, 1904, с. 174–179).

Отношение осужденных изучаемой категории к получению общего образования не является характерным в силу того, что все они имеют общее среднее образование, а некоторые – и более высокие уровни.

Подведем итоги. Данные таблицы 61 свидетельствуют, что в целом по совокупности признаков, характеризующих отношение осужденных к основным средствам исправления, осужденные за коррупционные преступления сотрудники УИС характеризуются в большинстве своем положительно (73,8%). Среди них нет злостных нарушителей режима отбывания наказания. 17,5% характеризуются нейтрально, но 8,7% респондентов характеризуется отрицательно.

Таким образом, наиболее характерными уголовно-исполнительскими признаками изучаемой категории лиц являются: положительное в своей основе поведение (73,4%); участие в воспитательных мероприятиях (73,4%); активное участие в работе общественных организаций (82,6%); добросовестные отношения к труду (89,9%); наличие достаточно высокого уровня образовательной и профессиональной подготовки; отрицательное отношение к назначенно-

Таблица 61
Общая характеристика
уголовно-исполнительных особенностей обследуемых

Общая характеристика	Распределение (в %)
Положительная	73,8
Нейтральная	17,5
Отрицательная	8,7
Злостный нарушитель режима	0,0

му наказанию (70,3%) в силу того, что, по их мнению, в совершенных ими деяниях нет состава преступления (52,7%) или наказание слишком сурово (17,6%).

Криминалистические (психологические) особенности сотрудников УИС, осужденных за коррупционные преступления

Как видно из данных таблицы 62, абсолютное большинство коррупционных преступлений совершается в исправительных колониях – 81,6%. Второе место в ранжированном ряду занимают уголовно-исполнительные инспекции – 8,8%, третьи – следственные изоляторы и тюрьмы (7,9%), четвертое – лечебные исправительные учреждения (1,7%).

Такое распределение учреждений и органов, исполняющих наказания, в ранжированном ряду свидетельствует не о степени пораженности того или иного вида учреждения, а об их количестве и числе сотрудников, работающих в них службу. По состоянию на 1 января 2013 г. в число учреждений УИС входят 739 исправительных колоний, 130 колоний-поселений, 5 для исправительных

Таблица 62
Виды исправительных учреждений,
в которых осужденные совершили коррупционные преступления

Вид исправительного учреждения	Распределение (в %)
Исправительная колония	81,6
Следственный изолятор, тюрьма	7,9
Лечебное исправительное учреждение	1,7
Уголовно-исполнительная инспекция	8,8

колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, 230 следственных изоляторов (и 165 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов), 7 тюрем и 46 воспитательных колоний.

Вместе с тем распределение указанных учреждений и органов позволяет определять приоритеты по объектам (видам исправительных учреждений) профилактики преступлений коррупционного характера. Приведенные данные дают возможность более глубоко изучать особенности коррупционных преступлений с учетом специфики деятельности тех или иных учреждений, исполняющих наказания, что, в свою очередь, обуславливает выработку мер более эффективного противодействия указанным деяниям.

В основе поведения, в том числе, преступного, любого человека лежит какая-то причина. Знание мотивов совершения преступления необходимо, прежде всего, с точки зрения предупреждения преступлений. В мотивации преступного поведения наибольшее значение отводится, как правило, потребностям. Последние выступают в качестве основы мотивации поведения и отражают его зависимость от внешнего мира, нужду человека в чем-либо.

Рассмотрим побудительные мотивы, лежащие в основе преступного поведения сотрудников УИС.

Показатели, изложенные в таблице 63, свидетельствуют, что корысть не является основным мотивом совершения коррупционных преступлений при исполнении наказаний. Большинство респондентов (55,5%) указали на иные мотивы совершения коррупционного преступления. Вместе с тем сопоставление данных позволяет сделать вывод, что за иными мотивами и иной личной заинтересованностью кроются корыстные по сути своей мотивы, которые реализуются в целях совершения преступления (получение денег, услуг имущественного характера и т.д.).

Изучение мнения сотрудников УИС, опрошенных в качестве экспертов, показало, что преобладающей мотивацией при совершении

Таблица 63
Мотивы преступления

Мотив совершения преступления	Распределение (в %)
Корысть	27,8
Иная личная заинтересованность	36,7
Иные мотивы	55,5

коррупционных преступлений их коллегами является стремление повысить свой материальный уровень жизни (48,1%), желание удовлетворить самые насущные потребности (29%), стремление жить на широкую ногу и накопительство (25%).

Более того, для улучшения деятельности учреждений и органов УИС опрошенные сотрудники предпочтению отдали улучшению материального положения и увеличению зарплаты (82% опрошенных), что подтверждает высокую степень актуализации в сознании сотрудников реальной потребности в повышении материального уровня жизни. В этой связи вызывают интерес мотивы преступного поведения опрошенных осужденных, которые определяют систему ценностных, жизненных ориентаций. По результатам исследования следует, что большинство (78,8%) основной целью своей деятельности видели достижение высокого материального положения (приобретение престижной квартиры, дома, автомашины). Лишь незначительная часть опрошенных (11,9%) назвали своей целью повышение профессионального и духовного уровня, завоевание авторитета среди коллег, друзей и знакомых. При этом следует иметь в виду, что «поведение человека в целом направляется не одним каким-то, а рядом мотивов... среди них можно выделить ведущие, которые стимулируют поведение, придают ему субъективный, личностный смысл. Вместе с тем изучение коррупционных преступлений убеждает в том, что одновременно и параллельно могут действовать два и больше мотивов», – пишет Ю. М. Антоян (Антоян, 2011, с. 208).

Как видно из таблицы 64, по своей силе среди мотивов преобладают сильные – 61,1% (слабые составляют 38,9%), по социальной направленности преобладают низшие (биологические) мотивы – 83,3%, высшие, социальные составляют 16,7%.

В деле профилактики преступлений важное значение имеет предупредительное поведение лица, его характер. Знание данного признака

Таблица 64
Интенсивность мотивов преступления

Мотивы	Распределение (в %)
Сильные	61,1
Слабые	38,9
Низшие (биологические)	83,3
Высшие (социальные)	16,7

позволяет своевременно принять меры по недопущению превращения данного поведения в преступное.

Из данных таблицы 65 следует, что наиболее значительную долю правонарушений из числа неслужебных связей, допущенных сотрудниками УИС при исполнении наказаний, составляет передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС (48%). Второе место в ранжированном ряду занимает незаконное предоставление льгот (незаконное предоставление условно-досрочного освобождения; незаконное предоставление свиданий; перевод в колонию-поселение и др.).

Таблица 65
Виды предпреступного поведения

Характер правонарушения	Распределение (в %)
Передача запрещенных предметов	48,9
Предоставление незаконных льгот	31,5
Самообеспечение побегом	9,5

Данные, приведенные в таблице 66, свидетельствуют о том, что количество выявленных неслужебных связей сотрудников УИС с осужденными, несмотря на динамику их ужесточения, остается значительным. По видам исправительных учреждений эти связи в ранжированном ряду распределяются следующим образом: исправительная колония (69,2%), следственный изолятор (16,3%), лечебное исправительное учреждение (6,0%), колония-поселение

Таблица 66

Наличие неслужебных связей с осужденными у сотрудников УИС

Год	Вид ИУ (распределение в %)							
	ИК	БК	Тюрьма	СИЗО	КП	ЛИУ	ЛПФ	Иные
2003	67,4	1,7	0,8	18,1	4,4	3,8	1,7	0,9
2006	69,9	2,4	0,3	14,1	3,7	7,6	1,7	0,3
2007	67,3	2,4	0,8	17,4	4,8	3,9	0,9	0,3
2008	68,5	1,8	0,2	16,9	4,3	6,7	1,5	0,1
2009	69,6	1,1	0,9	16,6	3,6	6,2	1,6	0,4
2010	72,0	1,8	0,5	14,4	5,3	3,5	2,1	0,2
Среднее	69,2	1,8	0,6	16,3	4,4	6,0	1,6	0,1

(4,4%), воспитательная колония (1,8%), лечебно-профилактическое учреждение (1,6%), тюрьма (0,6%). Анализ динамики данных связей по видам исправительных учреждений показывает, что, начиная с 2008 г. наметился ежегодный рост удельного веса неслужебных связей в исправительных колониях: в 2008, 2009, 2010 гг. он составил соответственно – 68,5%, 69,6%, 72,0%. По остальным видам учреждений данный показатель достаточно стабилен, нет сколько-либо значимой тенденции к сокращению удельного веса указанных связей.

Из данных таблицы 67 видно, что имеет место отрицательная динамика в проносе наркотических средств в исправительные колонии (67,5% в 2007 г. и 72,0% в 2010 г.). Положительная динамика в приводимом показателе наметилась в следственных изоляторах (17,4% в 2007 г. и 14,4% в 2010 г.) и лечебных исправительных учреждениях (6,7% в 2008 г. и 3,5% в 2010 г.). В ранжированном ряду исправительные учреждения расположились в следующем порядке: исправительные колонии, следственные изоляторы, лечебные исправительные учреждения, колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебно-профилактические учреждения.

Динамика проносов спиртных напитков (см. таблицу 68) отличается стабильностью. В ранжированном ряду, также как и при проносе наркотических средств, лидирующие позиции занимают исправительные колонии и следственные изоляторы. В дальнейшем ранжированный ряд видов исправительных учреждений при проносе спиртных напитков и проносе наркотических средств имеет отличия. Если в первом случае третье место занимают колонии-поселения, то во втором случае – лечебные исправительные учреждения; четвертое место, соответственно, лечебные исправительные

Таблица 67
Доставка наркотических средств

Год	Вид ИУ (распределение в %)							
	ИК	ВК	Тюрьма	СИЗО	КП	ЛПУ	ЛПФ	Иные
2007	67,5	2,4	0,8	17,4	4,8	3,9	0,9	0,3
2008	68,4	1,8	0,2	16,9	4,3	6,7	1,6	0,1
2009	69,6	1,1	0,9	16,6	3,6	6,2	1,6	0,4
2010	72,0	1,8	0,5	14,4	5,3	3,5	2,1	0,2
Среднее	69,4	1,8	0,6	16,3	4,5	5,6	1,6	0,2

Таблица 68
Доставка спиртных напитков

Год	Вид НУ (распределение в %)								Итого
	НК	БК	Тюрьма	СИЗО	КП	ЛПУ	ЛПУ	Иные	
2007	76,9	–	1,3	13,6	4,3	3,4	–	1,5	100 (147)
2008	70,9	2,9	–	12,6	10,7	2,9	–	–	100 (103)
2009	70,6	2,4	2,4	10,6	3,3	4,7	3,8	–	100 (83)
2010	78,5	–	1,3	12,7	–	3,8	2,5	1,2	100 (79)
Среднее	74,2	1,3	1,7	12,9	3,9	3,7	2,1	0,7	100

учреждения и колонии-поселения, ялтое – лечебно-профилактические учреждения и воспитательные колонии, шестое – тюрьмы и лечебно-профилактические учреждения.

В обоих случаях за последние годы прослеживается снижение количества совершенных деяний, связанных как с провозом наркотических средств, так и спиртных напитков.

Характеризуя предоставление незаконных льгот (см. таблицу 69), следует отметить динамику снижения данного правонарушения. По видам исправительных учреждений ранжированный ряд его выглядит следующим образом: исправительные колонии, следственные изоляторы, лечебные исправительные учреждения, колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебно-профилактические учреждения, тюрьмы.

Из числа различного рода правонарушений, связанных с предоставлением незаконных льгот, наиболее значительная доля приходится на представление к условно-досрочному освобождению, пре-

Таблица 69
Предоставление незаконных льгот

Год	Вид НУ (распределение в %)							
	НК	БК	Тюрьма	СИЗО	КП	ЛПУ	ЛПУ	Иные
2007	60,7	3,1	–	25,0	3,5	6,1	1,4	0,2
2008	63,8	1,6	0,4	20,4	2,9	8,2	2,4	1,2
2009	65,3	0,7	0,9	19,3	5,6	6,4	1,3	0,5
2010	66,8	2,1	0,6	17,4	7,4	3,2	2,6	–
Среднее	64,2	1,9	0,5	20,5	4,9	6,0	1,9	0,1

доставление свиданий, перевод в колонию-поселение. В выборке оказались и лица, осужденные за соучастие в побеге¹.

Самые разнообразные правонарушения вошли в категорию «предоставление других льгот осужденным» – 30,4%. Среди них: перевод на бесконвойное передвижение, изменение условий отбывания наказания, оказание осужденными частных услуг администрации исправительного учреждения (выполнение строительных и т.п. работ) и т.д.²

- 1 В качестве примеров, характеризующих различные виды предоставления незаконных льгот, рассмотрим случай, когда начальником отряда Р. (УФСИН России по Ярославской обл.) были получены денежные средства в размере 10 тыс. руб. от гражданина Ф. за сокрытие информации при оформлении характеризующих документов на осужденного Ф., которые необходимы для рассмотрения ходатайства о условно-досрочном освобождении. Еще один случай: начальник отряда С. (УФСИН России по Пензенской области), находясь на территории исправительной колонии, в ходе разговора с осужденным Б. сбил последний к перечислению на его счет денежных средств в размере 3 тыс. руб. за положительное решение вопроса о предоставлении длительного свидания, после чего незаконно получил в отделении Сбербанка указанную сумму. Примером такой случай: бывший сотрудник ФБУ НК-3 УФСИН по Рязанской области был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 290 УК РФ. Установлено, что, будучи начальником отдела по воспитательной работе с осужденными исправительной колонии, расположенной в селе Клеюшки Скопинского района, сотрудник пытался получить от жителей города Москвы взятку в размере 20 тыс. руб. за организацию свидания с ее жителями, отбывающим наказание в колонии, и получение им дополнительной продовольственной передатки. И последний пример. Заместителем начальника оперативного управления Б. (УФСИН России по Ивановской области) были получены денежные средства в размере 1500 долларов США от гражданина Е. за содействие в переводе его матери, осужденной Е., отбывающей наказание в исправительной колонии, в колонию-поселение с последующим условно-досрочным освобождением.

- 2 Так, сотрудниками УФСИН по г. Москве при получении денежных средств в размере 10 тыс. руб. от условно осужденного К. за фактическое оформление явки на регистрацию был задержан инспектор уголовно-исполнительной инспекции З. В другом случае начальник хирургического отделения областной больницы УФСИН России по Ульяновской области И. получил взятку в сумме 14 тыс. руб. от гражданина С. за оставление на лечение в областной больнице осужденного А. В Орловской области при получении взятки в сумме 4 тыс. руб. за оказание услуги по переводу осужденного на другое рабочее место был задержан мастер трудовой

Воишькие случаи коррупционных взаимоотношений между сотрудниками УИС и лицами, содержащимися в СИЗО, были вскрыты в Карачаево-Черкесской Республике.

Служебной проверкой было установлено, что руководством СИЗО не были приняты должные меры по надежной изоляции находящихся в нем участников религиозно-экстремистского сообщества (ваххабитов). Указанные лица имели возможность оказывать давление на потерпевших и свидетелей, проходящих по их уголовному делу, используя для этих целей находящиеся у них средства мобильной связи. Начальник СИЗО не выполнил требования указаний ФСИН России по противодействию лидерам уголовно-преступной среды. Администрацией СИЗО с его личного попустительства и ведома были созданы льготные условия содержания обвиняемому Б., являющемуся неформальным лидером уголовно-преступной среды.

Так, в нарушение Инструкции о профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, утвержденной приказом Минюста России от 20 ноября 2006 г. № 333, обвиняемый Б. на профилактические учеты администрации СИЗО поставлен не был, несмотря на то, что ранее он оказывал противодействие законным требованиям администрации, в том числе путем показательного совершения актов членовредительства. В нарушение

адаптации осужденных У. Инспектором уголовно-исполнительной инспекции С. (ГУФСИН России по Краснодарскому краю) была получена взятка в сумме 3 тыс. руб. от условно осужденного Г. за укрывте факта нарушения режима отбывания наказания. Начальник СИЗО С. (ОФСИН России по Тюменской области) на протяжении длительного периода времени на строительстве собственного дома использовал осужденных в качестве разнорабочих. Начальник отдела по воспитательной работе с осужденными В. (ГУФСИН России по Приморскому краю) получал взятку в сумме 5 тыс. руб. от осужденного О. за подготовку документов по изменению режима содержания осужденному. Сотрудниками оперативного управления УФСИН России по г. Москве при получении денежных средств в размере 10 тыс. руб. от знакомой осужденного П. за содействие в этапировании в исправительную колонию был задержан оперуполномоченный оперативного отдела СИЗО Н. За обещание общего покровительства в отношении подследственного З. была получена взятка в размере 7 тыс. руб. старшим оперуполномоченным СИЗО М. (УФСИН России по г. Москве). При проведении оперативных мероприятий сотрудниками оперативного отдела исправительной колонии (УФСИН России по Рязанской области) при получении денежных средств в размере 1500 руб. от осужденного А. за распространение сведений, его дискредитирующих, среди осужденных, был задержан младший инспектор-отдела безопасности исправительной колонии.

указания ФСИН России от 25 сентября 2006 г. № 10/6/2-9с обвиняемый Б. в камеру спецблока размещен не был.

В камере № 27, рассчитанной на содержание 4 человек, содержались двое обвиняемых (Б. и Н.). На спальном месте обвиняемого Б. находилось три матраца. Спальные места, стены, пол камеры были занавешены ковровыми покрывалами, дверь камеры изнутри и перегородка санузла оклеена самоклеющейся пленкой «под дерево». В ходе обыска в камере были обнаружены и изъяты запрещенные предметы.

Обвиняемому Б. была предоставлена возможность для решения своих вопросов беспрепятственно встречаться с обвиняемыми, подозреваемыми и осужденными, содержащимися в других камерах. Встречи происходили как в помещениях прогулочных дворов, так и в камере, где содержался обвиняемый Б. Во время встреч обвиняемые употребляли спиртные напитки, пользовались средствами мобильной связи.

Кроме того, выявлены факты: сокрытия начальником СИЗО информации о преступлении, совершенном сотрудником СИЗО; фиктивного трудоустройства в СИЗО вольнонаемного работника с необоснованной выдачей начисленной ему заработной платы; нарушения финансовой дисциплины при проведении строительных работ в СИЗО; а также его несдержанности и грубости по отношению к сотрудникам.

В другом случае инспектор уголовно-исполнительной инспекции (ГУФСИН России по Краснодарскому краю) С., находясь при исполнении своих должностных обязанностей по контролю за условно осужденными, выявил факт нарушения осужденным Г. порядка и условий отбывания наказания, назначенного приговором районного суда. Суть нарушения состояла в том, что Г., вопреки предоставленным в уголовно-исполнительную инспекцию документам, подтверждающим факт его проживания по определенному адресу, по указанному адресу фактически не проживал. Данное нарушение являлось одним из обстоятельств, характеризующих личность условно осужденного Г., и могло служить одним из оснований для направления начальником межрайонной уголовно-исполнительной инспекции представления об отмене условного осуждения Г. По данному факту С. было получено объяснение от одного из собственников указанного жилища с целью получения в дальнейшем от Г. взятки. Выявленный им факт нарушения С. укрыв, соответствующий рапорт на имя начальника межрайонной уголовно-исполнительной инспекции для его приобщения к материалам личного дела осужденного

не подал. В один из дней в помещении своего служебного кабинета межрайонной уголовно-исполнительной инспекции С. предложил Г. передать ему взятку в виде денег в сумме 5 тыс. руб. На другой день С., находясь в коридоре здания межрайонной уголовно-исполнительной инспекции, получил от Г. взятку в виде денег в сумме 3 тыс. руб. Однако преступление не было доведено С. до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку его преступные действия были пресечены работниками полиции.

Характеризуя личность сотрудника УИС, вступающего в запрещенные связи с осужденными, А. В. Перминов отмечает: «Как правило, в незаконные связи вовлекаются морально неустойчивые лица... среди них 50% проходили службу... до одного года, 16,6% – до 2 лет, 58,3% имели возраст от 22 до 24 лет, 33,3% – от 25 до 32 лет, 8,4% – от 33 до 55 лет. <...> Незаконные связи с осужденными совершают лица: имеющие возможность пройти на территорию исправительного учреждения, но не работающие там поставщиком (42,2%); увольняемые сотрудники (33%); аттестованные сотрудники (6,7%) и младшие инспекторы (11,3%), а также родственники и иные лица (5,9%). Сотрудники, привлеченные к ответственности за установление незаконных связей, ранее характеризовались положительно – 26,7%, характеризовались отрицательно, предупреждались о незаконных связях с осужденными либо совершали нарушения служебной и трудовой дисциплины – 36,2%» (Перминов, 2009, с. 56).

Отдельная характеристика дается им сотрудникам, доставляющим осужденным наркотические средства. «Сотрудники, склонные к доставке наркотиков осужденным, не в состоянии добровольно отказаться от преступной деятельности. Проводимые с ними оперативным составом индивидуальные беседы, в связи с имеющейся информацией об их противоправных действиях, обычно не дают положительных результатов. С целью уйти от изобличения эти сотрудники в преступники, находящиеся в исправительных учреждениях и на свободе, принимают соответствующие меры по изменению своей тактики. Полное изобличение доставщиков наркотиков осужденным из числа сотрудников возможно лишь в результате задержания их с поличным... Они стремятся извлечь из преступной деятельности максимальную материальную выгоду, а потому не желают освободиться от преступных связей. У этих лиц формируются индивидуалистические, противоправные установки, лживость, безинициативность, безинтересованность в исполнении служебного долга» (там же, с. 61).

Ивановское резюмирует необходимость изучения личности сотрудников, отличающихся данными характеристиками.

Нельзя не обратить внимание на наличие таких деяний, как: незаконное изменение условий содержания осужденных, незаконное лишение прав или предоставление прав осужденным, несвоевременное освобождение из мест лишения свободы. В целом ряде случаев движущим мотивом совершения таких деяний является корысть.

Следует заметить, что при совершении этих деяний в отношении сотрудников, их допустивших, соответствующими должностными лицами не всегда дается принципиальная оценка. Так, постановлением Кинешемского городского суда было прекращено в связи с деятельным раскаянием уголовное дело по факту попытки провоза на территорию учреждения телефона и зарядного устройства для осужденного в отношении инспектора-дежурного по производственной зоне ФКУ ИК-4 УФСИН России по Ивановской области лейтенанта внутренней службы С. Однако руководством УФСИН России по Ивановской области ему было предоставлена возможность увольняться по собственному желанию. Бывшему инспектору были выплачены единовременное пособие при увольнении, компенсация за неиспользованный отпуск и единовременное денежное пособие за добросовестное исполнение служебных обязанностей по итогам работы за 2008 г.

Игнорируя указание директора ФСИН России от 8 апреля 2009 г. № 10/1-1252 деп «О недопустимости увольнения сотрудников, совершивших правонарушения, по положительным мотивам» руководство УФСИН России по Оренбургской области уволило из УИС по положительному мотиву Ж., начальника учебно-производственного участка ИК, задержанного при попытке проноса наркотического средства и средств мобильной связи на режимную территорию учреждения, в отношении которого было возбуждено уголовное дело и предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 328, ч. 1 ст. 286 УК РФ.

В другом случае при получении взятки в сумме 40000 рублей от родственников осужденного, отбывающего наказание в ЛИУ УФСИН России по Республике Татарстан, за содействие в замене не отбытой части наказания на более мягкий вид, был задержан Л., заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе ЛИУ. В отношении Л. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ. Л. был уволен из УИС по выслуге срока службы, дающего право на пенсию.

Анализ данных, приведенных в таблице 70, позволяет сделать вывод, что большинство коррупционных преступлений совершает-

Таблица 70
Наличие дисциплинарных взысканий

Дисциплинарные взыскания (их количество)	Распределение (в %)
Не имеет	52,1
Одно взыскание	15,3
Два взыскания	10,5
Три и более взысканий	22,1

ся сотрудниками, не имеющими дисциплинарных взысканий. «Сотрудники-коррупционеры при выполнении своих функциональных обязанностей реже других имеют дисциплинарные взыскания, стараются работать так, чтобы не привлекать к себе внимание со стороны руководства, достаточно хорошо ориентируются в своих правах и обязанностях по должности», – констатирует Е. Е. Гавриша (Гавриша, 2012, с. 42).

Следует заметить, что в 51% случаев дисциплинарные взыскания налагались на руководителей из числа начальников учреждений и органов, исполняющих наказания, их заместителей, начальников отделов (управлений).

Одним из значимых признаков, характеризующих доприступное поведение сотрудника, является допущение им нарушения законодательства.

Из показателей, приведенных в таблице 71, следует, что по коэффициенту допущенных нарушений (в расчете на 1 тыс. сотрудников) по службам в ранжированном ряду сотрудники распределились следующим образом: воспитательная работа с осужденными (13,02); службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (5,12); трудовая адаптация осужденных (4,43); оперативный состав (4,22); режим и надзор (3,86); служба тыла (2,70); медицинская служба (1,64); ИТСО (0,75); охрана (0,31); кадровый аппарат и ОРЛС (0,17).

По видам исправительных учреждений приведенный показатель в ранжированном ряду выглядит следующим образом: на первом месте исправительные колонии (4,07), на втором – следственные изоляторы и тюрьмы (2,38), на третьем – воспитательные колонии (1,88).

Рассматривая данный признак, нельзя не сказать о степени латентности коррупционных преступлений. Опрос сотрудников УИС различных категорий показал, что уровень латентности коррупционных проявлений при исполнении наказаний следующий: до 10%

Таблица 71
Допущенные нарушения законодательства

Распределение нарушений	Количество нарушений законодательства	В расчете на 1000 сотрудников
Всего	716	3,74
Охрана	22	0,31
Безопасность (режим)	235	3,86
ОСН	0	0
Контроль качества	0	0
НТСО	6	0,75
Оперативный состав	55	4,22
Воспитательная работа с осужденными	144	13,42
Кадровый аппарат в ОПФС	1	0,17
Трудовая адаптация осужденных	33	4,43
Медицинская служба	13	1,64
Службы исполнения наказаний, не связанные с лишением свободы	50	5,12
Службы тыла	17	2,70
Другое	163	5,23
Постоянный состав курс, среднеспециальных учебных заведений и учебных центров	0	0,00
Переменный состав курс, среднеспециальных учебных заведений и учебных центров	2	0,27
НК	535	4,07
ВК	15	1,68
СНОО, тюрьмы	117	3,38
Другие подразделения	72	1,03

(37,1% опрошенных); до 20% (27,2% опрошенных); до 50% (27,7% опрошенных); до 80% (13% опрошенных).

Как следует из экспертных оценок, степень коррупционированной порочности гораздо глубже. Эксперты из числа сотрудников УИС указали на наличие коррупционных проявлений, не только связанных непосредственно с исполнением наказания, но и в других сферах деятельности сотрудников. Степень ее проявления составляет:

до 10% (указали 27,7% экспертов); до 20% – 27,7%; до 50% – 25,9%; до 80% – 18,7%. Причем ее степень в данной сфере гораздо выше, чем в сфере, непосредственно связанной с исполнением наказаний. Если на степень коррупции до 50 и 80% в сумме во втором случае указали 40,7% респондентов, то в первом случае доля таких экспертов составила 44,6%.

С точки зрения предупреждения коррупционных проявлений деятельности сотрудников УИС, непосредственно не связанной с исполнением наказания, важно знать, где они имеют место. Изучение данного вопроса показало, что ранжированный ряд проявлений коррупционности в деятельности, непосредственно не связанной с исполнением наказания, можно построить следующим образом: при размещении заказов для нужд УИС – 38,3%; при оформлении на службу, переадресацию по службе и сокрытия проступка (преступления) – 23,9% каждый; при представлении к поощрениям – 8,7%; иные формы – 1,2%.

Данный вид коррупционных проявлений не имеет прямого отношения к коррупции, непосредственно связанной с исполнением наказаний. Ее можно назвать вторичной или опосредованной по отношению к первому виду. Однако она не менее опасна. Опасность заключается в том, что оба вида коррупционных проявлений оказывают разрушающее влияние на личность сотрудника УИС. Для лица, пораженного коррупционной психологией, становится уже не столь важно, в каких сферах деятельности учреждений и органов УИС она проявляется.

4.2. Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления

Теоретический анализ научных источников по рассматриваемой проблеме обозначил необходимость более глубокого изучения психологических особенностей бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), осужденных за преступления коррупционного характера, выявляя истинных детерминант, лежащих в основе совершения такого вида преступлений. Знание психологического содержания личностных структур бывших сотрудников УИС, осужденных за преступления коррупционного характера, будет способствовать не только разработке оптимальных методов предупреждения совершения ими коррупционных деяний, но и определению наиболее эффективных психокоррекционных

мероприятий по формированию антикоррупционной устойчивости у сотрудников УИС.

В данном параграфе представлены результаты проведенного в 2015–2016 гг. эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей бывших сотрудников УИС, осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления. В качестве испытуемых были отобраны две группы бывших сотрудников УИС: осужденные за преступления коррупционного характера: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286), халатность (ст. 293), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292) и т.д.; и осужденные за преступления общеуголовного характера: убийство (ст. 103), причинение смерти по неосторожности (ст. 109), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111, 112), изнасилование (ст. 131), кража (ст. 158), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264), преступления, связанные с наркотическими веществами (ст. 228–230), и т.д. Всего были обследованы 101 осужденный за преступления коррупционного характера и 112 – за преступления общеуголовного характера.

Целевая управленческая организация и планирование исследовательских процедур определяла необходимость составления диагностического комплекса методов, который позволил системно подойти к изучению индивидуально-психологических особенностей бывших сотрудников УИС, осужденных за коррупционные преступления. Он включает в себя 16-факторный личностный опросник Кеттелла, «Опросник терминальных ценностей» (ОТц), «Личностный опросник нравственной надежности» (ЛОНН) Е. Ю. Стрикова, проективную методику «Что за странная картинка», разработанную Э. Королевой, анкетирование, направленное на изучение социально-демографических данных.

Анализ социально-демографических данных обследуемых групп осужденных показывает, что по возрасту они распределялись следующим образом: в группу 19–30 лет вошли 22% всех обследованных осужденных за коррупционные преступления и 33% – за общеуголовные преступления; в группу 31–40 лет – 47% и 39% соответственно, в группу 41–50 лет – 25% и 22%; в группу 51–60 лет – по 4% и в группу более 60 лет – по 2%.

Полученные данные позволяют отметить тот факт, что большая часть обследуемых из числа осужденных за преступления коррупционного характера – это лица в возрасте от 31 года до 40 лет, тогда

как осуждаемые за общеуголовные преступления представлены возрастной группой от 19 до 40 лет. Процентное соотношение лиц из двух обследуемых групп в возрасте от 41 года до 50 лет имеют почти равные значения, но в то же время представлены значительной выборкой лиц (25 и 22% соответственно), заслуживающей внимания при проведении мероприятий по предупреждению формирования противоправного поведения у сотрудников УИС рассматриваемой возрастной группы.

Среди анализируемой категории невелика доля лиц из возрастной группы старше 51 года. Объяснить это можно тем, что в основном сотрудники УИС уходят на пенсию по выслуге лет.

Анализ семейного положения обследуемых показывает, что 60% всех осужденных за коррупционные преступления состоит в официальном браке, тогда как состоящих в браке осужденных за общеуголовные преступления всего 23%. Никогда не состояли в браке 14% осужденных за коррупционные преступления, 35% осужденных за общеуголовные преступления. Кроме того, 16% и 30% соответственно находятся в разводе, 9% и 10% – состоит в гражданском браке. Анализ полученных данных показывает, что 70% осужденных за коррупционные деяния состоит в браке (официальном или гражданском), тогда как лишь 35% осужденных за преступления общеуголовного характера можно отнести к этой категории.

Тот факт, что женщины после осуждения супругов не развелись с ними, говорит нам об относительно благоприятном восприятии ими вида совершенного мужем преступления. Следовательно, не находит полного подтверждения идея о семье как о сдерживающем антикоррупционном факторе.

Результаты изучения уровня образования обследуемых показали, что свыше 89% осужденных коррупционеров имеют высшее и незаконченное высшее образование, что на 48% больше по сравнению с осужденными за общеуголовные преступления. Осужденные по общеуголовным статьям в основном имеют среднее профессиональное образование (43%). Среднее общее образование имеют 4% осужденных за коррупционные преступления и 16% осужденных за общеуголовные преступления. На основе полученных данных можно сделать предварительный вывод о том, что коррупционные деяния чаще всего совершаются сотрудниками, имеющими высшее образование, а общеуголовные преступления – имеющими среднее профессиональное и среднее общее образование. Вместе с тем, оценивая данные исследования, следует иметь в виду, что проблемы в нравственном воспитании не могут компенсироваться даже выс-

шим уровнем образования, ибо в целом ряде случаев деструктивные личностные качества и правящие позиции личности могут привести к формированию противоправного поведения.

Изучение индивидуально-психологических особенностей обследуемых проводилось нами с помощью 16-факторного личностного опросника Кеттелла (см. рисунок 13). Применение t -критерия Стьюдента при обработке эмпирических данных позволило выделить статистически значимые различия в показателях по фактору А (замкнутость–общительность), С (эмоциональная нестабильность–эмоциональная стабильность) на уровне значимости $p < 0,01$ и Q3 (низкий–высокий самоконтроль) на уровне значимости $p < 0,05$.

Полученные данные позволяют утверждать, что осужденные за преступления коррупционного характера, в отличие от осужденных за преступления общеуголовного характера, демонстрируют высокий уровень общительности, естественности, непринужденности, готовность к сотрудничеству, приспособляемость, добродушие, проявляют интерес к людям. Они чаще готовы к совместной работе, стремятся к рациональному разрешению конфликтных ситуаций в коллективе. Более того, их можно охарактеризовать как личностей достаточно устойчивых и эмоционально зрелых, способных управлять своими эмоциями, настроением и переносить стрессовые ситуации без значительного ущерба для деятельности, постоянных в своих планах и привязанностях. Выраженные способности достигать поставленных целей без особых трудностей в сочетании с умением вести себя в критических ситуациях, сдерживать неволеизбежимые побуждения, учитывать интересы других людей, эффективно направлять свою энергию в нужное им русло, действовать

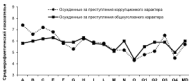

Рис. 13. Результаты обследования осужденных за общеуголовные и коррупционные преступления по 16-факторному личностному опроснику Кеттелла

планомерно и упорядоченно во многом оказывают им существенную помощь в совершении преступлений коррупционного характера.

Осужденных за общеуголовные преступления можно охарактеризовать как скрытных, обособленных, отчужденных, недоверчивых, необщительных, склонных к замкнутости людей. Они скептически относятся к окружающим, конфликтны, не склонны идти на компромиссы, проявляют жесткость и негибкость в общении. Вполне возможно, что именно эти личностные качества способствовали совершению ими преступлений (напомним, что в основном они осуждены за насильственные преступления). В отличие от осужденных за преступления коррупционного характера, у них заметны также качества, как сниженная способность управлять своими эмоциями, низкая дисциплинированность, зависимость от настроения, неумение контролировать свое поведение. Для них характерны спонтанность, импульсивность поведения в сочетании с общительностью, консерватизмом и предпочтением традиционных взглядов. Они стараются избежать требований действительности и чаще всего не имеют серьезных планов на будущее. Их личностные ресурсы, направленные на преодоление жизненных проблем, достаточно ограничены.

Сравнительный анализ результатов по факторам В (интеллект), Е (подчиненность–доминантность), Н (робость–смелость), L (доверчивость–подозрительность), М (прямлинейность–дипломатичность), Q2 (конформизм–неконформизм) в рассматриваемых группах осужденных достоверно значимых различий не выявил, но средние значения данных шкал имеют высокие показатели. Следовательно, мы можем отметить, что осужденные из двух рассматриваемых нами групп обладают схожими индивидуально-психологическими особенностями, среди которых можно выделить: развитое абстрактное мышление, сообразительность, высокий уровень общей культуры, особенно вербальной, настойчивость, упрямство, капризность, своенравие, смелость, пронацельность, расчетливость, интроверсия, склонность к авантюризму и проявлению лидерских качеств.

По факторам F (сдержанность–экспрессивность), G (низкая нормативность–высокая нормативность поведения), I (жесткость–чувствительность), М (практичность–мечтательность), О (спокойствие–тревожность), Q1 (консерватизм–радикализм), Q4 (расслабленность–напряженность) в рассматриваемых группах осужденных значимых различий также не выявлено. Однако данные факторы имеют низкие показатели, что говорит о наличии у осужденных из обследованных двух групп следующих индивидуальных особеннос-

тей: самоуверенности, суровости, практичности, рациональности, хладнокровия. В то же время у них отсутствует согласие с общепринятыми моральными правилами и стандартами, они не склонны прилагать усилий для того, чтобы выполнять групповые требования и нормы, противоречащие их желаниям.

По сути, полученные результаты обозначают нам одну из причин совершения обследуемыми осужденными преступления. Так, отрицание общепринятых моральных норм и правил способствовало совершению преступления, а имеющиеся индивидуально-психологические особенности оказали влияние на вид совершенного преступления.

Изучение основных (терминальных) стремлений и жизненных ориентаций обследуемых осужденных проводилось с помощью методики «Опросник терминальных ценностей» (см. рисунок 14).

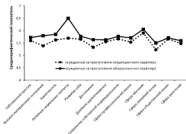

Рис. 14. Результаты обследования осужденных за общеправовые и коррупционные преступления по методике «ОТЦ»

На рисунке 14 видно, что графики двух групп обследуемых располагаются почти параллельно друг другу. Отличие заключается в том, что осужденные за коррупционные преступления имеют чуть более высокие результаты по сравнению с осужденными за преступления общеправового характера, однако данные находятся в диапазоне от 4 до 7 баллов, что говорит о средних значениях.

Сравнительный анализ результатов по методике «Опросник терминальных ценностей» рассматриваемых групп осужденных с помощью t-критерия Стьюдента показал, что статистически значимых различий в рассматриваемых группах по терминальным ценностям нет (см. таблицу 72).

Таблица 72

Сравнительный анализ результатов обследования по методике «Опросник терминальных ценностей» осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления с помощью t-критерия Стьюдента

Шкалы	Группы				t-кри- терий Стью- дента
	Результаты обследо- вания осужден- ных за коррупцион- ные преступления		Результаты обследо- вания осужден- ных за общеуголов- ные преступления		
	Средне- арифме- тический показа- тель	Стан- дартное откло- нение	Средне- арифме- тический показа- тель	Стан- дартное откло- нение	
Собственный престиж	5,59	1,84	5,72	2,16	0,6387
Высокое материаль- ное положение	5,39	2,04	5,79	1,95	0,1451
Креативность	5,62	1,99	5,85	2,05	0,4275
Активные социальные контакты	5,69	1,88	5,71	2,03	0,9408
Развитие себя	5,65	1,82	5,77	1,91	0,6673
Достижения	5,326	1,89	5,63	1,97	0,2437
Духовное удовлетворение	5,55	1,77	5,62	1,81	0,7762
Справление собственной индивидуальности	5,66	1,9	5,767857	1,91	0,7699
Сфера профессиональ- ной жизни	5,53	1,82	5,71	1,94	0,5315
Сфера обучения	5,909999	1,76	6,05	1,97	0,5512
Сфера семейной жизни	5,23	1,91	5,5	1,91	0,2896
Сфера общественной жизни	5,66	1,88	5,7	2,05	0,8823
Сфера увлечений	5,48	2,01	5,59	1,98	0,6606

Следовательно, мы можем предположить, что в области терминальных ценностей осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления наблюдаются схожие показатели. Однако проведенный кластерный анализ результатов обследования осужденных за коррупционные (см. рисунок 15) и общеуголовные (см. рисунок 16) преступления позволил выявить отличия. Так, по его итогам было выделено по два кластера в каждой группе.

Сравнительный анализ полученных результатов показывает, что первый кластер по осужденным за преступления коррупционного характера представлен 66 осужденными (65%), а второй – 36 (35%). Первый кластер по осужденным за преступления общеуголовного характера представлен 80 осужденными (71%), а второй – 32 (29%). Результаты кластерного анализа позволили нам установить, что осужденных, имеющих показатели выше среднего по терминальным ценностям, среди осужденных за преступления коррупционного характера нет, тогда как среди осужденных за преступления общеуголовного характера их наблюдается большинство (71% от числа обследованных). В то же время 35% осужденных за коррупционные преступления имеют показатели ниже средних по терминальным ценностям, а среди осужденных за общеуголовные преступления таких лиц нет.

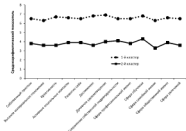

Рис. 15. Результаты кластерного анализа обследования осужденных за коррупционные преступления по методике «ОТЦ»

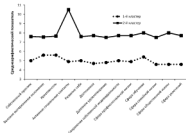

Рис. 16. Результаты кластерного анализа обследования осужденных за общественные преступления по методике «ОТЦ»

Вызывают особый интерес результаты, показывающие, что для осужденных за коррупционные преступления, отнесенных ко второму кластеру, семья не является чем-то значимым в их жизни, более того, благополучие семьи для них не важно и они не испытывают потребности во взаимопонимании с членами своей семьи. Напомним, что большинство осужденных за коррупционные преступления по сравнению с осужденными за другие виды преступлений состоят в браке и среди них меньше всего лиц, разводившихся во время отбывания наказания.

Обобщая полученные результаты по осужденным за коррупционные преступления, отнесенным ко второму кластеру, кратко отметим, что они не заботятся о собственном престиже, для них не является значимым наличие высокого материального положения, они не стремятся к реализации своих творческих возможностей, не вносят изменений во все сферы своей жизни, не ставят перед собой глобальных жизненных целей; профессиональная деятельность, семейная сфера, сфера общественной жизни и сфера увлечений не являются для них значимыми.

Полученный психологический портрет бывших сотрудников УИС, осужденных за коррупционные преступления и отнесенных ко второму кластеру, вызывает много вопросов. Была ли у них на-

терминальная заинтересованность до осуждения? Если да, то почему после осуждения она исчезла? Если же из изначально, еще до осуждения, не интересовали деньги, престиж, амбиции, то зачем они совершили преступление коррупционной направленности? Почему их профиль раскодится с основными данными обследования лиц, осужденных за аналогичные преступления? Мы можем только предположить, что коррупционеры этого типа совершили преступление либо под воздействием других людей (например, они являются суггестивными личностями), либо у них выражено виктимное поведение, либо они подражали коллегам (все так делают, значит, и они так должны делать). Могут быть и другие причины. Мы могли бы сказать, что эти лица случайно попали в категорию осужденных за преступления коррупционного характера и на них не стоит обращать внимания в нашем исследовании. Однако это не так. Необходимо понимать, что это люди, которые совершили преступление, связанное с коррупцией, а значит, лица, имеющие схожие психологические профили, могут и в дальнейшем совершать аналогичные преступления, просто причина и побудители к их совершению будут отличаться от тех, которые были у коррупционеров другого профиля.

Не менее важными представляются результаты кластерного анализа обработки данных по итогам обследования бывших сотрудников УИС, осужденных за общеуголовные преступления по методике «OTell». Так, большинство осужденных данной категории (71%), отнесенных к первому кластеру, стремятся к установлению благоприятных взаимоотношений с окружающими, самым ценным в их жизни является возможность общаться и взаимодействовать с другими людьми. Составленный краткий психологический профиль показывает, что они заботятся о собственном престиже, стремятся к высокому материальному положению, реализации своих творческих возможностей, самосовершенствованию, моральному удовлетворению во всех сферах своей жизни, независимости от других людей, для них значимы сферы профессиональной жизни, обучения и образования, смысловой жизни, общественной жизни и увлечений.

Как же получается, что сотрудник уголовно-исполнительной системы, обладающий такими ценностями, мог совершить преступление общеуголовного характера? Предположить, какими были причины совершения преступления, мы можем: это могут быть и сформировавшиеся профессиональные деструкции, и определенная индивидуально-психологическая предрасположенность к со-

вершению преступления (склонность к агрессии, возбудимость, импульсивность и т.д.), но, чтобы достоверно ответить на поставленный вопрос, потребуется дополнительное исследование.

По сути, полученные результаты показывают, что сотрудники-коррупционеры не только являются более скрытными, необщительными людьми, но и стараются «сдерживать» свои терминальные ценности, т.е. подвергают высокому контролю свои желания и стремления. В принципе, это неудивительно вследствие специфики их работы и наличия постоянного тотального контроля за их материальным положением со стороны руководства и службы собственной безопасности.

В основе нашего исследования стояла также задача изучения профессиональной нравственной надежности осужденных – бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершивших преступление коррупционного характера, с целью в последующем разработать рекомендации, направленные на повышение качества профессионального отбора и профилактики формирования коррупционного поведения. Решение данной задачи было осуществлено с помощью методики «Личностный опросник нравственной надежности» (ЛОНН) Е. Ю. Стрижова (см. рисунок 17).

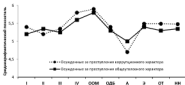

Рис. 17. Результаты обследования осужденных за общеуголовные и коррупционные преступления по методике «Личностный опросник нравственной надежности» (ЛОНН)

Обозначения: I – признание ответственности перед нормами; II – признание необходимости соблюдения норм; III – учет моральных норм в поведении; IV – устойчивость к негативным нормам; СОМ – отрицание обмана и мошенничества; ОДБ – отношение к деньгам и богатству; А – авантюризм – отсутствие авантюризма; Э – эгоизм – альтруизм; ОТ – нравственные основы отношения к труду; НН – общий уровень нравственной надежности

Проведенный кластерный анализ позволил выделить по два кластера в каждой группе обследуемых, причем процентное распределение по кластерам, имеющим схожие профили, в двух группах приблизительно одинаковое. Так, к первому кластеру осужденных за коррупционные преступления отнесено 42 человека (41 %), ко второму – 59 человек (59%). К первому кластеру осужденных за общеуголовные преступления отнесено 40 человек (54%), ко второму – 52 человека (46%).

Кластерный анализ позволил выявить среди осужденных за коррупционные преступления группу лиц, имеющих нарушения в области нравственной надежности (второй кластер), которые выражаются в отрицании необходимости соблюдения моральных и правовых норм, в наличии склонности к авантюризму при решении моральных и правовых проблем.

Результаты кластерного анализа обследования осужденных за общеуголовные преступления по методике «Личностный опросник нравственной надежности», представленные на рисунке 18, показали, что лица, имеющие нарушения в области нравственной надежности (второй кластер), обладают следующими деструкциями: отрицание необходимости соблюдения моральных и правовых норм, отсутствие контроля за соблюдением моральных и правовых норм в своем поведении, устойчивость к негативным нормам поведения, склонность к отрицанию честности и одобрению обмана и мошенничества, корыстолюбие, авантюризму при решении моральных и правовых проблем, эгоизму, безразличное отношение в работе. Как видим, у осужденных за общеуголовные преступления, отнесенных ко второму кластеру, наблюдается целый букет деструк-

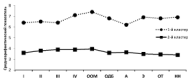

Рис. 18. Результаты кластерного анализа обследования осужденных за коррупционные преступления по методике «Личностный опросник нравственной надежности» (ЛОНН). Обозначения как на рисунке 17

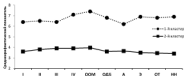

Рис. 19. Результаты кластерного анализа исследования осужденных за общеуголовные преступления по методике «Личностный опросник нравственной надежности» (ЛОНН). Обозначения как на рисунке 17

ций в области надежности, которые и способствовали совершению ими преступлений.

Если же сравнивать данные по первым кластерам в рассматриваемых группах осужденных, то у осужденных за коррупционные преступления наблюдается больше шкал по нравственной надежности, они имеют высокие показатели по сравнению с осужденными за общеуголовные преступления. В частности, у осужденных за коррупционные преступления первого кластера отмечены высокие показатели по следующим шкалам: «признание своей ответственности перед моральными и правовыми нормами», «устойчивость к негативным нормам поведения», «одобрение честности – отрицание обмана и мошенничества», «нравственные основы отношения к труду», а для осужденных за общеуголовные преступления первого кластера характерны высокие показатели по шкале «одобрение честности – отрицание обмана и мошенничества».

Результаты кластерного анализа по методике «Личностный опросник нравственной надежности» Е. Ю. Стряжова позволяют предположить, что с точки зрения нравственной надежности осужденные за коррупционные преступления имеют более благоприятные результаты. Проведенное исследование осужденных по указанной методике выявило наличие у отдельных категорий исследуемых двух групп наличие склонности к авантюризму при решении моральных проблем, и именно поэтому мы уделили внимание изучению данного показателя. Для реализации поставленной задачи мы воспользовались проективной методикой «Что за странная картинка», разработанной З. Королевой (Королева, 2005, с. 56).

Следует отметить, что практически все осужденные за коррупционные и общеуголовные преступления выполнили задание, и только 7% осужденных-коррупционеров не смогли «включить» свое воображение и дополнить предложенную картинку, причем среди осужденных за общеуголовные преступления таких оказалось 12%.

Анализ полученных результатов показал, что 33% обследуемых осужденных коррупционеров и 29% осужденных за преступления общеуголовного характера стараются ограничивать свою природную склонность к авантюризму, так как считают, что эта черта характера не доведет их до добра. Они волевым усилием заставляют себя не рисковать и не выкатываться в сомнительные предприятия, пытаются предумысливать каждый свой шаг. Для предложенного рисунка они создали дополнительный фон: поместили следы на тропинку, поляну с цветами, сугроб, берег моря, стену, картинку и т.д.

25% обследуемых коррупционеров и 31% осужденных за общеуголовные преступления можно охарактеризовать как лиц, не имеющих склонности к авантюризму, предпочитающих размеренный, упорядоченный труд, приносящий определенную прибыль. Даже ради больших денег они не откажутся от своей жизненной позиции. Они увидели в заданном рисунке лицо человека (глаза, нос и рот) и дорисовали все остальное (овал лица, волосы, шею).

23% обследуемых осужденных коррупционеров и 20% осужденных за преступления общеуголовного характера не только расплести в предъявленной им картинке отпечатки рук и ног, но и дорисовали к ним человека, который оставил эти следы. Это указывает на то, что они не склонны к авантюризму, прямолинейны, открытвенны, последовательны и исполнительны, не любят сюрпризы, даже если они приятны.

Склонность к авантюризму выявлена у 12% осужденных коррупционеров и у 8% осужденных за общеуголовные преступления. Они дополнили картину следов косвенно связанными с ними деталями: бутылка, стакан, нож, пистолет, карты, решетка и т.д. Для этой категории обследуемых характерно выкатываться во все сомнительные мероприятия и устраивать дорогие сделки. Они с удовольствием «горят себе кровь», без риска жизнь кажется им скучной и пресной.

Обобщая полученные результаты, мы можем отметить, что 45% обследуемых осужденных коррупционеров (по методике Е. Ю. Стрижова 59%) и 37% осужденных за преступления общеуголовного характера (по той же методике – 46%) склонны к проявлению авантюризма. Соответственно, 48 и 51% обследуемых осужденных двух групп не обнаруживают склонности к авантюрам, предпочитают

размерекный, упорядоченный труд, приносящий определенную прибыль.

Следует отметить, что среди обследуемых осужденных двух групп не выявлено лиц с явно выраженной творческой жилкой и часто оказывающихся жертвами интриг, не умеющих противостоять авантюристам, склонных попадаться на их красивые обещания и уверения.

Полученные результаты позволяют нам утверждать, что наличие склонности к авантюризму оказывает влияние на совершение преступлений как коррупционного, так и общеуголовного характера.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенное нами исследование бывших сотрудников УИС, осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления, показало наличие у них значимых различий по социально-демографическим и индивидуально-психологическим особенностям, которые оказывают влияние на вид совершаемого ими преступления.

4.3. Социально-психологические условия совершения коррупционных преступлений (на примере осужденных – бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы)

Важно отметить, что знание психологических особенностей личности осужденного из числа бывших сотрудников УИС позволяет выявить соответствующие причины совершения ими преступления, совершенствовать работу по психологическому отбору кандидатов на службу в данную систему, «добиваться полного соответствия морально-психологических качеств личного состава высоким профессиональным требованиям» (см. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009 г.).

Из числа психологических признаков, характеризующих осужденных изучаемой категории, в ходе исследования были выделены: убеждения, взгляды, интересы, ориентации, умения, навыки, привычки, стереотипы поведения, темперамент, установки. Эти психологические особенности преступника важны не сами по себе, а с точки зрения обстоятельств, послуживших их криминальному формированию. Исследование психологических особенностей формирования личности коррупционера и его коррумпированного поведения позволяет разработать социальные, социально-юридические и социально-психологические меры по обеспечению профилактики коррупции при исполнении наказаний.

Исследование проводилось в 2015 г. на базе исправительных учреждений ФСИН России, где отбывают наказание бывшие сотрудники правоохранительных органов.

«Убеждения – твердый вклад на что-нибудь, основанный на определенных положениях, мнениях, которые в сознании человека связаны с глубокими и искренними призывами и переживанием их истинности, бесспорной убедительности... Убеждения представляют собой единство знаний и особого отношения к ним как к тому, что бесспорно отражает действительность и должно определять поведение. Эмоциональная сторона убеждений связана с глубокими их прочувствованием: человек не просто узнает что-то, а своеобразно переживает истинность, убедительность этих знаний... Убеждения делают поведение человека последовательным, логичным, целеустремленным» (Педагогическая энциклопедия, с. 338).

В ранжированном ряду убеждений (см. таблицу 73) первое место занимают моральные убеждения – 41,8%, второе место – общественно-политические (32,9%), третье место – религиозные (13,9%), четвертое место – правовые (11,4%).

Таблица 73
Характеристика убеждений осужденных

Виды убеждений	Распределение (в %)
Религиозные	13,9
Общественно-политические	32,9
Моральные	41,8
Правовые	11,4
Научные	–

Под взглядом респондента мы будем подразумевать его образ мыслей, убеждения, воззрения, которые он высказывает.

По данным таблицы 74, среди осужденных – бывших сотрудников УИС – наибольший удельный вес занимают лица с житейскими взглядами (89,0%), одинакова доля лиц с научными и эстетическими взглядами (по 4,9%), самый низкий удельный вес лиц с политическими взглядами (1,2%).

В центре себя проявляется познавательная потребность, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности.

Таблица 74
Характеристика взглядов осужденных

Взгляды	Распределение (в %)
Житейские	89
Нарочные	4,9
Эстетические	4,9
Политические	1,3

Известно, что интерес определенным образом зависит от характера потребности, он объективен и субъективен одновременно. Интерес является производным от системы ценностей сотрудника УИС.

Психологи различают непосредственный интерес, вызываемый привлекательностью объекта, и опосредованный интерес к объекту как средству достижения целей деятельности. «Интерес в динамике своего развития может превратиться в склонность как проявление потребности в осуществлении деятельности» (Психология, 1990, с. 146). Исследование интересов сотрудников необходимо для дифференциации индивидуальной работы с ними. Их нужно учитывать в деятельности по предупреждению совершения сотрудниками УИС коррупционных преступлений.

Из данных, приведенных в таблице 75, обращает на себя внимание тот факт, что по степени духовности явно преобладают материальные интересы (69,5%). Это еще раз подтверждает корыстный характер мотивов совершения коррупционных преступлений. Важным фактором, характеризующим опасность совершаемых преступлений, является то, что наличие материальных интересов при совершении преступления усиливается их действительностью (80,5%), устойчивостью (87,5%), непосредственностью (79,5%), глубиной (66,7%), силой (64,6%), активностью (72,0%).

Под социальной ориентацией понимается знание, осведомленность о собственном местоположении и позиции. В механизме преступного поведения сотрудников УИС доминирующие социальные ориентации играют важную роль. О характере ориентации можно узнать по содержанию высказываний лица.

Среди социальных ориентаций у обследуемых осужденных преобладающее место занимают просоциальные ориентации (95,0%), асоциальные составляют всего 5%.

Под умениями понимается способность хорошо и адаптивно реализовывать сложные, высокоорганизованные модели поведения, чтобы достигать определенные результаты и цели.

Таблица 75
Характеристика интересов осужденных

№ п/п	Виды интересов	Распределение (в %)	
1	Действительные	80,5	100
	Недействительные	19,5	
2	Устойчивые	87,5	100
	Неустойчивые	11,5	
3	Непосредственные	79,5	100
	Опосредованные	20,5	
4	Глубокие	66,7	100
	Поверхностные	33,3	
5	Сильные	64,6	100
	Слабые	35,4	
6	Активные	72	100
	Пассивные	28	
7	Материальные	69,5	100
	Духовные	30,5	

Среди умений в рассмотренном ряду первое место занимают предметно-практические (43,9%), второе место – познавательные (25,6%), третье место – профессиональные (15,9%), четвертое – коммуникативные (11,0%), пятое – художественно-практические (3,6%).

Под навыком понимается действие, сформированное путем повторения, характеризующееся высокой степенью освоения и отсутствием волеизвольной сознательной регуляции и контроля. Различают навыки перцептивные, интеллектуальные и двигательные.

Как следует из показателей, приведенных в таблице 76, наиболее значительную долю занимают перцептивные навыки (40,2%),

Таблица 76
Характеристика навыков осужденных

Навыки	Распределение (в %)
Перцептивные	40,2
Интеллектуальные	23,2
Двигательные	36,3

на втором месте – двигательные навыки (36,3%), на третьем – интеллектуальные (23,2%).

Под привычкой понимается модель действия, которая вследствие повторения становится автоматизированной, фиксированной и легко и без усилий осуществляемой.

Важность знания привычек обуславливается их огромным влиянием на человеческую деятельность.

По видам привычек (см. таблицу 77) осужденные в ранжированном ряду распределялись следующим образом: доминирование социальных привычек наблюдается у 56% респондентов, второе место занимают физиологические привычки (21,4%); третье место – интеллектуальные привычки (15,5%), четвертое место – психологические привычки (7,0%).

Таблица 77
Характеристика привычек осужденных

Привычки	Распределение (в %)
Социальные	56
Физиологические	21,5
Психологические	7
Интеллектуальные	15,5

Под стереотипом поведения понимается привычное поведение человека, сложившееся у него под влиянием социальных условий и предшествующего опыта.

Анализ данных, приведенных в таблице 78, показывает, что среди осужденных изучаемой категории наибольший удельный вес принадлежит лицам с инстинктивным стереотипом поведения (42,3%). Второе место занимают лица с замаскированным стереотипом поведения (19,2%), третье место – лица с альтернативным стереотипом поведения (16,7%), четвертое место – лица с подражательным стереотипом поведения (9,0%); пятое место – лица с символическим стереотипом поведения (16,4%), шестое место – лица с реактивным стереотипом поведения (3,1%), седьмое место – лица с реактивным стереотипом поведения (2,3%).

В выборке не оказалось лиц с агрессивным и оскорбительным стереотипами поведения. По характеру все обследованные лица относятся к адекватному стереотипу поведения.

Таблица 78

Характеристика стереотипов поведения осужденных

Стереотипы поведения	Распределение (в %)
Интимативное	42,3
Завистливое	18,2
Подражательное	9
Реактивное	5,1
Символическое	6,4
Альтернативное	16,7
Агрессивное	-
Религиозное	2,2
Оскорбительное	-

Темперамент человека органически связан с направленностью его нравственных, моральных качеств, умственного развития. Полученные данные (см. таблицу 79) свидетельствуют, что среди бывших сотрудников УИС, совершивших преступления коррупционного характера, наибольшую долю составляют лица с темпераментом сангвиника (40,2%). Второе место в ранжированном ряду занимают холерики (18,3%), третье место – флегматики (30,5%), четвертое место – меланхолики (11,0%).

В работе с сотрудниками УИС – нужно не переделывать один темперамент в другой, а добиваться развития свойственных каждому темпераменту положительных черт и стараться ослабить влияние отрицательных. При этом следует иметь в виду, что темперамент... характеризует не содержательную сторону личности (мировоззрение, интересы, установки, идеалы, убеждения), а только динамику

Таблица 79

Характеристика темперамента осужденных

№ п/п	Темперамент	Распределение (в %)
	Холерик	18,3
	Сангвиник	40,2
	Флегматик	30,5
	Меланхолик	11,0
	Итого	100

психических явлений (темпа, быстроту, ритм, интенсивность)» (см.: Казан, Ушатников, 1998, с. 17).

При хорошем воспитании и самоконтроле саввиннику свойственна высокая отзывчивость, фастматикку – выдержка и самообладание, отсутствие импульсивных и опрометчивых действий, зальерику – страстность и высокая активность, мелнхольнику – глубокое переживания, эмоциональный отклик, большая впечатлительность.

Под установками понимаются особые состояния, диспозиции или тенденции организма реагировать определенным образом.

Как видно из таблицы 80, по характеру установок среди изучаемой категории преступников явно преобладает лица с элементарными (телесными) установками.

Таблица 80
Характеристика установок осужденных

№ п/п	Установка	Распределение (в %)
	Элементарные (телесные)	61,3
	Социальные (духовные)	38,7
	Итого	100,0

Фактизируя психологические особенности личности сотрудников УИС, совершивших коррупционные преступления, нельзя не сказать о механизме их взаимодействия, их внешнем проявлении. Здесь уместно привести заключение по этому вопросу Е.Е. Гавришовой: «В целом социально-психологический механизм формирования личности коррупционера в 90,5% случаев представляется в виде следующего цикла: выраженное необоснованное желание независимости от руководства сочетается с неприятием должностных инструкций в части ограничения возможности применения им своих полномочий, тенденцией быть якобы лидером при организации межличностных отношений и наличием проблемы личного плана... После цикл возвращается в свое обычное действие, т.е. к исходному пункту, независимости от руководства. Станет ли дальше такая психодинамика обычной для сотрудника-коррупционера или он изменится под воздействием работы психологической службы, мы не знаем, но мы точно знаем, что наличие подобного рода психодинамики показывает очень высокую вероятность его готовности совершить коррупционное преступление» (Гавринова, 2012, с. 69).

Таким образом, к числу наиболее характерных криминологических и психологических особенностей личности сотрудника УИС, совершившего коррупционное преступление, следует отнести совершение их в абсолютном большинстве случаев сотрудниками исправительных колоний (81,6%). Основными правонарушениями при совершении данных преступлений являются: передача либо попытка передачи запрещенных предметов осужденным (48,0%); предоставление различного рода незаконных льгот осужденным (15,9%); незаконное представление к условно-досрочному освобождению (15,6%). Основной мотив совершения преступления – корысть, отличающаяся своей силой и биологической направленностью; привалоризация моральных и общественно-политических убеждений (34,7%), житейских взглядов (39,0%).

Анализируя состояние криминологико-психологической характеристики личности сотрудников УИС, совершающих коррупционные преступления, необходимо отметить, что данная характеристика должна, несомненно, учитываться при криминологическом анализе коррупционной преступности, что поможет познать мотивы, причины и факторы, способствующие совершению данного вида преступлений, без чего невозможно вести речь о предупреждении рецидивов преступлений, о результативном воздействии. Общественности и государственной власти следует обратить особое внимание на данную проблему для осознания необходимости разработки профилактических мероприятий в данном направлении. В связи с этим значительно возрастает роль образовательных учреждений, призванных осуществлять подготовку персонала для УИС. Выпускник вуза должен быть абсолютно убежден в том, что неуловительное следование этическим и правовым нормам поддерживает авторитет не только службы, которую он представляет, но и государства, гражданином которого он является, способствуя тем самым формированию нового этапа развития УИС.

Вместе с тем следует заметить, что «общественную опасность личности не могут определять какие-то отдельные ее свойства. Только их совокупность... способна репрезентировать общественную опасность личности. Именно совокупность свойств личности, а не отдельные ее свойства, может быть криминогенной» (Бурлаков, 2006, с. 22). Исходя из изложенного выше и используя типологию личности преступника, предложенную В.Н. Бурлаковым, изучаемую категорию лиц можно отнести к среднесправившему типу личности. Данный тип личности объединяет преступников с парциальной социальной направленностью. Их общественная опасность не ис-

черезывается только оценкой преступного деяния (объективный аспект), потому что в ней проявляется и субъективный фактор. Последний выражается в наличии устойчивой криминальной мотивации. «Правосознание у них характеризуется компромиссом между правовыми нормами и нормами неправового поведения, основанными на эгоистичном интересе. Вместе с тем эти лица не утратили своих социально полезных качеств. Положительная направленность их личности имеет в основном среднюю величину (участие в общественно полезной деятельности, выполнение иных социальных функций, вытекающих из занимаемых ими жизненных позиций). Преступление этого типа личности является следствием криминогенной ситуации и неустойчивых положительных свойств самой личности» (там же).

Все это лишний раз наводит на мысль, что сопоставление признаков, характеризующих личность сотрудника УИС, совершившего преступление коррупционной направленности, с признаками, характеризующими сотрудника УИС, совершившего иные преступления, а также с признаками личности других категорий лиц, не являющихся сотрудниками УИС и совершивших аналогичные преступления, позволяет сделать вывод о присущих первым особым типобразующих признаках, которыми не обладают другие категории преступников. Таковыми являются:

1. *Условно-правовые признаки.* Характер совершаемого преступления – получение взятки за незаконные действия (бездействие) – ч. 2 ст. 290 УК РФ; получение взятки за действия (бездействие), если они входили в их служебные полномочия либо сотрудник в силу должностного положения способствовал таким действиям (бездействию), а равно покровительствовал по службе (ч. 1 ст. 290 УК РФ); использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы (ч. 1 ст. 285 УК РФ); совершение действий, явно выходящих за пределы их полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). В большинстве случаев преступления совершаются в соучастия. Целью совершения преступления является получение материальной выгоды. Характерно отсутствие в прошлом судимости; среди видов назначаемых наказаний преобладает лишение свободы. Средний срок назначенного реального лишения свободы – 4,9 лет.
2. *Условно-исполнительные признаки.* Отрицательное отношение к назначенному наказанию; активное участие в работе самодеятельных организаций; добросовестное отношение к труду;

наличие достаточно высокого уровня образовательной и профессиональной подготовки.

3. *Криминологические особенности.* Совершение коррупционных преступлений в абсолютном большинстве случаев сотрудниками исправительных колоний. Основными правонарушениями при этом являются: передача либо попытка передачи запрещенных предметов осужденным; предоставление различного рода незаконных льгот осужденным; незаконное представление к условно-досрочному освобождению. Основной мотив совершения преступления – корысть, отличающаяся своей силой и биологической направленностью.
4. *Психологические особенности.* Превалирование моральных и общественно-политических убеждений. Абсолютному большинству присущи житейские взгляды; различные интересы (действенные, устойчивые, непосредственные, глубокие, сильные, активные, материальные). Наличие социальных ориентаций, предметно-практических и познавательных умений, перцептивных и двигательных навыков, социальных привычек. Значительную долю занимают лица с инстинктивным стереотипом поведения. По характеру темперамента канбольшую долю занимают сангвиники; по характеру установок превалируют элементарные (телесные) установки.

В целом на основании психологических исследований личности коррупционера в структуре ФСИН можно сделать некоторые обобщающие выводы для правоохранительных структур в целом. Главный из них – в том, что исследования однозначно свидетельствуют о необходимости работы с персоналом с учетом психологических параметров личности человека. И эти психологические исследования, несомненно, вносят вклад в проблематику понимания и противодействия коррупции в целом.

1. Криминологическая характеристика обследуемых показала, что осужденные за коррупционные и экономические преступления ранее не привлекались к уголовной ответственности за аналогичные преступления, а осужденные за общеуголовные преступления ранее по большей части совершали подобные преступления.

Как оказалось, большинство осужденных за преступления коррупционного характера не предусматривали возможность уйти

от уголовной ответственности (такую возможность предусматривали более половины обследованных, совершивших экономические и общеуголовные преступления). Более половины лиц, совершивших коррупционные преступления, даже не задумывались о наступлении ответственности.

2. Основная масса обследованных по разным основаниям считает наказание им назначено несправедливо (что оно излишне сурово или же что отсутствует состав преступления). Такая оценка нехарактерна для лиц, совершивших общеуголовные и экономические преступления.

Обследуемые уверены, что корысть не является основным мотивом совершения ими коррупционных преступлений. Большинство респондентов указали на иные мотивы (повышение социального статуса, завоевание авторитета среди коллег, друзей и знакомых). Однако мнение сотрудников УИС, опрошенных в качестве экспертов, показало обратное: они считают, что преобладающей мотивацией при совершении коррупционных преступлений у их бывших коллег являлось стремление повысить материальный уровень жизни, желание удовлетворить самые насущные потребности, стремление жить на широкую ногу или накопительство.

3. В целом по совокупности признаков, характеризующих отношение изучаемой категории осужденных к основным средствам исправления, они характеризуются положительно. Их отличает положительное в своей основе поведение; участие в воспитательных мероприятиях; активное участие в работе самостоятельных организаций; добросовестное отношение к труду; наличие достаточно высокого уровня образовательной и профессиональной подготовки.

Исследование психологических особенностей формирования личности коррупционера и его коррупционированного поведения позволяет разработать социальные, социально-юридические и социально-психологические меры по обеспечению профилактики коррупции при исполнении наказаний.

Реализация профилактических мероприятий по предупреждению распространения коррупции связана с выявлением и устранением ее причин и не ограничивается только совершенствованием антикоррупционного законодательства. Основной задачей следующей главы станет раскрытие социально-психологических факторов профилактики и противодействия коррупции.

ГЛАВА 5

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

3.1. Социально-психологические препятствия противодействию коррупции

Одним из главных препятствий борьбе с коррупцией в современной России является часто отмечаемая коррумпированность значительной части чиновников, в том числе и тех, которые в силу своего служебного положения обязаны бороться с коррупцией. Это создает своеобразную подоплеку такой «борьбы», придавая ей вид, который вписывается в известную схему: «Пчелы против меда». Исследователи проблемы подчеркивают, что «призывы к борьбе с коррупцией мы слышим, можно сказать, из самых центров этой самой коррупции» (Болдырев, 2010, с. 458), что борьба с коррупцией подменяется борьбой друг против друга различных групп коррупционеров (Журавлев, Кренич, 2012) и т. п. Иногда дело обстоит еще хуже: в наших многочисленных организациях, призванных выполнять антикоррупционные функции, присутствует немало псевдолибералов, которые не просто симулируют борьбу с коррупцией, а *откровенно саботируют и блокируют эту борьбу, к тому же вознося это блокирование на идеологический уровень.*

Оценивая регулярно звучащие упреки власти в симуляции борьбы с коррупцией, необходимо проводить грань между властью в узком и в широком смысле слова, различая высшую государственную власть и российскую властвующую элиту в целом. То, что у нас принято называть «властью», представляет собой конгломерат различных социальных групп, руководствующихся многообразными и далеко не всегда прообщественными интересами. При едва ли вызывающей сомнения искренности намерений высшей государственной власти уменьшить масштабы коррупции, удивляет ее неразборчивость в назначении чиновников высокого уровня. Звучат

и утверждения о том, что подобное формирование окружения высшей власти – ее замысел, а не недосмотр. Еще в 1910 г. в статье с характерным названием «Русское взяточничество как социально-историческое явление» П. Бернин писал: «Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство-сволочь палыры смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и «обманывают», и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении она всегда является наиболее угодливым элементом» (цит. по: Глазкина, 2010, с. 450).

С тех пор лишь немного изменилось, а если изменилось, то не всегда в лучшую сторону. Так, по данным, которые приводит наш СМН, супруги большинства наших министров сами зарабатывают (при этом нередко считаясь домохозяйками), и зарабатывают очень много (Бруштейн, 2012; и др.). Трудно предположить, что все они являются высококалентными предпринимателями. Вероятно, их коммерческая активность – это завуалированная коммерческая деятельность их мужей, на которую те как министры (например) не имеют права. Либо им создаются «особые» условия для коммерции в силу положения, занимаемого их мужьями. Происходит обмен либерального отношения государственной власти к таким способам обогащения высших чиновников на их лояльность, а коррупция оказывается картой в более важной игре, имеющей ставку стабильность-власть. В результате формируется очень специфическая схема борьбы с коррупцией, предполагающая борьбу с коррупцией как злом, но не с высокопоставленными коррупционерами, которые признаются таковыми лишь в случае утраты ими политического «доверия». Характерно и то, что из многочисленных мер по борьбе с коррупцией, предлагаемых создаваемыми властью организациями, она систематически изымает наиболее радикальные, – такие, как, например, конфискация имущества осужденных по коррупционным статьям УК. А утрата высшими чиновниками политического «доверия» явно предшествует возбуждению против них уголовных дел. При этом справедливо отмечается, что «в странах, где существует коррупция на верхних этапах власти, легко процветают и развиваются традиции коррупционных действий в нижних слоях общества и среди простого народа» (Червасевич, 2012, с. 533). И действительно, трудно ожидать от простого народа исполнения законов, которые систематически нарушает власть. Но при этом «от коррупции страдают больше всего слабые слои населения, поскольку именно они часто не в состоянии заплатить за необходимое дорогостоящее лечение, достойное образование и жилье» (там же).

Одним из главных препятствий в борьбе с коррупцией служит также позиция отечественных неолибералов¹, в основе которой лежат две очень сомнительные системы идей. Во-первых, разработанная в зарубежной науке теория коррупции как статусной ренты, приписывающая ей позитивное влияние на экономику посредством предложения несоразмерностей бюрократической системы и т. п. Согласно этой теории, развиваемой Г. Беккером, Р. Вишни, П. Майри, В. Танци и др., участники коррупционных отношений пытаются найти оптимальный способ реализации своих интересов в условиях ограниченности ресурсов, а коррупция в целом представляет собой рациональный способ оптимизации издержек хозяйственной деятельности. Отдаётся должное и тому, что коррупция служит механизмом «компенсаторного» вознаграждения госслужащим их недостаточно оплачиваемого труда. Во-вторых, активно распространявшаяся в начале 1990-х годов идея наших неолибералов о том, что первоначальный капитал неизбежно аморален и связан с криминалом, но в дальнейшем, отделенный от своих первоначальных корней, он играет в экономике позитивную роль. В результате эта категория идеологов, придя к власти в нашей стране в 1990-е годы, отмечалась и весьма либеральным отношением к коррупции, что выразилось и в их действиях, и в высказываниях. Так, например, А. Лихвинц, отвечая на вопрос одной из московских газет, откровенно заявил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подрывать экономические реформы (Глинкина, 2010, с. 446). Естественно, подобные утверждения вытекали не только из концептуальных позиций авторов, но и из личных интересов, придавая легитимную форму их действиям, в частности, перераспределению общественной собственности в личные интересы; а не успевшему сориентироваться в происходящем населению это выдавалось за создание основ рыночной экономики.

1. Их часто называют и псевдолибералами ввиду отличия от истинных либералов. Как пишет С. В. Каргунов, «либерализм – это не Чубайс, Бурбулис, Адам, Явлинский, Хавваева и Гайдар. И уж совсем не Горбачёв и Ельцин. Либерализм – это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П. А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Гран и Ф. Рузвельт» (Каргунов, 2009, с. 193–194). А основатели российского либерализма – Б. Н. Чичерин, М. М. Сперанский, П. Н. Милюков – были бы сильно удивлены, если бы узнали, кого принято называть либералами в современной России. У наших неолибералов парадоксальным образом сочетается приверженности к экономическому либерализму и политическому авторитаризму (Алексеев, 2011; и др.).

Сыграли свою роль и псевдолиберальные идеологии более общего характера, активно навязывавшиеся российскому обществу в начале 1990-х годов и сохранившие свою влияние до сих пор: «Свобода – это полное отсутствие запретов и ограничений», «Запреты не эффективны», «Репрессивные меры себя полностью исчерпали», «Человек стоит столько, сколько он зарабатывает», «Главное – деньги, и неважно, как они заработаны» и т.п. Подчеркнем, что подобные идеологии внедрялись в массовое сознание при полном отсутствии попыток их хоть как-то обосновать и доказать, а их абсурдность с лихвой компенсировалась соответствием самым низменным устремлениям криминализированных и ленинизированных слоев населения. Так, например, идеология «Запреты неэффективны» противоречит и христианским десяти заповедям, и всей истории человечества.

Трудно не уловить прямую связь между подобными идеологиями и предельной либерализацией современного российского законодательства в отношении коррупции, – в частности, отменой Статьи УК о конфискации имущества коррупционеров и их родственников, что противоречит и практике западных стран, и международным протоколам, подписанным Россией. Показательно, что, подписав Конвенцию ООН о противодействии коррупции, наша страна сделала ряд оговорок и не приняла статью этой Конвенции о незаконном обогащении. Наказания наиболее «выдающимся» коррупционерам в современной России выглядят очень мягкими, что отмечается многими исследователями проблемы (Ниненко, 2012; и др.). Коррупционеры получают небольшие сроки тюремного заключения¹, а то и вообще отделываются условными наказаниями, выходят на свободу намного раньше окончания срока за участие в тюремной самодельности и другие формы образцового поведения в местах лишения свободы, а, освободившись, пользуются многочисленными объектами недвижимости, записанными на своих родственниках. Как отмечает С. В. Алексеев, «даже там, где коррупционные преступления удалось зарегистрировать, раскрыть и довести до суда, наказания коррупционерам назначались настолько мягкие, что говорить о социальной профилактике коррупции и социальном контроле не представлялось возможным» (Алексеев, 2011). Для сравнения: в Китае с 2000 г. за коррупцию были расстреляны 10

1 Вообще же по ст. 290 УК РФ «Получение взяток» – максимальное наказание – лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет, по ст. 291 «Дача взяток» – до восьми лет, по ст. 292 «Служебный подлог» – до двух лет.

тыс. чиновников, и около 120 тысяч были осуждены на сроки от 10 до 20 лет (Тудоровский, 2011, с. 18). Отмечается и то, что «обычно судебные разбирательства над властью имущими тянутся как резина: волокита начинается еще на уровне следственных мероприятий» (Правосудие запаздывает, 2012, с. 17).

Хотя наказания для особо ответственных коррупционеров, согласно опросам, расцениваются основной частью населения как явно непропорциональные тяжести совершенных ими преступлений, сейчас происходит дальнейшая либерализация соответствующей части законодательства. В частности, теперь будет запрещено брать их под стражу до вынесения обвинительного решения судом, что, как нетрудно догадаться, даст им возможность бесшумно скрыться за рубежом (их деньги, недвижимость, их члены семьи уже там, т.е. «западничья площадка» полностью подготовлена), не дожидаясь этого решения. Трудно не поддаться охулению, что подобные изменения законодательства принимаются под влиянием самих коррупционеров, воздействие которых на разрабатывающих и принимающих подобные законы тоже представляет собой не что иное, как одна из худших форм коррупции, хотя и проявляющийся в более «совершенных» формах, нежели взятка деньгами. Если не прямая, то, по крайней мере, косвенная коррупционная составляющая существует и в случае идеологического оправдания подобных решений нашими неолибералами, выстраивающими идеологию, не просто удобную коррупционерам, а словно бы созданную под их заказ. В частности, ими активно муссируется идея о том, что строгость наказания не влияет на количество преступлений, производная от описанных выше псевдолиберальных идеологем: «Запреты неэффективны», «Репрессивные меры себя исчерпали». Такие позиции очень для них характерны, поскольку они сохранили центральный модус советского идеологического мышления, которое можно назвать неоматериалистским: главное – идеологическая комфортность утверждений, а не их соответствие реальности¹.

Если добавить к сказанному, что неолибералы, в начале 1990-х годов обосновавшиеся во многих наших министерствах и ведомствах, сохраняют там свои позиции, назначая на ключевые должности угодных себе людей и не подпуская к ним своих идейных противников, коррупционная вертикаль самого высокого уровня получает завершение, создавая одно из главных препятствий борьбе с корруп-

1 Одним из опровержений этой идеологии служит то, что в результате повышения ответственности за ПДД в 2010 г. количество смертей на наших дорогах сократилось с 35 тыс. до 21 тыс. в год.

цисей. При этом не может не удивлять то, что отечественные нелибералы, постоянно декларирующие необходимость развития России по западному пути, категорически отвергают меры по борьбе с коррупцией, характерные именно для западных стран и рекомендуемые западноевропейскими антикоррупционными организациями.

Среди социально-психологических препятствий борьбе с коррупцией нельзя не упомянуть и общий морально-психологический климат в России, а также его более частные аспекты (Проблемы экономической..., 2004, 2005; Психология адаптации..., 2007; Психология человека..., 2009; Психология сегодня..., 2009; Психология нравственности, 2010). Например, информационную среду, формирующую снисходительное и даже поощрительное отношение к коррупции. «Честный государственный служащий, который каждый день слышит и читает, что известные политики и высшие должностные лица используют свои публичные возможности для личного обогащения, что „У нас берут все!“, может начать воспринимать себя белой вороной, жуликом, которому даже взятки никто не предлагает. В этой атмосфере он не видит сдерживающих факторов для своего личного обогащения» (Коррупция, 2011). А культивирование психологии успеха в отсутствие эффективных ограничений в способах его достижения превращает коррупцию в «распространенную, социально и психологически приемлемую» модель поведения (Алексеев, 2011). Как отмечает С. В. Алексеев, «Коррупционная система не только производит коррупционные возмещения, но и формирует механизмы воспроизводства и замещения коррумпированных субъектов. Такими механизмами являются, во-первых, особенности кадрового воспроизводства власти, позволяющие обеспечить приход во власть любого необходимого коррупционной системе человека, во-вторых, качество российской элиты, поставляющей коррупционной системе потенциально сопоставимых с ней людей» (Алексеев, 2011). В качестве одного из главных «рецептов» продолжения коррупции предлагается кардинальная смена элит, которая выглядит мало реалистичной.

В результате отсутствие в нашей стране необходимых антикоррупционных законов, принятых в большинстве стран, выражает специфический макроспсихологический контекст отношения к этой проблеме, характерный для современной России (Современные проблемы..., 2002; Психология: современные..., 2003; Современная психология..., 2007; Психология человека..., 2009; Тарabrina, Журавлев, 2012; Соснов, Журавлев, 2013а, 2013б; Современная социальная..., 2014; Современные стандарты..., 2015).

5.2. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегическое направление противодействия коррупции

Глобальные изменения российского общества, обусловленные структурными социально-экономическими преобразованиями, проявляются во всех областях жизнедеятельности людей, вызывая интеллектуальное, духовное, эмоциональное, физическое напряжение человека (Вазин, Журавлев, 2004; Психологические исследования личности..., 2007; Совладающее поведение..., 2008; Прогресс психологии..., 2009; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; Психометрические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Ушаков, Журавлев, 2011; Зинченко, Журавлев, Ковалева, Сергеев, 2012; Сумарокова, Журавлева, 2012, 2014; Психологическое здоровье..., 2014; Психологические исследования личности..., 2016). Характер, уровень и глубина этих процессов в первую очередь обусловлены экономическими проблемами.

Низкий уровень жизни, характерный для большинства россиян, порождает неподдельный интерес молодежи к проблемам достижения материального достатка (Вазин, Журавлев, 2004; Купрейченко, Журавлев, 2009; Психологические проблемы..., 2012; Журавлева, 2012а; Психологические исследования проблем..., 2013). Практика показывает, что молодые люди попадают под своего рода «ожнищ»: системные знания, получаемые в организованном образовательном пространстве (в школе, вузе и т. д.) перекрываются потоком хаотичной информации «с улицы».

Таким образом, в современных социально-экономических условиях России принципиально важно научить молодых людей не только рациональному поиску источников доходов, использованию и распределению экономических ресурсов, непрерывному планированию, учету и контролю данных процессов, но и строгой необходимости в процессе реализации экономических целей держаться в рамках правового законодательства. Поэтому исследования современных психологов должны быть направлены как на выявление наличных структурных компонентов экономического сознания современной молодежи, так и на поиск инновационных возможностей формирования экономического правосознания молодежи.

Проблема сознания в современной психологической науке

Сознание в современной психологической науке трактуется как высшая, свойственная человеку форма обобщенного отражения объ-

сативных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, формирования у него внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности. А.Н. Леонтьев назвал сознание «центральной тайной человеческой психики», а Ф. Перлз – «испытанием величайшей тайны».

Проблема сознания, как и проблема человека в целом, имеет маргинальный статус, она исследуется в контексте многих наук: философия, логики, нейрофизиологии, антропологии, социологии, педагогики и т.д. Каждая из названных наук выделяет в сознании свой аспект изучения. Разработанные в конкретных научных исследованиях данные о сознании трудно соединимы в целостное научное представление о нем. Некоторые исследователи сводят к нему всю психику, другие рассматривают его как незначительную часть психики, третьи и вовсе исключают его из рассмотрения в рамках психологической науки. В частности, сознание определяют как некую самоочевидную, неоспоримую субъективную данность человеку его собственных психических переживаний (Рене Декарт); взаимодействие представлений (И. Гербарт); постоянно изменяющийся поток впечатлений (У. Джемс); часть процессов поведения, которая может быть вызвана или замаскирована словами, т.е. вербализована (Дж. Уотсон); паутину, сотканную из значений или смысла слов (М. Вебер); психическую причинность (В. Вундт); восприятие и понимание окружающего (В. Дильтей); особую функцию мозга, благодаря которой человек приобретает знания о природе и о самом себе (Ж. Ламарте); отношение к среде (К. Маркс) и т.д.

Среди наиболее продуктивных концепций сознания находится идея «потока сознания», выдвинутая американским психологом У. Джеймсом более 100 лет назад. С точки зрения У. Джеймса, «сознание личности заключается в осознании потока мысли, в котором каждая часть в качестве субъекта помнит предшествующие, знает известные этим частям объекты, сосредоточивает на некоторых из них свои заботы как на своей личности и признавает последней все остальные элементы познания» (Джеймс, 1971). По мнению автора, выполняя функцию приспособления, сознание преодолевает трудности адаптации, когда запаса реакций (рефлексов и навыков) недостаточно для адекватной реакции на возникающую ситуацию: фильтрует стимулы, отбирает из них значимые, сопоставляет их между собой и регулирует поведение индивида на основе его личных предпочтений и приоритетов.

Он считал, что как дома составляют из кирпичей, так психологи из ощущений как «атомов душевной жизни» складывают высшие состояния сознания: ассоциации, интеграции или смещения. Состояния сознания постоянно сменяют одно другое. Он выделял четыре основных свойства сознания:

- каждое состояние сознания стремится быть частью личного опыта;
- в границах личного сознания его составная изменчива;
- всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений;
- одни объекты сознание воспринимает охотно, другие отвергает, постоянно делая выбор.

Некоторые исследователи трактуют сознание как нечто внешоявное, лишь как условие протекания психических процессов. Такова, в частности, позиция В. Вундта, который полагал, что сознание – это причастность и поэтому мы не можем познать сущности сознания. «Все попытки определить сознание... приводят или к тавтологии, или к определениям происходящих в сознании действий, которые уже потому не суть сознания» (Вундт, 1880, с. 738). Ту же мысль мы находим у П. Наторпа: «сознание лишено собственной структуры, оно лишь условие психологии, но не ее предмет. Хотя его существование представляет собой основной и вполне достоверный психологический факт, но оно не поддается определению и выводу только из самого себя» (Наторп, 1888, р. 112).

Стремление познать специфику сознания и обозначить его границы мы находим в концепции выдающегося отечественного психиатра, невропатолога, психолога и физиолога В. М. Бехтерева. Он, опираясь на выдвинутую И. М. Сеченовым рефлекторную концепцию психической деятельности, разработал естественнонаучную теорию поведения. Выступая в оппозиции к традиционной антропоспективной психологии сознания, ученый выдвинул теорию объективной психологии. Он писал, что под сознанием следует понимать ту субъективную окраску или то субъективное, т. е. внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое состояние, которое сопровождает многие из наших психических процессов. Благодаря этой субъективной окраске человек может различать свои психические процессы по их сложности и тем или другим присущим им особенностям. Бехтерев описал типологические формы состояния сознания человека. Простейшей формой сознания следует признавать то состояние, когда еще не выработано ни одного более или менее ясного

представления. Более сложным является сознание в том случае, когда в нем присутствуют уже те или другие представления. Следующей по сложности формой сознания является сознание пространства, т. е. то состояние сознательной сферы, когда человек может уже создавать пространственные представления об окружающем его мире. Несколькими более сложной является та форма сознания, когда человек улавливает уже последовательность внешних явлений, благодаря чему вырабатывается сознание времени. Дальнейшую по сложности ступень сознания представляет сознание своей личности, иначе говоря, то состояние сознания, когда в его сферу могут быть введены те представления, которые составляют, так сказать, интимное ядро личности: нравственные, религиозные, правовые. Высшей ступенью сознания должно быть признаю, без сомнения, то состояние внутреннего мира, когда человек, с одной стороны, обладает способностью по произволу вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, с другой – может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, – иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы.

По мере того как из жизни и деятельности человека, из его непосредственных безотчетных переживаний выделяется рефлексия на мир и на самого себя, психическая деятельность начинает выступать в качестве сознания. Возникновение сознания связано с выделением из жизни и непосредственного переживания рефлексии на окружающий мир и на самого себя, как отмечает С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1957). Он указывает, что предметом осознания могут стать и психические явления, переживания. Сказать, что осознание или неосознание тех или иных вещей и явлений зависит от их «силы», значит тем самым сказать, что осознание (или неосознание) зависит не только от знания, позволяющего опознать предмет, но и от отношения, которое этот предмет или явление вызывает у субъекта. Из данной позиции следует предположение, что для осознания существует, очевидно, некоторая оптимальная сила «раздражителя».

Нельзя не отметить и феномен «направленности сознания». С. Л. Рубинштейн отмечает, что помимо силы раздражителя как таковой при изучении процесса осознания надо учитывать и ее направление. «Явления, оказывающиеся для субъекта антагонистически действующими силами, взаимно тормозят их осознание. Этим обусловлены трудности, на которые наталкивается осознание эмоционально действующих явлений; всегда наделяемых положительным и

или отрицательным знаком, а иногда и одним и другим», – отмечает автор. Отсюда возникает затруднительность осознания своих собственных побуждений в тех случаях, когда эти частные побуждения того или иного поступка находятся в противоречии с устойчивыми установками и чувствами человека. Таким образом, в поле сознания вводится и эмоциональный фон чувствований и переживаний человека. При этом, осознанное и неосознанное предлагается отличать не тем, что в одном случае все исчерпывающе осознается, а в другом – ничего не осознано. Различение осознанного и неосознанного требует учета того, что в каждом конкретном случае осознается самим индивидом. Таким образом, в рамках данной концепции, чтобы действие было признано осознанным, необходимо и достаточно осознание человеком его цели и ближайших его последствий.

Обобщая свою теорию, автор отмечает, что возникновение сознания – это возникновение сознательных действий, сознательного поведения. Именно сознательное поведение, сознательная деятельность – это специфический способ существования человека.

Одной из изучаемых проблем сознания была и остается его структура. Специфические представления о структуре сознания принадлежат австрийскому психологу, психиатру и невропатологу Зигмунду Фрейду. Согласно его взглядам, сознание имеет иерархическую структуру: подсознание, сознание, сверхсознание. В этой структуре основная функция в объяснении целостного сознания ложится на подсознание.

Выдающийся отечественный психолог Л. С. Выготский развил идею Л. Фейербаха о существовании сознания для сознания и сознания для бытия. Им были выделены в сознании два слоя: бытийный и рефлексивный. На бытийном слое сознания решаются очень сложные задачи, так как для эффективного в той или иной ситуации поведения необходима актуализация нужного в данный момент образа и нужной двигательной программы, т.е. образ действия должен вписываться в образ мира.

Мир идей, понятий, житейских и научных знаний соотносится со знанием рефлексивного сознания. Когда предметом сознания является само сознание, говорят о рефлексивной форме сознания. Рефлексия характеризуется как приобретаемая сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и специфическим значением.

Стремление определять структуру сознания предпринял А. Н. Леонтьев. В структуре сознания им были выделены три основных

структурных компонента: чувственная ткань образа, значение и смысл.

Чувственную ткань, согласно А. Н. Леонтьеву, образует чувственный состав конкретных образов реальности, которые различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д. Благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает как реальность, существующая не в сознании, а вне его. Природа чувственных психических образов состоит в их предметности. Они возникают в процессе деятельности и связывают человека с внешним миром, который открывается ему в своей чувственно движимой предметности (Леонтьев, 1999).

Значение рассматривалось А. Н. Леонтьевым как осознание человеком своего бытия и как реальная психологическая «единица сознания», как факт индивидуального сознания. Имеются разные классификации видов значения. В частности, выделяют операциональные, предметные и вербальные значения. Операциональные значения связаны с биодинамической тканью, предметные – с чувственной, вербальные – преимущественно со смыслом.

Смыслы, как и значения, связаны со всеми компонентами структуры сознания. Согласно А. Н. Леонтьеву, понятие смысла выражает укорененность индивидуального сознания в бытии человека. Оно указывает на то, что индивидуальное сознание несводимо к безличному знанию, что оно, в силу принадлежности живому субъекту и реальной включенности в систему его деятельностей, всегда страстно, что сознание есть не только знание, но и отношение. Он отмечал, что смыслы, как и значения, связаны со всеми компонентами структуры сознания.

В сознании каждого человека знание представлено в некоторой специфической, индивидуальной ограниченности. Это значит, что знание выступает в субъективных формах, из чего следует, что индивидуальное познание совершается в сознании человека.

Сознание всегда является осознанным бытием. Оно формируется в процессе общественной практики и определяется через свое отношение к предмету сознания. Сознание – не только знание и отображение, рефлексия бытия, но и практическое отношение к нему субъекта.

Б. Ф. Ломов определяет сознание как идеальное отражение бытия, отмечает его общественный характер. Сознание как идеальная форма отражения бытия имеет реальный смысл только в обществе и для общества; результаты идеального отражения, возникая в процессе общественной жизни, диктуемые ее потребностями, равно

или вообще в ней же и воплощаются, реализуются, овеществляются в продуктах человеческой деятельности.

Проблема индивидуального уровня общественного бытия человека продуктивно исследована К. А. Абульхановой-Славской, которая показала, что сознание порождается и формируется как «психологический механизм» включения индивидуального бытия в жизнь общества и вместе с тем общественного бытия в жизнь индивида. Развитие индивида как члена общества необходимым образом предполагает и развитие его сознания. Не овладев этой формой, он не может развиваться как человек, как член общества, как личность (Абульханова-Славская, 1980).

Общая концепция данных позиций сводится к тому, что сознание развивается у человека только в социальных контактах. В филогенезе сознание человека развивается и становится возможным лишь в условиях активного воздействия на природу.

Проблема активности сознания разработана Н. Ф. Добрыниным, который полагает, что особенное значение для активности сознания человека имеют его убеждения. Убеждения вытекают из мировоззрения, которое тесно связано со знаниями человека о закономерностях развития природы и общества. Однако одних знаний недостаточно. В мировоззрение обязательно входит и определенное отношение человека к этим знаниям. Благодаря наличию таких отношений знания могут получать различную значимость для личности. Однако необходимость разобраться во всем окружающем, познать, что и отчего происходит, неизбежно выражается в дальнейшем поведении, во всех поступках человека. Чем больше знаний получает человек и чем более точными будут эти знания, тем лучше будут они отражать реальную действительность, тем лучше, точнее и полнее может человек регулировать свое поведение. Таким образом, сознание по своему существу – не только созерцание, отображение, рефлексия, но также отношение и оценка, признание, стремление и отвержение, утверждение и отрицание.

Развитое сознание индивидов характеризуется своей психологической многомерностью. В явлениях сознания мы обнаруживаем прежде всего их чувственную ткань. Эта ткань и образует чувственный состав конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или только воображаемой. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д. Обо всем этом написано многие тысячи страниц. Однако эмпирическая психология постоянно обходила важнейший с точки

принятия проблемы сознания вопрос о той особой функции, которую выполняют в сознании его чувственные элементы.

Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира.

Таким образом, столь различными ни бывают люди по своему характеру и образу жизни, у них в данном общественном строе есть то общее, что объединяет их убеждения. Эти убеждения, опирающиеся на мировоззрение, отражаются на всей деятельности человека, являются самой большой силой, вызывающей активность сознания. А так как в убеждениях сказывается всегда отношение человека к постижимым им закономерностям мира, то убеждения всегда окрашены сильным чувством – показателем значимости того, в чем человек убежден.

В современной психологической теории исследуются функции сознания. Остановимся подробнее на данном аспекте проблемы.

Когнитивная функция только на уровне сознания выступает как познание в полном смысле этого слова, т. е. как активное целенаправленное приобретение знаний. «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, – писал Маркс, – это знание» (Маркс, 1974, с. 510). При этом прежде всего имеются в виду знания как идеальные результаты отражения, созданные в процессе общественно-исторической практики и «отлитые в форму» научных, идеологических, этических и других идей, принципов, норм и т. д. Обладая ими, индивид вместе с тем усваивает и складывавшиеся виды общественного сознания.

Коммуникативная функция сознания получает на уровне сознания свое наиболее полное развитие. Более того, сознание без этой функции вообще не могло бы существовать как идеальная форма отражения бытия. Именно идеальное отражение создает возможность качественно своеобразных форм человеческого общения, и вместе с тем в процессе общения развивается само идеальное отражение. Коммуникативная функция сознания формируется и развивается в процессе общения между людьми, которое является необходимой «составляющей» жизни общества.

Основная характеристика регулятивной функции на уровне сознания – ее произвольность: поведение индивида реализуется как приложение его воли. Необходимость произвольной регуляции собственного поведения обусловлена социальным бытием индивида. Включаясь в общественные отношения, он должен регулировать свое поведение в соответствии с требованиями природной и социально-экономической среды обитания. Уровень развития саморегу-

личия, в конечном счете, определяется общественно-организованным образом жизни индивида.

Обобщая, можно отметить, что функция сознания заключается в формировании целей деятельности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, что обеспечивает разумное регулирование поведения и деятельности человека. Можно сказать, что сознание в одном из своих значений служит для регуляции поведения, для приведения его в соответствие с потребностями людей и с объективными условиями, в которых оно совершается. Сознательное поведение, сознательная деятельность – это специфический способ существования человека. Данные теоретические положения обретают особую актуальность для исследования проблем правосознания личности, поскольку дают ориентиры для понимания, диагностики, оценки, прогнозирования и формирования экономического правосознания.

Проблема правосознания в психологической теории и социальной практике

Правосознание – это сфера общественного или индивидуально-го сознания, включающая правовые знания, отношения к праву и правоприменительной деятельности. Проблемы правосознания, его места и роли в социальной жизни всегда были в центре внимания представителей российской правовой науки (Н. И. Алексеев, Н. Г. Александров, А. Д. Бойков, В. В. Гончаров, А. С. Гречин, В. Н. Демидов, А. И. Долгова, Г. Х. Ефремова, И. А. Ильин, В. И. Каминская, Е. А. Кистяковский, Е. А. Лукашева, М. И. Марченко, Г. М. Миньковский, И. Б. Михайловская, А. В. Мышквич, Г. С. Остроумов, Е. А. Певцова, П. И. Петражицкий, О. В. Приставский, А. Р. Ратнов, Н. Я. Соколов, В. В. Тихоненко, Е. Н. Трубецкой, И. Е. Фербер, В. М. Хвостов, И. М. Хиль, О. Г. Шатнева, В. А. Ядов).

Изучением правового сознания различных слоев и групп населения исследователи стали заниматься со второй половины 1960-х годов. Начало этому было положено рядом публикаций о всеобщей неоднородности правосознания, о его регулятивной функции как детерминанты юридически значимого поведения. Наиболее значительный вклад в разработку проблематики правосознания населения внесли А. Д. Бойков, А. С. Гречин, А. И. Долгова, Г. Х. Ефремова, К. Е. Игошев, В. П. Каземирчук, В. И. Каминская, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Е. А. Лукашева, Г. М. Миньковский, И. Б. Михайловская, А. Р. Ратнов, Н. Я. Соколов, Т. Г. Шавгулидзе и др. Конкретные

исследования были направлены на выяснение состояния и содержания общественного правосознания; на определение содержания и механизмов функционирования общественного мнения о законности, преступности и его влияния на состояние правопорядка, обратного воздействия преступности и мер борьбы с ней на общественное сознание – социальное поведение и правовую культуру. Продолжают осуществляться теоретико-прикладные исследования, которые затрагивают такие проблемы, как: психологические механизмы правомерного и противоправного поведения; процессы правовой социализации; взаимосвязь правосознания и состояния законности и правопорядка; ценностные ориентации в правовой сфере; образ правовой действительности в общественном правосознании; выявление и учет общественного мнения в решении задач укрепления законности и правопорядка.

В области исследования проблемы правосознания, как видно из приведенных данных, существует немало научных работ, однако каждый эпоха вносит свои коррективы в развитие личности. Эти непрерывные процессы формирования правосознания человека в обществе, в свою очередь, требуют всестороннего научного изучения.

Правосознание представляет собой основу и органическую составную часть правовой жизни организованного в государство общества, сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентиров, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях. При этом на формирование и развитие правосознания как одну из форм общественного сознания оказывают воздействие социально-политические, экономические, культурные факторы, оно взаимосвязано и взаимодействует с политическим сознанием, моралью, искусством, религией, философией, наукой.

В научной литературе, в зависимости от базового элемента права, выделяют три основных подхода к пониманию права: норма права, правосознание, правоотношение.

Анализ правового сознания как самостоятельной формы российского общественного сознания обязательно связано с выделением его характерных черт, признаков, специфики (см.: Аграновская, 2002). Сюда можно отнести следующие позиции:

- правосознание является одной из составляющих общественного сознания, которое трактуется как «распространенные в обществе политические, правовые, нравственные, художественные, религиозные, научные и философские взгляды людей, их чувства,

- настроения и переживания, выражающие отношения к протекающему общественно-историческому процессу» (там же, с. 15);
- правосознание включает в себя теории, идеи, чувства, представления, ценности, ожидания, настроения, складывающиеся у различных индивидов и социальных групп на основе их включения в систему правоотношений;
- особенностью правосознания является осуществление им одновременно рефлексии и созерцания: в первом случае оно познает само себя, определяет собственный уровень развития, а во втором происходит правовое осознание юридической материи;
- правосознание – это саморефлексия, отображение юридической действительности через призму индивидуального интереса и мировоззрения;
- правосознание выступает как элемент мотивации действий индивида и социальных групп в соответствии с нормами права;
- правосознание способно опережать практику, прогнозировать развитие тех или иных процессов в сфере права;
- правосознание есть осмысление, осознание социально-правовой действительности, для него характерно признание социальных норм (желаемых стандартов, образцов, эталонов поведения); это признание личностью обязательного подчинения установленным государством, содержащимся в юридических нормах;
- правосознание вырабатывает свой категориальный, понятийный аппарат, который, по сути, и характеризует правовую реальность.

Согласно теоретической концепции, разделяемой многими авторами, основными функциями правосознания выступают (как и сознания) познавательная, оценочная и регулятивная.

Результатом регулятивной функции является поведенческая реакция субъекта права в виде правомерного или противоправного поведения, т.е. правосознание выступает «механизмом срабатывания» правового предписания в сознании человека и проявления его в поступках, действиях. Эта функция реализуется через систему мотивов, ценностных ориентаций, правовых установок, которые выступают специфическими регуляторами поведения.

Познавательная функция правосознания осуществляет познание жизни через восприятие и осмысление правовых явлений. Человек выступает субъектом такого познания и использует представления о сущем и должном праве для выполнения своих задач в правовом регулировании.

Оценочная функция правосознания состоит в оценке конкретных жизненных обстоятельств как юридически значимых, с точки зрения своих представлений о праве, законности, должном поведении. Для того, чтобы оценить то или иное поведение с позиции права, необходимо иметь достаточный уровень правосознания. Так, французский юрист Ж. Карбонье полагал даже, что если человек обладает развитым правосознанием, то ему не нужна информация о законе. При развитом правосознании гражданин сумеет самостоятельно понять, что является законным, и будет этим руководствоваться при проявлении активности, использовании своих прав и свобод (Карбонье, 1986).

Результаты изучения состояния общественного мнения особенно важны для установления постоянных обратных связей правоохранительных органов с населением, так как ни один государственный орган, ни одно звено правоохранительной системы не может эффективно функционировать без хорошо налаженного механизма этих прямых и обратных связей. Являясь каналом такой связи, общественное мнение раскрывает субъективный настрой различных групп и слоев населения, их социально-правовое самочувствие. Кроме того, результаты исследований дают возможность своевременно реагировать на процессы, происходящие в массовом сознании. Исследования со всей очевидностью диктуют необходимость построения постоянно действующей «следящей» системы, объективно фиксирующей изменения в настроениях, взглядах, оценках, установках и ориентациях различных групп населения и обеспечивающей своевременное реагирование на назревающие процессы. При этом речь должна идти о способности системы выявлять в самом зачатке зарождение общественно опасных тенденций в массовых движениях, чреватых, при непринятии своевременных мер реагирования, обернуться взрывами недовольства, межнациональными столкновениями, гражданским неповиновением, массовыми беспорядками. В этих условиях особенно актуальной становится практическая потребность в упреждающих мерах социального управления и программирования в деятельности правоохранительных органов на основе выявления и учета общественного мнения.

Анализ юридической литературы показал, что на протяжении многих лет в нашей стране практически не велось исследования экономического правосознания населения, в том числе и молодежи. Это лишний раз подчеркивает необходимость подобных исследований в современных условиях развития общества.

*Психологические основы теоретического анализа
экономического поведения личности*

Проблема экономической сферы сознания, как и сознания в целом, имеет маргинальный статус, т.е. исследуется в контексте многих наук: экономики, политологии, философии, логики, социологии, педагогики и т.д. Каждая из названных наук выделяет в сфере экономического сознания свой сегмент исследования и аспект теоретического и эмпирического анализа. Разработанные в конкретных научных исследованиях данные о сфере экономического сознания личности многочисленны и носят разрозненный и фрагментарный характер, и говорить о создании целостного научного представления о сфере экономического сознания не приходится (если об этом можно говорить вообще).

Конечно, то, что справедливо для сознания в целом, справедливо и для отдельных условных сфер его анализа. Соответственно, по аналогии с основными идеями концепций сознания (Р. Декарта, И. Гербарта, У. Джемса, Дж. Уотсона, М. Вебера, В. Вундта, Ж. Ламарти, К. Маркса), экономическую сферу сознания можно определять как некую самоочевидную, неоспоримую субъективную экономическую реальность человека, его собственных экономических переживаний; как взаимодействие экономических представлений; как постоянно изменяющийся поток экономических впечатлений; как часть экономических процессов поведения, которая может быть вызвана или замещена словами, т.е. вербализована; как паутину, сотканную из значений или смысла экономических слов; как психо-психологическую причинность; как восприятие и понимание окружающего экономического мира; как особую функцию мозга, благодаря которой человек приобретает знания об экономике и самом себе; отношение к экономической среде и т.д.

Опираясь на концепцию сознания У. Джемса, можно создать некую обобщенную теорию экономической сферы сознания. Можно принять за основу, что экономическая сфера сознания личности заключается в осознании экономико-ориентированного потока мысли, в котором каждая часть в качестве субъекта помнит предшествующие, знает известные этим частям экономические объекты, сосредоточивает на некоторых из этих экономических реальностей свои психологические ресурсы и присваивает последней мысли все остальные элементы познания. Таким образом, выполняя функцию приспособления, экономическая сфера сознания адаптируется к заданным социально-экономическим условиям среды. В случае, когда запаса адекватных требованиям среды и потребностям личности

реакций недостаточно для адекватной адаптации к возникающей социально-экономической ситуации, экономическая сфера сознания фильтрует стимулы, отбирает из них значимые, сопоставляет их между собой и регулирует поведение индивида на основе его личных экономических предпочтений и приоритетов.

Адаптируясь к внешним условиям среды и внутренним (потребности) условиям экономической жизнедеятельности, состояния экономической сферы сознания сменяют одно другое на основе закономерностей, выделенных У. Дреймсом (см. выше). Экономическая сфера сознания функционирует как непрерывно изменяющийся поток сознания, при котором человек планомерно принимает экономические решения, посредством которых складываются и изменяются социально-экономические условия его жизнедеятельности.

Экономическая сфера сознания имеет свои границы, в рамках которых, и опираясь на которые происходит принятие экономических решений. Для определения границ экономической сферы сознания личности наиболее подходит концепция В. М. Бехтерева (типологические формы состояния сознания человека) (Бехтерев, 1999), которая будет полезна для анализа экономической сферы сознания (в несколько адаптированной, конечно, вариации).

Простейшей формой экономического сознания следует признавать то состояние, когда еще не выработано ни одного более или менее ясного представления о совокупности средств, объектов и процессов, используемых для удовлетворения экономических потребностей человека посредством соответствующей экономической деятельности. В этом случае существует лишь неясное безотносительное чувствование собственного экономического существования, которое может иметь как положительный, так и отрицательный эмоциональный окрас.

Более сложным является экономическое сознание в том случае, когда в нем присутствуют уже те или другие представления о процессах производства, распределения, обмена экономических благ и услуг, а также об отношениях, возникающих в ходе данного процесса. В этом случае наиболее элементарной формой сознания следует признавать ту, при которой в сознании присутствует главным образом одна группа представлений о своем экономическом Я как субъекте и его отличия от не-Я, на основе которых вырабатываются представления об экономическом мире в целом.

Следующей по сложности формой сознания является сознание экономического пространства, т. е. то состояние экономической сферы сознания, когда человек может уже создавать пространственные

представления об окружающем его экономическом мире – субъектах, объектах и процессах экономической деятельности на уровне домохозяйства, предприятий и государства. На основании этих пространственных экономических представлений человек получает возможность ориентироваться относительно окружающей среды.

Несколько более сложной является та форма экономического сознания, когда человек уже улавливает последовательность внешних экономических явлений, благодаря чему вырабатывается сознание времени в развитии экономических процессов. Сюда можно отнести динамическое отражение экономических процессов и явлений, т. е. понимание человеком ситуативных, текущих и исторических процессов и явлений, происходящих в экономической сфере самого человека, общества и государства.

Дальнейшую (по сложности) степень экономического сознания представляет осознание своей личности как субъекта экономической деятельности, т. е. понимание себя как источника познания и преобразования экономической действительности. Это такое состояние экономического сознания личности, когда в его сферу могут быть введены ряды представлений, которые обеспечивают ее экономическое состояние: нравственные, религиозные, правовые и социальные представления о функционировании экономики, призванной удовлетворить потребности людей в материальных и духовных благах.

Наконец, высшей степенью сознания выступает то состояние внутреннего мира, когда человек, с одной стороны, обладает способностью произвольно вводить в сферу экономического сознания те или другие из бывших прежде в его сознании экономических представлений, с другой – может давать отчет о происходящих в обществе социально-экономических явлениях, о значении одних представлений другими, – иначе говоря, может анализировать происходящее как в его экономическом сознании, так и во внешней среде экономические процессы.

Анализ ситуаций, происходящих в экономической жизни человека и в условиях внешней социально-экономической среды, не может быть свободен от чувственных переживаний, т. е. осознание или неосознание тех или иных экономических явлений и процессов зависит не только от знания, позволяющего опознавать эти явления и процессы, но и от отношения, которое это осознание (или неосознание) вызывает у субъекта. Из данной позиции следует предположение, что для осознания существует, очевидно, некоторая оптимальная сила «раздражителя», при этом нельзя не отметить и феномен «на-

правленности сознания». Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «явления, оказывающиеся для субъекта антагонистически действующими силами, взаимно тормозят их осознание. Этим обусловлены трудности, на которые наталкивается осознание эмоционально действующих явлений; всегда наделенных положительным или отрицательным знаком, а иногда и одним и другим» (Рубинштейн, 1957, с. 54). Таким образом, в поле экономического сознания вводится и эмоциональный фон чувствований и переживаний человека. При этом осознанное и неосознанное предлагается отличать не тем, что в одном случае все истощивающее осознается, а в другом это невозможно, а исходить из осознаваемых желаний и целей человека как вбирающих в себя и неосознаваемые компоненты экономического сознания. В рамках данной концепции осознание экономико-ориентированных целей является индикатором экономического сознания личности, с которого можно считывать и ее отношение к социально-экономической реальности, и к образующим ее сегментам.

Обобщая свою теорию, автор отмечает, что возникновение сознания – это возникновение сознательных действий, сознательного поведения. Таким образом, мы можем исходить из того, что экономического сознание (осознанное или неосознанное) находит свое отражение именно в сознательном экономическом поведении личности. Наиболее показательным процессом проявления экономического сознания в поведении человека является его сознательная экономическая деятельность, а наиболее ярким продуктом экономического сознания является концепция экономической самореализации (деятельности) личности.

Таким образом, можно утверждать, что экономическое правосознание (через систему мотивов, ценностных ориентаций, правовых установок) выступает «механизмом срабатывания» правового предписания в сознании человека, которое проявляется в поступках и действиях личности. Иными словами, экономическое правосознание регулирует поведенческие реакции субъекта права в виде правомерного или противоправного экономического поведения. Познавательная функция экономического правосознания осуществляется через восприятие и осмысление экономических явлений и процессов и их правовой оценки. Оценочная функция экономического правосознания состоит в оценке конкретных экономических обстоятельств и событий как юридически значимых, сделанной с точки зрения своих представлений о праве, законности, должном поведении.

В области исследования проблемы правосознания, как видно из приведенных ранее данных, существует немало научных работ,

однако проблема экономического правосознания до сих пор остается переработанной, что, в свою очередь, требует всестороннего научного изучения процесса формирования и развития экономического правосознания как составного элемента общего правосознания человека, что позволит вносить коррективы в развитие личности с учетом социально-экономических и правовых условий общества.

Психологические основы формирования экономического правосознания молодежи

На формирование и развитие правосознания как одной из форм общественного сознания оказывают воздействие социально-политические, экономические, культурные факторы; оно взаимосвязано и взаимодействует с политическим сознанием, моралью, искусством, религией. Специфика правосознания состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму справедливого, праведного, свободного в границах правомерного и противоправного.

Экономическое правосознание – сложное структурное образование, которое может быть раскрыто через анализ составляющих его структурных элементов. Мы будем исходить из позиции, что экономическое правосознание – это сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая социальную действительность в форме экономико-правовых знаний, правовых представлений и отношений к праву и правоприменительной деятельности в экономической сфере, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых экономических ситуациях.

Таким образом, мы можем говорить, что формирование адекватных рыночным условиям развития общества экономико-правовых представлений молодежи способствует оптимизации ее экономического правосознания и выступает стратегическим фактором развития современного общества.

Обобщая теоретическую часть исследования, можно отметить следующее.

Формирование экономического правосознания личности должно опираться на следующие позиции. Развитие личности в экономической деятельности регулируется совокупной системой ее индивидуальных мотивов и целей. Методологически данный подход может реализовываться посредством внешнего психолого-педагогического воздействия, опирающегося на индивидуальную систему экономических ценностей и знаний, способствующих достижению сохра-

всего) целостности личности и ее нарушающих правовые основы ее социально-экономической деятельности. В этом случае каждый молодой человек под руководством преподавателя сам берет на себя ответственность за решение актуальных экономических проблем, которая принимается им на основе осознания смысла жизни и соответствующих данному смыслу социально-экономических и общественно-политических потенций, а также разработкой и выбором социально приемлемых способов их реализаций (Китова, 2003).

Методика формирования психологической готовности студента к экономической деятельности предполагает реализацию комплекса психологических функций, среди которых: диагностика уровня и структуры такой готовности; самопознание личностных характеристик человека, необходимых для достижения экономически значимых результатов; поиск личностного смысла и смысла экономической деятельности; анализ и коррекция знаний рыночной среды; нейротренинговое программирование и тренинги, ориентированные на оптимизацию наличных ресурсов личности. В результате комплексной реализации этих функций может происходить зарождение и развитие психического новообразования – готовности к экономической деятельности в условиях рыночных отношений, которая направлена на достижение изменений, связанных с адекватным личностным конструированием экономической деятельности в изменяющихся социально-экономических условиях общества. Опыт экономического конструирования усваивается, субъективизируется и становится реальной формой экономического сознания студента на когнитивном, бытийном и рефлексивном уровнях, что выступает движущей силой индивидуального развития его сознания.

Разработанная авторская программа позволяет диагностировать частные и общие характеристики развития экономического сознания студентов и на их основе формировать их индивидуальные способности к самоуправлению и осознанному отношению к экономическим явлениям, фактам и событиям изменяющихся условий жизнедеятельности, в соответствии с компетентностными новообразованиями в поле сознания. Содержательно такая программа включает в себя когнитивный, эмоциональный, поведенческий и деятельностный компоненты, которые отражают специфику успешной экономической социализации личности в современных условиях развития общества.

Психологическая программа формирования экономической компетентности должна подчиняться закономерной логике психолого-

педагогического воздействия. Сначала у молодежи формируются знания и представления о предмете или явлении, затем вырабатывается соответствующее отношение к нему и далее осваиваются адекватные способы поведения и деятельности в реально заданной ситуации, что выступает психолого-педагогическим условием формирования (развития) экономического сознания молодежи. Оптимизация социально-правовых представлений должна быть направлена на формирование избирательного отношения к социально-экономической и социально-правовой информации, на развитие умения ее ранжировать, проектировать на ее основе ситуации экономической самореализации, не нарушающие установленного правопорядка современного российского общества. Использование данного методологического подхода отвечает логике формирования антикоррупционного сознания молодежи, хотя конкретные методики его формирования еще требуют детализированной разработки и тщательной апробации.

5.3. Перспективные фундаментальные и поисковые исследования социально-психологических механизмов противодействия коррупции

По поводу сегодняшнего состояния коррупции в российском обществе высказываются, например, ведущие аналитики – А. Нагорный, В. Смирнова, члены «Изборского клуба»: «Народ России вроде бы безразличен. Но это нехорошая тишина – затишье перед бурей. Люди с возмущением смотрят на все, что происходит вокруг них, и мысленно задают себе вопросы – когда все это кончится, и кончится ли это вообще? Кто и каким образом за все происходящее безобразие должен отвечать? Безответственность власти нельзя наращивать бесконечно. Она, словно ядерный заряд, имеет свою критическую массу, после достижения которой – взрыв неизбежен» (Смирнова, Нагорный, 2013, с. 3).

В Посланиях Президента Федеральному Собранию в 2013 и 2014 гг. содержится много позитивных идей в отношении развития страны в глобальном противостоянии вызовам кризисного развития современной цивилизации, включая и проблему коррупции. Вопрос в том, как эта ориентация будет воплощаться в реальной политике.

Естественно, в предлагаемых способах противодействия коррупции нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера (Проблемы совер-

шенствования законодательства...», 2014). В то же время формируются понимание того, что их недостаточно даже при условии не только принятия, но и выполнения соответствующих законов, что правовые меры должны дополняться неюридическими, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи.

Прежде всего регулярно отмечается необходимость (и дефицит) воли – власти государства и всего нашего общества – к преодолению коррупции. Как отыскает Ю. Ю. Болдырев, «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного – воли к решению проблемы» (Болдырев, 2010, с. 456). Без дефицита, конечно, можно списать на то, что с коррупцией борются (или делают вид, что борются) в основном чиновники, значительная часть которых сама коррумпирована; коррупция по-своему удобна власти; у нас пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать то, к чему они не мотивированы; отечественные чиновники имеют слишком много разрешительных функций; отсутствует полноценный политический плюрализм и т. п. Это переводит поиск причин коррупции в плоскость политическую.

В то же время большую роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде и во властных структурах, хотя, разумеется, и зависящие от них. Так, совершенно очевидно, что практика борьбы с коррупцией для того, чтобы быть по-настоящему эффективной, должна носить массовый характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие слои населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках.

Это предполагает изменение сансанного выше достаточно толерантного общественного отношения к коррупции как к неизбежному, неискоренимому и же очень значительному злу.

Некоторые исследователи считают, что коррупция разрушает устои государства. Данная позиция не совсем безосновательна, однако ее универсализация делает ее абсурдной. Так, например, исследования, проведенные Всемирным банком, показали, что коррупция, помимо ее прочих негативных социальных и экономических эффектов, не столько преодолевает бюрократию, сколько содействует появлению новых и притом бессмысленных бюрократических правил, применение которых отдается на усмотрение чиновников, что порождает новый виток коррупции (Глинкина, 2000). По мнению отечественных экспертов, опрошенных фондом ИНДЕМ, основ-

ные подержки коррупции – разрушение государственной системы, государственного аппарата, правоохранительных органов и механизмов нормальной рыночной экономики, уменьшение инвестиций, торможение экономического развития, политическая нестабильность, угроза демократии и др. (Диагностика российской коррупции..., 2001). А по расчетам американского экономиста Шан-Чин Вая, увеличение индекса коррупции на один балл (при десятибалльной шкале) сопровождается падением на 0,9% прямых иностранных инвестиций (Нумов, 2008). Отмечается и тот факт, что коррумпированные режимы никогда не пользуются «любовью» граждан, всегда очень неустойчивы и создают высокую вероятность революций (там же). И вполне закономерно, что, по данным опросов, наши сограждане считают коррупцию главной проблемой современной российской экономики (Что является основной проблемой..., 2012). При этом необходимо учитывать не только собственно экономические, но и политические последствия коррупции, которая дестабилизирует, а иногда и разрушает общество. В частности, волтинг «Долой коррупцию!» стал главным лозунгом тунисской и египетской революций (Шашова, 2011), а на вопрос о том, что мешает европейской модернизации России, основная часть (56 %) респондентов назвали именно коррупцию (там же). Вред, наносимый коррупцией стабильности и безопасности общества, ее разрушительное влияние на демократические институты, этические ценности и справедливость отмечаются и в направленной против нее Конвенции ООН.

Следует также подчеркнуть, что коррупция, хотя подчас считается не слишком опасным и негрозным преступлением, лежит в основе многих страшных преступлений, в том числе агрессивных. Пример станции Кузнецкой, события на Манежной площади, провозглашение террористов на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многое другое имеют в своей основе именно коррупцию. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция искоренима, о чем свидетельствуют примеры таких стран, как Сингапур, Малайзия и др., которые совсем недавно переживали очень высокий уровень коррупции, но в дальнейшем за достаточно короткие сроки добились ошеломительных успехов в ее преодолении¹.

1. Благодаря этому, в частности, Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало впечатляющий приток иностранного капитала, – вот еще одна убедительная иллюстрация влияния коррупции – а данном случае снижения ее уровня – на экономику.

И то, и другое – разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления – следовало бы сделать основой образовательных программ, которые необходимо внедрить в нашу систему образования на ее различных уровнях. Психологические исследования демонстрируют, что «борьба с коррупцией должна начинаться еще в школе и быть направлена на изменение менталитета молодежи» (Гаврина, Балашов, 2011, с. 69). Пока же все происходит наоборот. В частности, «молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, с самого начала сталкиваются с коррупцией, привыкают с ее помощью решать свои проблемы, преодолевать препятствия, начинают считать ее естественной частью социальной среды» (Диагностика российской коррупции..., 2001). В результате – социальная группа, из которой будут рекрутироваться политические, экономические, военные, культурные и иные элиты, становится разносчиком и мультипликатором коррупции, укореняя ее и умножая ее негативные последствия» (там же). В скептически настроенном и прагматичном обществе преподнесение проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно: необходимо обоснование ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, прагматического смысла борьбы с ней. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши сограждане.

Полезными были бы и постоянные массовые пропагандистские кампании по борьбе с коррупцией с широким вовлечением СМИ¹ и других средств воздействия на массовое сознание, которые, с учетом отношения наших сограждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи «все делать наоборот» и т. п., должны быть хорошо продуманными психологически. В данном плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и перед нашими многочисленными психологами, преуспевающими в ведении пивар-кампаний, которые, к сожалению, часто ведутся ими в интересах их конкретных клиентов, а не общества в целом.

Эта информационная деятельность должна быть направлена не только на изменение отношения к коррупции как к таковой – на выработку отношения к ней как ко злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолемому, – но и на изменение соответствующих

1. Повышение роли СМИ в воспитании честности («нечестность должна стать дурным тоном») в качестве одной из основных мер борьбы с коррупцией отмечают и эксперты ИНДЕМ (Диагностика российской коррупции..., 2001).

поведенческих практик и лежащих в их основе социальных стереотипов (см., например: Предупреждение коррупционных рисков..., 2014). Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона); и несовершенство, а подчас и явная несуразность наших законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения¹; и влияние в обществе норм криминального мира; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам, и многое другое.

Соответственно, выступают две основные функции психологической науки и практики в этом процессе: 1) функция идеологическая, заключающаяся в формировании адекватного отношения к коррупции на уровне общества и государства²; 2) функция практическая, состоящая во внедрении этого отношения в массовое сознание и соответствующем реформировании массовых поведенческих практик.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией. Первая – пассивная – форма состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, «просто не давать взяток», что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает практика, позволить себе «просто не давать взяток» могут либо такие фирмы, как IKEA, либо достаточно известные и влиятельные люди. У простых же смертных это плохо получается, и отнюдь не из-за недостатка благих намерений. Вторая – активная – форма оккупывает жалобы в соответствующие органы на взяточников-мошеников, а также на живущих явно не по средствам. Причем если первое хотя и требует незаурядного мужества и обычно делается тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых

1. Как свидетельствуют социологические исследования, «то, что одни называют законопослушанием, другие – доносом» (Любарский, 2006, с. 77), «доносительство у нас не приветствуется... стучать нельзя, потому что закон – душой» (там же, с. 77) и т.п.

2. Подчеркнем, что ее выполнение предполагает активное участие психологов в идеологических дискуссиях и, в частности, опровержение или психологических в своей основе утверждений, которые регулярно делают не психологи, – например, казенного нашим последователями и абсолютно нелицеполого в психологическом плане утверждения о том, что строгость наказания не влияет на вероятность дальнейшего совершения преступлений.

возможностей), но получает, хотя и не всегда, общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как «донос» и грубое вмешательство в чужие дела. Причины достаточно известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (парадоксально, что за последние 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона); и несовершенство, а подчас и явная несуразность, законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения¹; и влияние норм криминального мира; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам, и многое другое. При этом проявляется резкий контраст с западными странами. Была бы там хорошо знает, что, если, например, припарковать автомобиль в неподобающем месте, несколько человек тут же сообщат в полицию, которая незамедлительно придет, а то, что мы называем «доносами», воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Поощрение соответствующих практик в современной России стало бы не «возвратом в сталинские времена», а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к законам. Стоит уделить внимание и таким демонстративным практикам, как, например, вывешенный в интернете Кодекс честного человека, состоящий из трех запретов: «Не бери», «Не давай», и «Не проходи мимо» – взяточников и им подобных.

Существенным является также упрощение механизма подачи сообщений о нарушении закона. К примеру, в Финляндии, считающейся самой некорруптированной страной мира, в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в т. ч. электронные, и телефоны служб, в которые следует немедленно о нем сообщать, причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать извинные заявления, которых наши граждане очень боятся, ни терять время в очереди к отвечающему за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. При этом уголовное наказание коррупционерам сопровождается их включением в «Черные списки», находясь в которых невозможно устроить

1 Как свидетельствуют социологические исследования, «то, что один называет законопослушанием, другое – доносом» (Любарский, 2006, с. 77), «доносительство у нас не приветствуется... стучать нельзя, потому что закон – душой» (там же, с. 77) и т. п.

ся на одну хорошую должность (и не только в государственных структурах) в течение всей оставшейся жизни. А многие китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выйдя на свободу, кончают жизнь суицидом, будучи не в силах вынести крайне болезненную для китайского менталитета «потерю лица» (Тудоровский, 2011). Налицо разительный контраст с современной российской реальностью, в частности, с тем, что уличенные в коррупции не только устраиваются в дальнейшем, в т. ч. и на государственных должностях, и отнюдь не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важным направлением участия психологии в борьбе с коррупцией является психологический мониторинг законов антикоррупционной направленности, необходимость которого, что очень страшно, сейчас признают и юристы.

Проблема предварительного мониторинга законопроектов особенно актуальна для нашей страны, для которой характерны «не работающие», а то и в принципе неисполнимые законы, вырабатывающие недоверие населения к законам вообще, а также ситуация, когда принимаются неспешные и непопулярные законопроекты, которые отменяются или корректируются после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно было бы избежать, если бы законопроекты подвергались предварительному мониторингу). При этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе и в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов – дело исключительно юристов. Не учитывается тот очевидный факт, что законы – это наиболее общие правила социальной жизни, а значит, в их разработке самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе и психологи. Разработку следует дополнять предварительным мониторингом, который тоже должен осуществляться представителями различных социальных наук, включая психологию.

Психологической экспертизе следует подвергать не только законопроекты в виде их психологического мониторинга, но и чиновников, призванных противодействовать коррупции, от искренности намерений которых зависит, будет ли это противодействие носить характер настоящей борьбы или сведется к ее имитации. Целесообразно кардинально изменить существующую практику назначения таких людей на их должности, сделав ее обязательным элементом экспертной оценки претендентов психологами на предмет искренности намерений бороться с коррупцией, наличия личных интере-

ся, которые могут этому воспрепятствовать, общему нравственного уровня претендентов и т.п. У представителей социогуманитарных наук такие методы оценки имеются (см., например: Марина, Жукова, 2012; Казыченкова, 2009, с. 53; и др.).

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть специальные психологические методы, среди которых наиболее часто фигурирует полиграф¹. Возможность проверки на нем претендентов на «взяткоёмкие» должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти высказывает смысл самой процедуры. Это порождает и другие проблемы. Во-первых, дефицит добровольцев: следует ли отказавшихся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность? Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов². В-третьих, возможность того, что численность прошедших проверку окажется намного меньшей, чем количество вакансий, и неясность, что делать в этом случае: принимать ли и не выдержавших ее? Но, несмотря на подобные сложности, использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает перспективы борьбы с коррупцией, которые нуждаются в проработке.

Описанные направления, естественно, не исчерпывают потенциальных возможностей психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности

1. Существуют и другие подходы: казанский психолог Г. Гарибуллин рассматривает коррупцию как болезнь, для лечения которой используют психоанализ, групповую психотерапию и т.п. (Вострикова, 2011).

2. Один из признанных авторитетов в этой области П. Эрман пишет: «Хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходится в одном: лжеца как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, – измеряет интенсивность проявлений возбуждения НС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального воздействия человека» (Эрман, 2000, с. 173). Тем не менее, хотя, например, в 18 штатах США применение детектора лжи запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год (там же).

имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать, вслед за бывшим Президентом нашей страны (Послание Президента РФ, 2008), одной из главных проблем современной России. Особенно в условиях, когда так называемые «рылочники» призывают все слои нашего населения активно включиться в рыночную экономику, в то время как для некоторых профессиональных групп – чиновников, сотрудников правоохранительных структур и др. – наиболее простым способом «вписывания» в нее служит именно коррупция. В этой ситуации с особой остротой встает проблема рыночной, но не коррупционной стимуляции подобных видов деятельности, в создании которой самую активную роль должны сыграть психологи.

В научной литературе существуют обзорные списки исследований коррупции (Коррупция..., 2011; Коррупция – глобальная проблема..., 2012). Ознакомившись с ними и изучив работы, можно сделать следующие выводы.

Имеющиеся исследования по проблематике коррупции в подавляющем большинстве написаны представителями юридической науки. Представители других социогуманитарных наук (социологи, психологи и даже экономисты) в решении проблем коррупции принимают минимальное участие (или принимают только с позиции юриспруденции). Все рекомендации и предложения по противодействию коррупции относятся только к юридическо-правовой сфере. Как будто, кроме законов в борьбе с коррупцией, других средств анализа и понимания коррупции – ни психологических мотиваций, побуждающих людей к совершению коррупционных актов, ни социально-культурных параметров и мотиваций – нет и быть не может.

Но сами правоведы признают, что решать проблему только правовыми (законодательными) средствами (совершенствованием законов и т.д.) невозможно, что бы об этом ни говорилось в представленных списках и рекомендациях правовой литературы. Необходимы усилия и представителей других социогуманитарных наук, включая и социальных психологов. Особенно значимы исследования социальных психологов в сфере эмпирического изучения коррупции и в сфере психологической экспертизы принимаемых законов.

Выделяя перспективные направления исследований в области социальной психологии коррупции, хотелось бы отметить четыре наиболее актуальных проблемы, решение которых имеет важное прикладное значение.

Во-первых, можно рассматривать коррупционные сети как форму негативного социального капитала (Нестик, Журавлев, 2009; Та-

тарно, 2011; и др.). Под социальным капиталом принято понимать характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей (Putnam, 1995); силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций (Tyebet, 2000). В структуре социального капитала выделяют социальные институты, неформальные горизонтальные связи и социальные нормы (World Development Report, 2000/2001); В. Радаев выделяет: 1) капитал, инкорпорированный в диспозициях и способностях конкретного обладателя: соблюдение обязательства без санкций, доверие; 2) капитал, объективированный в физической, передаваемой форме: социальные связи, списки контактов; 3) капитал институционализированный: принадлежность к социальному кругу, членство в группе (Радаев, 2003). Вместе с тем, социальный капитал может иметь негативный характер – облегчать обмен и конвертацию ценностей в рамках только одной социальной группы, связанной коррупционными связями.

Генезис такого капитала связан с низким уровнем социального доверия в обществе и меняющимися правилами игры, краткосрочной ориентацией и выученной беспомощностью. Следует рассмотреть роль, которую играют в формировании коррупционных установок такие характеристики личности и группы, как вера в справедливость мира, вера в осмысленность и доброжелательность мира, вера в возможность влиять на будущее и степень позитивной его оценки.

Проведенные в Институте психологии РАН исследования показывают, что чем более негативным представляется респондентам их будущее, тем сильнее ориентация на «своих», ниже уровень доверия к незнакомым людям и однороднее социальная сеть (Нестих, 2014). Формирование негативного социального капитала «только для своих» происходит в обществах с низким доверием к социальным институтам. Закрытый круг контактов и однородные по своей структуре личные связи создают условия для «расторжения» личности, обладающей властью, а также для размытия ответственности за коррупционное поведение за счет проверенных посредников в обмене дарами (подробнее о роли посредников в оправдании коррупции см.: Srinney, 2011).

Следует отметить, что вставил вопрос о теоретической и эмпирической психологии отношения к коррупции среди россиян. Такая типология может строиться, исходя не только из социально-демо-

графических, но и собственно социально-психологических характеристик. Например, таких, как уровень доверия к социальным институтам и мотивы коррупционной деятельности, от которых отчасти зависят способы ее рационализации.

Не менее важными макропсихологическими факторами, влияющими на обсуждение проблемы коррупции в России, являются социальные сети и блогосфера, а также межпоколенческие различия (в частности, особенности так называемого поколения Y). Требуют дальнейшего изучения механизмы оправдания бытовой коррупции в социальных сетях: например, межгрупповое сравнение при обсуждении сообщений о коррупции в высших эшелонах государственной власти.

Наконец, требуют дальнейшего изучения макропсихологические факторы коррупции. Прежде всего – роль кросс-культурных различий в оправдании и воспроизводстве коррупционного поведения. Важной проблемой здесь становится вопрос об инструментах формирования новых социальных норм и ценностей, об изменении отношения к коррупции в культуре (Нестик, 2002; Нестик, Латов, 2002; Болдырев, 2010; Журавлев, Юревич, 2012; Журавлев, Соснин, 2013; Клейнер, 2014; Копцева, 2014; и др.).

Коррупцию можно рассматривать как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры. Этот взгляд стал возможен в 1970-е годы благодаря открытию сначала в странах третьего мира, а затем и в государствах Запада неформальной экономики, тесно связанной с местными обычаями и ценностями (Hart, 1987). В своих попытках выявить влияние культуры на уровень коррупции исследователи стали прибегать к тем измерениям культуры, которые были разработаны в рамках кросс-культурной психологии такими исследователями, как Г. Хофстед, Г. Триандис, Э. Холл, Ш. Шварц и др.

Например, Й. Алдинг высказал предположение о том, что на уровень коррупции в республиках бывшего СССР влияли присущие им культурные различия: поведение, связанное с риском, у грузин, традиция делать подарки в среднеазиатских республиках и т. д. (Alndig, 1991). В. Арунганес и другие исследователи отмечают связь между подношением подарков как порочной деловых отношений и высокой контекстностью культуры (Arunthanes et al., 1994). Согласно Э. Холлу, который ввел понятие «контекстность» в научный оборот (Hall, 1959), в высококонтекстных культурах значительная часть коммуникации протекает на невербальном уровне, а успех

в переговорах зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, явно сформулированных в контракте. Наоборот, в низкоконтекстных культурах люди не склонны давать взаимным и не любят быть кому-то обязанными, в бизнесе они опираются на формальные отношения, законы и четко сформулированные положения контракта, отдавая предпочтение краткосрочным сделкам (культуры США, Германии и Швейцарии). Высококонтекстными являются культуры японцев, арабов и средиземноморцев (итальянская, испанская, турецкая), с точки зрения которых дарение подарков – необходимое условие каждых деловых отношений.

Другим культурным фактором, влияющим на уровень коррупции, является религия. При помощи статистических методов ряду исследователей удалось установить связь между иерархичностью преобладающей в стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран, в котором контролировались прочие характеристики, показал, что страны с высокоиерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) более подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (например, протестантизм) (La Porta et al., 1997). В дальнейшем эти результаты были подтверждены на выборке из 114 государств (La Porta et al., 1999). Д. Трейсман сравнивал уровень коррупции с долей протестантов в населении каждой из 64 стран и выявил устойчивую отрицательную корреляцию между этими двумя показателями (см.: Treisman, 1999; см. также: Lambsdorff, 1999).

В другом исследовании было установлено, что в странах с такими религиями и конфессиями, как католицизм, православие, ислам, буддизм и индуизм уровень коррупции выше, чем в странах с племенными религиями и реформированным христианством – протестантизмом и англиканством (Paldam, 1999).

При сопоставлении культур наиболее часто используются параметры измерения, предложенные Г. Хофстеде: коллективизм–индивидуализм, дистанция власти, маскулинность–фемининность, избегание неопределенности, долгосрочная или краткосрочная ориентация (конфуцианский динамизм).

Измерение «коллективизм–индивидуализм» определяется им как ориентация на коллективистические ценности, или мера, в которой внешние решения личности определяются группой, в которой он себя относит (семьей, кругом друзей, коллегами). В коллективистических культурах люди, как работники в частном секторе, так и находящиеся на государственной службе, склонны нарушать

законы и формальные правила в тех случаях, когда они противоречат, с их точки зрения, традиционным нормам и ценностям (La Palombaga, 1994, p. 325–350).

Под «дистанцией власти» понимается мера согласия наименее обеспеченных статусом и властью людей с тем фактом, что власть распределена неравномерно (Hobnode, 1997, p. 28).

В культурах с высокой дистанцией власти зависимость подчиненных от руководства принимает форму патернализма, при которой подчиненные получают поддержку взамен на лояльность. Такие системы благоприятствуют развитию коррупции в виде nepотизма и фаворитизма. Желание продемонстрировать лояльность как абсолютное условие успеха не позволяет подчиненным критически отнестись к коррупционному поведению руководства. Представители культур с высокой дистанцией власти относятся к коррупции с большей терпимостью, чем представители стран с низкой дистанцией власти (Cohen, Laurie, Sharp, 1996, p. 58).

Измерение «маскулинность–феминность» представляет собой меру ориентации на материальный успех и личные достижения в противоположность заботе о качестве жизни и стремлению поддерживать теплые, гармоничные отношения с окружающими. В исследованиях Б. Хастада и некоторых других ученых (Zapalsko, 1996; Gonzalez Fabre, 1996) подтверждается тривиальное, в общем то, предположение о том, что готовность к коррупционной сделке мотивируется стремлением к материальному обогащению. Однако Дж. Коэн, У. Лоури и Д. Шарп полагают, что маскулинность не может сама по себе стать фактором, способствующим коррупции (Cohen, Laurie, Sharp, 1996, p. 61).

Возможно, сильная ориентация культуры на материальный успех снижает чувствительность к этической стороне бизнеса (Virell, Nwachukwu, Baghez, 1993, p. 756) и тем самым облегчает заключение сделки для обеих сторон.

«Избегание неопределенности» понимается как степень тревоги и переживания опасности в незнакомой или неопределенной ситуации. В тех случаях, когда тот или иной исход представляются равно вероятными, коррупционная сделка может рассматриваться как средство снятия неопределенности (Kashid, 1981, p. 448–460).

На личностном уровне избегание неопределенности связано с нетерпимостью к противоречивой информации и, как считают С. Вителл, С. Нвадзукву и Дж. Барнс, снижает чувствительность к этическим дилеммам бизнеса (Virell, Nwachukwu, Baghez, 1993, p. 757). Однако, как замечает Дж. Ломсдорф, избегание неопределенности

может иметь и обратный эффект, усиливая решимость третьих сторон бороться с коррупцией (Lambdodogff, 1999).

По поводу долгосрочной или краткосрочной ориентации – еще одного измерения культуры, названного Г. Хофстедом «конфуцианский динамизм» – среди исследователей коррупции и этики бизнеса также нет общего мнения. Одни полагают, что долгосрочная ориентация должна снижать склонность к вступлению в коррупционные сети и повышать чувствительность к этической стороне хозяйственной деятельности (Colson, Laurie, Sharp, 1996), другие считают, что эта переменная никак не влияет на уровень коррупции (Husted, 1999).

Можно предположить, что ориентация партнеров коррупционной сделки на долгосрочные отношения и их забота о будущем должны возрастать в прямой зависимости от ранга чиновника и величины бизнеса.

Наиболее последовательно проблема культурной обусловленности коррупции рассматривается В. Хастидом. Используя статистический анализ корреляций между индексом коррупции и культурными измерениями 50 стран, он пришел к выводу, что следует ожидать высокого уровня коррупции в странах с низким уровнем экономического развития, значительным контролем государства над экономической жизнью (доля ВВП, которой распоряжается государство), значительными диспропорциями в уровне доходов между группами населения, а также с особыми культурными характеристиками: большой дистанцией власти, высоким уровнем коллективизма и маскулинности (Husted, 1999). В борьбе с коррупцией он предлагает учитывать культурную специфику каждой страны: например, в культурах с высоким показателем маскулинности предоставление информации о фактах коррупции должно, по его мнению, изображаться как личное достижение, увеличивающее материальный статус; а в культурах с высоким показателем избегания неопределенности институциональные реформы должны проводиться таким образом, чтобы неопределенность ассоциировалась с теневой практикой, а снижение тревоги и риска – с чистыми, законными транзакциями. Несмотря на некоторую наивность его рекомендаций, приходится признать, что борьба с коррупцией сверху, шумными, но краткосрочными агитационными кампаниями и ужесточением наказания, неэффективна, поскольку она не задает тех устойчивых социальных установок и стереотипов, ценностей и идеалов, которые воспитывались десятки и даже сотни лет.

Таким образом, для борьбы с коррупцией недостаточно подъема экономики и укрепления контрольных органов, необходимо изучение «третьей стороны» коррупционных сделок, т.е. «простого российского человека», нормы и ценностей массового сознания, легитимирующая неформальное экономическое поведение.

Анализ перспективных направлений исследования коррупции, в том числе рассмотренные нами социокультурные детерминанты формирования коррупционных связей, позволяют сделать ряд частных выводов, которые не претендуют на универсальность или всеобъемлющий охват проблемы, а лишь показывают ее социально-психологическую насыщенность.

Во-первых, коррупцию нельзя изучать лишь как антисоциальное поведение отдельных личностей: она представляет собой систему межличностных и межгрупповых отношений, как кривое зеркало преломляющее самые разные ценностные ориентации и мотивы участников. Такие связи являются формой социальной интеграции на межличностном и групповом уровнях анализа, однако на межгрупповом и социальном уровнях они выступают как дисфункциональные процессы, повышающие социальную напряженность и препятствующие формированию доверия.

Во-вторых, коррупция опирается на культурные и когнитивные механизмы самооправдания, поддерживаемые традициями и коллективными представлениями различных социальных групп.

В-третьих, было бы опрометчиво сводить коррупционные отношения к обмену материальными, финансовыми, административными или символическими капиталами. В действительности, вступление в эти отношения может являться реакцией на высокую неопределенность и растущие риски. В обществе с низким уровнем доверия коррупционные сети выполняют функцию поиска информации и прогнозирования развития ситуации, функцию социальной поддержки, распространения и легитимации знаний. Поэтому собственно вероятность наказания может не только недооцениваться коррупционерами, но и просто не приниматься ими во внимание, так как они интерпретируют сложившиеся отношения как полезную для общества деятельность. Поэтому одним из перспективных антикоррупционных мер являются формы позитивного подкрепления, когда у потенциальных участников коррупционной сделки появляется возможность удовлетворить потребность во взаимной поддержке, обмене информацией и управлении рисками через легальные способы взаимодействия.

1. Одним из главных препятствий *борьбе с коррупцией* в современной России является *коррумпированность* значительной части чиновников, размытость границ между высшей государственной властью и властвующей элитой, практическая безнаказанность крупных коррупционеров (отмена статьи УК о конфискации имущества коррупционеров, практика небольших сроков тюремного заключения, а то и вообще условных наказаний). В преодолении этих барьеров самую активную роль должны сыграть психологи. Центральными направлениями их участия в *борьбе с коррупцией* могут стать психологический мониторинг законов антикоррупционной направленности; диагностика психологических особенностей чиновников; применение специальных психологических методов диагностики коррупционного поведения (среди которых наиболее часто фигурирует полиграф).

В аналитических структурах силовых ведомств формируется понимание, что юридические меры противодействия коррупции должны дополняться психологическими. Среди психологических препятствий противодействию коррупции можно назвать: дефицит воли к преодолению коррупции (власть, государства и всего нашего общества); отсутствие массового характера борьбы с коррупцией (массовые пропагандистские кампании, соответствующая активность СМИ, формирование антикоррупционного правосознания населения); наличие социальных стереотипов «должного» поведения, в основе которых лежит нежелание различать необоснованные доводы и сообщения о нарушении закона; отношение к коррупции как к неагрессивному преступлению, хотя она часто лежит в основе терроризма (вспомним, например, события на Манежной площади, проникновение террористов в самолет).

2. Экономическое правосознание личности складывается на уровне обывденного сознания, носит неформально усвоенный характер, вбирает в себя систему правовых норм, социальных стереотипов, установок и ценностей. На основе экономико-правовых представлений формируются отношения человека к себе и обществу, определяющие характер его среживания, особенности восприятия, поведенческих реакций на внешние воздействия, качество системы субъективно-оценочных и сознательно-избирательных отношений к действительности.

В силу неадекватно сформированного комплекса экономико-правовых знаний молодые люди искаженно трактуют кор-

рупционные и коррупционно обусловленные события и явления окружающего мира, что выступает в качестве деструктивного звена их экономико-правовой социализации. Экономико-правовые представления формируются как на основе предшествующего опыта, чувственно связывая настоящее с прошлым, так и в контексте продуктивного воображения, связывая прошлое и настоящее с будущим, что позволяет регулировать внутреннюю организацию, поведение и деятельность личности. Можно утверждать, что формирование адекватных рыночным условиям развития общества экономико-правовых знаний, представлений и отношений молодежи способствует оптимизации экономического правосознания и выступает стратегическим государственным направлением противодействия коррупции.

3. Для борьбы с коррупцией недостаточно подъема экономики и укрепления контрольных органов: необходимо изучение «третьей стороны» коррупционных сделок – «простого человека», а также норм и ценностей массового сознания.

Можно выделить наиболее актуальные и перспективные направления исследований в области социальной психологии коррупции: рассмотрение форм участия простых граждан в борьбе с коррупцией (пассивная–активная); изучение условий упрощения технического режима сообщений о нарушении закона; разработка и совершенствование технологий организации психологического мониторинга (антикоррупционной направленности законов и умонастроений населения); исследование коррупционных сетей (как формы негативного социального капитала, например); изучение уровня общественного доверия к социальным институтам; выявление типологии отношения к коррупции; изучение мотивов коррупционной деятельности и факторов, благоприятствующих коррупции; анализ межпоколенческих различий в оценке коррупции; выявление механизмов оправдания бытовой коррупции; исследование роли кросс-культурных различий в воспроизводстве коррупционного поведения; нахождение способов формирования антикоррупционных социальных норм и ценностей; исследование закономерностей функционирования неформальной экономики; анализ социокультурных детерминант формирования коррупционных связей; исследование форм и функций социальной поддержки коррупции и т.д.

Отдельно можно отметить разнообразные теоретико-методологические направления исследований коррупции в контексте

более широких тем: макропсихологических (коллективизм–индивидуализм, дистанция власти, маскулинность–фемининность, избегание неопределенности, долговременная или кратковременная ориентация экономики, высокая неопределенность и растущие риски), мезометодологических (коррупция как система межличностных и межгрупповых отношений, например), методических (в частности, параметры измерения коррупции), прикладных (к примеру, управление коррупционными рисками через легальные коммерческие способы взаимодействия потребителя услуг с государством).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коррупция в современном обществе является острой и многоаспектной проблемой, требующей своего разрешения, значительную помощь которому может оказать обращение к психологическим механизмам противодействия этому явлению. В рамках данной темы психологический инструментарий может быть использован для решения самых разнообразных задач макропсихологического, социального и личностного уровней, включая такие сложные для анализа проблемы, как мониторинг общественного мнения или психологическая экспертиза законодательных актов.

Сложность противодействия коррупции усугубляется тем, что склонность к ней частично является отражением веками сформировавшихся народных традиций делать друг другу разнообразные подарки, придерживаться дружеских отношений в сложных жизненных ситуациях, искать быстрые решения своих проблем, с осуждением относиться к «доносительству» и т. д. Значительными препятствиями в борьбе с коррупцией выступают также коррупционность самих чиновников, дефицит воли населения и власти к преодолению коррупции.

Проблемы коррупции получают широкое освещение в современной психологической литературе. При этом данное научное направление в России находится пока еще в зачаточном состоянии, не успев выработать собственной теоретической базы и методологических подходов для полноценного анализа этого психологического явления и для решения важных социальных и прикладных задач общественного развития.

Коррупция интенсивно изучается и зарубежными авторами, которые давно обращаются к решению крупных социально-экономических и международных проблем, но эти исследования отличаются узко прагматической направленностью и отсутствием общей фун-

даментальной психологической базы для теоретического анализа и обобщения проблемы в целом.

Субъектами социально-психологического исследования коррупции выступают государственные чиновники (проводники воли государства), предприниматели (заинтересованные в легких источниках получения доходов) и население, с чьего молчаливого согласия разворачиваются и протекают коррупционные процессы практически на всех уровнях власти и практически во всех социальных институтах государства.

С психологической точки зрения все субъекты коррупционных отношений одинаково заслуживают исследовательского внимания, но особо тщательного анализа требуют коррупционные правонарушения сотрудников органов государственной власти, которые должны, в силу своих должностных обязанностей, всесторонне защищать интересы государства.

С методологической точки зрения целесообразно говорить о междисциплинарной специфике исследования коррупции и коррупционных правонарушений, о необходимости специфических методологических подходов при исследовании различных уровней коррупции, о сложности отграничения коррупционных правонарушений от других видов экономических преступлений. Эти позиции накладывают дополнительные трудности на разработку исследовательских методов и их валидизацию.

Обычно показатели коррупции выявляются методом опросов, а в качестве количественных оценочных средств чаще всего используется шкалирование. Объективные и субъективные исследования коррупции, как правило, связаны с анализом различных социально-экономических сфер деятельности: импорт и экспорт, оплата налогов, использование займов и инвестиций, вознаграждения за выполнение контрактов и т. д. Отсутствие возможности непосредственно измерить коррупцию концентрирует исследовательское внимание на анализе частных событий, на полных исследованиях и интервью, что обуславливает необходимость разработки индивидуальных опросных методов и иных социально-психологических технологий для оценки и анализа конкретного феномена.

Наиболее полное отношение личности к коррупции и коррупционным правонарушениям выражается в сфере ее экономического сознания. Исследование экономического сознания личности как источника ее социально-экономической активности стало ведущим фактором изучения отношения к коррупции различных слоев населения.

Наши исследования показали, что в современных условиях развития российского общества в экономическом сознании несовершеннолетних (старшеклассников) экономический фактор часто порождает негативные эмоциональные переживания, а планы экономической самореализации этих школьников содержат угольно-наказуемые намерения коррупционного характера. Такие психологические состояния, на фоне ярко выраженной экономической мотивации, могут иметь сложные последствия для общества и самого человека.

Молодые люди (студенты) признают коррупцию опасным явлением, способным расшатать экономику государства и социально-экономическое благополучие общества. Считают, что коррупционные угрозы заложены в низком уровне жизни населения и наличии традиционно устоявшейся коррумпированной среды в обществе, а противодействие коррупции должно носить системный характер.

В структуре отношений взрослой части россиян к коррупции присутствуют психологически обусловленные противоречия, которые могут оказывать негативное влияние на поведение и самочувствие человека. Так, например, подавляющее большинство осуждают коррупцию, но готовы стать участниками коррупционных отношений из соображений личной выгоды.

Обращение к криминологическим характеристикам осужденных за коррупционные правонарушения показало, что все они не являются рецидивистами (т.е. совершили преступление впервые), социально адаптивны и коммуникабельны. При этом более половины лиц, совершивших коррупционные преступления, отказываются признавать свое поведение преступным.

Социально-психологическое исследование личности коррупционера позволит разработать соответствующие меры профилактики и противодействия коррупции. Важнейшая роль в обеспечении таких мер принадлежит психологической науке. Основными социально-психологическими технологиями противодействия коррупции являются психологический мониторинг законодательных актов, диагностика психологических характеристик личности (в том числе и чиновников), формирование экономического правосознания молодежи, применение специальных психологических методов (например, полиграф, психоанализ и т.д.).

Наиболее актуальными задачами психологических исследований коррупции должны стать разработка теоретических и прикладных основ психологии противодействия коррупции, массовое антикор-

рушаконное просвещение, формирование системы антикоррупционных ценностей населения. Не менее интересным направлением эмпирических исследований станет создание «социально-психологического портрета бытового коррупционера», что возможно путем простого опроса населения, так или иначе столкнувшегося с вымогательством госслужащих.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М.: Наука, 2002.
- Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности: Коллективная монография / Отв. ред. Д. А. Китова. СПб.: НИЦ АРТ, 2015.
- Александров В. И., Бербенев А. Г., Струнук Е. П. Гражданское общество и правовое государство: коррупция и конфликт интересов // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 94–102.
- Александров Г. Где конец «откатов» // Аргументы и факты. 2011. № 49.
- Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: Дис. ... д-ра социал. наук. Новочеркасск, 2008.
- Алехина И. В., Комиссаров Т. А., Кузьмичев А. Д. и др. Национальная программа «Российская деловая культура». М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1997.
- Амарев К. Ф. Коррупция: понятие, противодействие, ответственность: Учеб. пособие. Казань: Изд-во КГТУ, 2009.
- Амальев О. Г. Проблема коррупции в уголовно-исполнительной системе ФСИН России: социально-психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 164–181.
- Андерссон Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. Н. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

- Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: становление, опыт, перспективы. М.: ИД «Дело»–РАНХ иГС, 2014.
- Ахмедья Ю. М. Типология коррупции и коррупционного поведения. URL: <http://antocorrupt-jm.kagod.ru/index3.htm> (дата обращения: 10.02.2017).
- Ахмедья Ю. М., Калмынгарова Е. Н. Мотивация поведения осужденных. М.: Юнити-Дана, 2009.
- Ахмедья Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: Криминологическое исследование. М.: Норма–Инфра-М, 2010.
- Ахмедья Ю. М., Эминов В. Е., Быховцев М. Н. Психология преступления и наказания. М.: Пенатес-Пенаты, 2000.
- Артемьевая Т. Н., Журовцев А. Л., Кольцова В. А. Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9–17.
- Артемьев А. С., Смазирев С. Ф. Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. 2009. № 4 (8). С. 105–108.
- Барбанищikov В. А., Журовцев А. Л., Кольцова В. А. Системное исследование психического в работах Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 5–13.
- Барнел К. Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.
- Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975.
- Бастрыкин А. Н. 2012. URL: www.rosobskaz.ru/.../aleksandr-bastrykin (дата обращения: 10.02.2017).
- Бахмураева А. Выходников нужно... лечить // Аргументы и факты. 2011. № 49.
- Безродная Н. В. Особенности личности коррупционера // Вестник Востоочно-Сибирского института МВД России. 2010. № 2 (53). URL: <http://vestniklinka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-korruptsiонера> (дата обращения: 10.02.2017).
- Бестерев В. М. Объективное изучение личности: Избранные труды по психологии личности: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1999.
- Боданов Е. Н., Залыкин В. Г. Психологические аспекты коррупции. М.: Высшая школа психологии, 2013.
- Болдырев Ю. Ю. Коррупция как системный порок российского капитализма // Неэкономические грани экономики: неизнанное

взаимодействие / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. С. 456–474.

Бомбаренко В. Конец «большой книги» // Завтра. 2012. Декабрь. № 51.

Бруштейн И. Бедность – не порок? Влияет ли уровень зарплаты на личную жизнь // Аргументы и факты. 2012. № 16.

Будылов Э. С. Эффективность процесса внедрения психолого-правовых механизмов антикоррупционной работы сотрудников УВД. М.: МААИ, 2011.

Бурлаков В. И. Уголовное право и личность преступника в гармоничном синтезе теории и практики – перспективное решение актуальной проблемы. СПб.: Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2006.

Бурмыстрын Н. Н., Журавлев А. Я. Изменение оценок эффективности разрешения конфликта в условиях изменения представлений участников конфликта о третьей стороне // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 8. С. 236–243.

Влажкина Т. С., Журавлев А. Я., Поляков В. П. Прагматичность и нравственность как базовые принципы взаимодействия в деловом партнерстве // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 189–203.

Васильчук Ю. А. Социальное развитие человека. Фактор семьи // Общественная наука и современность. 2008. № 3. С. 52–63.

Вазин А. А., Журавлев А. Я. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101–108.

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юренича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Воловикова М. И., Журавлев А. Я. ИмPLICITные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 50–59.

Воробьев А. Е., Журавлев А. Я., Купрейченко А. В. Представления К. К. Платонова о моральной воспитанности личности как теоретические основания изучения нравственного самоопределения // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 169–187.

Вундт В. Основания физиологической психологии. М., 1880.

- Гагаран Е. Е. Психологические портреты коррупции в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие. Рязань, 2011.
- Гагаран Е. Е. Психологические портреты коррупции в уголовно-исполнительной системе. Рязань, 2012.
- Гагаран Е. Е., Балашов А. А. Типология осужденных за коррупционные и экономические преступления // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 68–74.
- Галкина И. А., Журавлев А. Л. Исполнительская деятельность как социально-психологический феномен: эмпирическое исследование // Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: Материалы международной научно-практической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т; М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 62–66.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л. К вопросу о психологическом механизме творчества и поведения: анализ и развитие концепции Я. А. Пономарева // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 1 (77). С. 21–26.
- Гармаш Ю. П. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири / Ю. П. Гармаш, Д. А. Кытова. Новосибирск: НГН, 2015. № 9. С. 56–58.
- Гельман Е. Бизнес без коррупции // Аргументы и факты. 2014. № 44. С. 2.
- Ген М. Р. Уголовный закон и социальное исследование личности // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 9 / Под ред. С. А. Елисева. Томск: Изд-во ТГУ, 2002.
- Главе МВД известно, что должности в ведомстве покупают, но эту проблему надо решать на местах. URL: <http://www.newzgu.com/guavia/10feb2013/kolskohnov.html> (дата обращения: 10.02.2017).
- Гланкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Незыкомические грани экономики: невозможные взаимодействия / Под ред. О. Т. Багматова. М.: Институт экономических стратегий, 2010.
- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Лоскутов В. Н. Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // К. К. Платонов. Мои личные встречи на великой дороге жизни (воспоминания старого психолога) / Под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 5–38.
- Гончаренко Г. С. Криминологический мониторинг личности коррупционного преступника. Россия: от реформ к стабильности: На-

учные труды ИМПЭ им. А. С. Грибоедова. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2009.

Гарбачева Е. И., Журавлев А. Л., Курбейченко А. Б. Нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров // Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Куревит. С. 183–208.

Гариков М. К., Быков А. Г. и др. Восприятие современным поколением россиян преобразований последнего десятилетия // Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Гарикова, Р. Крумпа, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. С. 11–26.

Гариков М. К., Маркин В. В. и др. Позовоти кресло // Свобода. Нравственность. Братство: социологический портрет современной России. Глава 2 / Авт.-сост. Е. П. Добрынина; под общ. ред. М. К. Гарикова. М.: ИНК «Российская газета», 2007. С. 33–54.

Гариков М. К., Маркин В. В. Российская коррупция в зеркале социологии // Президентский контроль. Информационный бюллетень. 2008. № 12. С. 23–37.

Грочев А. А. Модель жизненных ориентаций человека и формирование гуманистических технологий // Проблемы человека и его воспитания: философский аспект. Курган: КГПИ, 1993. С. 25–34.

Грочев А. А. Терминальный образ в регуляции поведения человека // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 75–86.

Грочев Г. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград, 2004.

Грот Н. Я. Сочинения: В 4 т. Т. 1. Мелитополь: ИД Мелитопольской городской типографии, 2013.

Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО? // Комсомольская правда. 2010. 15 января. С. 2.

Джеймс У. Поток сознания URL: <http://astrokey.org/publikacii/psotok-zhiznija-i-dsjejms> (дата обращения 15.02.2017).

Диагностика российской коррупции. 2001. URL: <http://www.ap-si-soc.ru/ambrosart/> (дата обращения: 12.02.2017).

Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Добрынина Е. И., Исраеникова Н. Р. Коррупция: современные подходы к исследованию: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект-Альма-Матер, 2013.

- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27.04.2016. URL: <http://genproc.gov.ru/mt/press/news/news-1078221> (дата обращения 12.02.2017).
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Методология исследования феноменов экономического сознания формирующейся личности (на примере представления о бедном/богатом человеке) // Психология в экономике и управлении. 2009а. № 2. С. 23–35.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Представления младших школьников о бедных и богатых: методология исследования // Вестник практической психологии образования. 2009б. № 2. С. 33–39.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Социальные представления о бедном и богатом сказочных персонажах // Вестник практической психологии образования. 2009 в. № 3. С. 22–27.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Социальные представления о бедном и богатом человеке: результаты эмпирического исследования // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 79–90.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Представления о бедном и богатом человеке как феномен экономического сознания формирующейся личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 46–68.
- Дружнина В. Н. Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Дубон Б. Эпоха большинства // Аргументы и факты. 2011. № 45. С. 3.
- Емельянов Т. П., Журавлев А. Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л. Отношение личности к деньгам как фактор ее ориентаций на культурные ценности: программа исследования // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002а. С. 42–63.
- Журавлев А. Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002б. Т. 23. № 6. С. 83–88.
- Журавлев А. Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007а. Т. 28. № 1. С. 6–16.
- Журавлев А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007б. Т. 28. № 6. С. 5–18.

- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А. Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: Юбилейная научная конференция. Часть 5. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Журавлев А. Л., Настяк Т. А., Соскин В. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы международной практической конференции / Под ред. С. В. Петрушкина. Казань: Отечество, 2011.
- Журавлев А. Л., Соскин В. А. Феномен коррупции в России как социально-политическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
- Журавлев А. Л., Соскин В. А., Красняков М. А. Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Форум-Инфра-М, 2011.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Проблема нравственности в психологической науке // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 5–12.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012а. № 2. С. 56–65.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 294–322.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012в. № 1. С. 8–21.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Социально-психологические последствия неравенства доходов // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 45–57.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014а. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014б. № 7. С. 63–71.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Метаморфозы либерального психотипа // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 2. С. 164–172.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 11. С. 10–19.

- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 69–78.
- Журавлева Н. А. Психологические типы ориентаций личности на экономические ценности // Психологические исследования личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 157–175.
- Журавлева Н. А. Отношение к деньгам личности с разным типом ценностных ориентаций // Ежегодник Российского психологического общества. 2012а Т. 2. С. 187.
- Журавлева Н. А. Экономико-психологические характеристики личности с разным типом ценностных ориентаций // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 6. С. 34–49.
- Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: «Институт психологии РАН», 2013.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Ценностные ориентации личности с различным субъективно-экономическим статусом // Ежегодник Российского психологического общества. 2001. Т. 7. С. 78–91.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в изменяющемся российском обществе // Ежегодник Российского психологического общества. 2005. Т. 3. С. 231–246.
- Завьялов В. Г. Психологические особенности коррупции. М.: МГАДА, 2010.
- Зернов В. А. Негосударственные вузы России: современное состояние, тенденции и перспективы // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 3–11.
- Зыченко Ю. П., Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В., Сергеевко Е. А. V съезд Российского психологического общества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 82–91.
- Илюшин Н. Н. Правовые и организационные вопросы стимулирования труда осужденных в исправительных колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
- Индекс социального самочувствия // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=223> (дата обращения: 12.02.2017).
- Исраелишвили Н. И. Коррупционные стратегии как результат институциональных нарушений при реализации сценария развития России // Национальная безопасность. 2010. № 7/8. С. 8–21.
- К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

- Калаш Б. Б., Ушакинов А. И. Пенитенциарная психология (психология тюремной среды): Учеб. пособие. Рязань, 2003.
- Калачикова О. В. Коррупция как системная угроза национальной безопасности: проблемы противодействия и ликвидации // Право и политика. 2009. № 12. С. 3–11.
- Карбонье Ж. Юридическая социология / Пер. и вступ. статья В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1986.
- Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: ИД «Камени», 1992.
- Курмычиков А. И. Российская коррупция. СПб.: Юридич. центр Пресс, 2004.
- Кутюва Д. А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России. Ставрополь: СевКавГТУ, 2003.
- Кутюва Д. А. Экономическая психология субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика // Экономическая психология в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции 23–24 ноября 2012 г. / Отв. ред. А. Н. Лебедев. М.: Экон-информ, 2012. С. 148–162.
- Кутюва Д. А., Гичалева П. И. Качество жизни как предмет междисциплинарного исследования // Вестник Университета российской академии образования. 2016. № 2. С. 104–107.
- Кутюва Д. А., Егоров У. С. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник Университета российской академии образования. 2015. № 4. С. 50–54.
- Кутюва Д. А., Кубалова А. К. Отражение экономического фактора в представлениях женщин о семье // Международная онлайн конференция «Ценности в науке, культуре, образовании». URL: <http://scsconf.com/abstracts/onlineconf.net.html> (дата обращения: 12.02.2017).
- Кутюва Д. А., Найманова Е. А. Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета российской академии образования. 2016. № 1. С. 83–87.
- Клямовицкий С. В., Карпова С. Г. Концепция социально-психологического измерения коррупции. М.: ИСПИ РАН, 2013.
- Клямовицкий С. В., Карпова С. Г. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. URL: <http://socio-economy-psychology.ru/engine/documents/document286.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).

- Клямкин И., Гилефеев Л. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2006.
- Колышкин В. А., Журавлев А. Л. К 40-летию ИП РАН и 85-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.
- Коррупция. 2011. URL: <http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/Msg/373> (дата обращения: 14.02.2017).
- Коррупция в современной России: опыт противодействия: Библиографический список / Сост. Н. П. Гон, Т. Н. Щербак. Белгород: Белгородская гос. универсальн. науч. б-ка, 2011.
- Кузнецов Н. Н. Количественные методы в криминологии. М.: Юридическая литература, 1971.
- Королева Э. «Говорящий» рисунок: 100 графических тестов. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- Коррупция – глобальная проблема современности: Библиографический указатель / Сост. Н. Е. Козельцева. Тамбов, 2012.
- Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009.
- Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунесва. М.: Волтерс Клувер, 2004.
- Кузнецов В. Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1968.
- Кузнецов К. В., Латышев Т. Ш. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества. Казань: КНИУ ВПИ, 2007.
- Культура и поведение в организации: российский опыт / Отв. ред. С. П. Дырин, А. Л. Журавлев, Т. О. Соломехина. М.: Набережные Челны: Изд-во «Институт психологии РАН»–Изд-во «Институт управления»–РЭА им. Г. В. Плеханова, 2008.
- Кузрейченко А. Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Док. ... д-ра психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Кузрейченко А. Б., Воробьев А. Е. Нравственное самоопределение молодого. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 89–109.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных катего-

- рий // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Социум-Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 36–59.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Понимание гуманизации управленческих отношений и основные направления ее исследования в организации // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2007. № 4. С. 97–102.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 5–15.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Отношение к деньгам предпринимателей с различным психологическим типом экономической активности // Психолого-экономические исследования. 2009. Т. 2. № 1. С. 12–32.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
- Лаурский А. Ф. Избранные труды по общей психологии. СПб.: Алетейя, 2001.
- Лещенко В. В., Карпов А. В. Метасистемный подход к анализу состоятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. Пермь: ПНПУ, 2014. № 2. С. 193–201.
- Лежнина Ю. П. Семья в ценностных ориентациях // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 69–77.
- Делутокина М. Хорошей валютой должно быть много. 2007. URL: http://www.gazeta.ru/education/2007/06/07_a_1783307.shtml (дата обращения: 12.02.2017).
- Леонычев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Личность и бытие: субъективный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, Э. И. Ребинкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо-Мадгард, 2006.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.

- Досский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Поств, 1957; М.: Ключ, 1990.
- Душанский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб.: Издание редакции журнала «Тюремный вестник», 1904.
- Дубровский Г. Чиновники и госслужащие: нажда монету ценят за герб и ругают за решетку // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 73–79.
- Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Сочинения. Т. 42. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 41–174.
- Махна Я. А. Институциональные особенности коррупции в местном сообществе: Дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2013.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Максименко И. А., Локшина Э. Х., Бехрах О. А. Коррупция: морально-этические и экономико-психологические аспекты // Психология в экономике и управлении. 2011. № 2. С. 26–33.
- Марсено С. В. Запрос россиян на модернизацию и определенный тип социально-экономического развития страны // XII международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Т. 3. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 395–403.
- Марков А. В., Жуков А. С. Уголовная ответственность за взяточничество по уголовному кодексу Российской Федерации и Китайской народной республики (сравнительно-правовой анализ). Чита: Изд-во «Забайкальский государственный университет», 2012.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л. Система научных представлений Б. Д. Паригина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 28–38.
- Надеждин Д. Владимир Колокольцев: «Смертная казнь – это нормальная реакция общества». 2013. URL: <http://www.kp.ru/daily/26029.5/2947664> (дата обращения 12.02. 2017).
- Нарузов Ю. Г. Коррупция и теневая экономика: эволюция взглядов // Труды академии управления МВД. 2008. № 1. С. 15–18.
- Нестих Т. А. Коррупция и культура // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002. № 4 // URL: <http://sociation.gov.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения: 12.02.2017).

- Нестыг Т. А. Метакогнитивные функции персональной социальной сети // Экономические стратегии. 2013. Т. 113. № 5. С. 52–57.
- Нестыг Т. А., Журавлев А. Л. Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.
- Нестыг Т. А., Латышев Ю. В. Что виновато – «плохие законы» или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 35–47.
- Ниненко И. С. Декларации о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера публичных должностных лиц. Применение в России и в мире // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Т. 1. М.: ИД ВШЭ, 2012.
- Нисенвич Ю. А. Коррупция как фактор снижения конкурентоспособности государства: сопоставительный анализ // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Т. 1. М.: ИД ВШЭ, 2012.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Оберемко В. «Разбыхнуть» общество! Данил Корецкий – о совести и чести после СССР // Аргументы и факты. 2012. № 12.
- Оберемко В. Идти до конца // Аргументы и факты. 2014. № 44.
- Осипов Г. В. Введение в социологическую науку. М.: Наука-Вече, 2010.
- Павлова Н. Д., Журавлев А. Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Перемирия с коррупцией не будет: Интервью Министра юстиции Чувашии В. Петрова // Советская Чувашия, № 221–222, 15 ноября 2007 г.
- Пермиков А. В. Организация деятельности структурных подразделений исправительных колоний по выявлению и изъятию источников и каналов поступления запрещенных предметов осужденным: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009.

- Печенкин В. А. Алгоритмы формирования антикоррупционной компетентности в системе государственной гражданской службы // *Аксиология*. 2012. № 1. С. 121–125.
- Пирогов Н. ЖКХ как зеркало российской действительности // *Наш современник*. 2014. № 4. С. 168–178.
- Подбояков В. М. Коррупционные преступления в сфере образования: нравственно-психологический и правовой аспекты // *Прикладная юридическая психология*. 2012. С. 3–20.
- Понякин В. П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Понякин В. П., Журавлев А. Л. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // *Психологический журнал*. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
- Понякин В. П., Журавлев А. Л. Российские предприниматели в современной социальной структуре // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 61–68.
- Понякин В. П., Журавлев А. Л. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Понякин В. П., Журавлев А. Л., Титова О. Н. Гендерные особенности конкуренции и партнерства // *Наука. Культура. Общество*. 2008. № 4. С. 102–115.
- Понякин В. П., Журавлев А. Л. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Послание Президента Владимира Путина Федеральному собранию РФ от 12.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_138990 (дата обращения: 10.01.2017).
- Предупреждение коррупционных рисков в профессиональной деятельности государственных служащих и требования к их служебному поведению: Учебн. пособие. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ: Ногинский филиал, 2014.
- Принципы развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации «противодействию коррупции» и практики его применения / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства

- и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когнито-Центр, 2007.
- Проблемы экономической психологии. Том 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Проблемы экономической психологии. Том 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцишавской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прозоров Л., Тацалия М. Назначение наказания: российская криминальная ситуация // Российская юстиция. 1999. № 18. С. 38.
- Психологи изучали причины коррупции. 2011. URL: <http://ria.ru/nat/new/new-727.html> (дата обращения: 04.01.2017).
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе: Сб. науч. трудов / Ред.-сост. Н. М. Городецкая; отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галюкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
- Психология адаптации в социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология отношений человека и психическая регуляция деятельности / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Зобкова. М.–Владимир: Собор, 2007.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Соцгум-Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т; М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред.

- А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабарина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психолого-акмеологические технологии противодействия коррупции в системе государственной службы / Под ред. А. А. Дерягина. М.: РАГС, 2000.
- Радлов В. Формирование новых российских рынков транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.
- Разработка научно обоснованных социологических параметров проявления коррупции // Отчет ИСПИ РАН 2013 г. для Института законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП) при Правительстве РФ. М.: Нестор-История, 2013.
- Рыжеников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2006.
- Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: научно-практическое пособие / Отв. ред. Н. Г. Семилетина, Е. Н. Свектор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ – Юридическая фирма «Контракт», 2012.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Россия в XXI веке. М.: Академия геополитических проблем, 2012.
- Рубинштейн С. Д. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Маршалл А. А., Ушаков Д. В. Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 3–14.
- Сток С. В. Деловая репутация государственных служащих как объект психологических и акмеологических исследований. М.: МА-АН, 2011.
- Смичков В., Назаров А. Безответственность // Завтра. 2013. Апрель. № 17.
- Смичковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: Норма, 1998.
- Скворцова Л. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М., 2008.

- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крохальской, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р. А. Азмерова, С. П. Дырина, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г.: В 2-х т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24–25 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Академик РАН Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015.
- Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификация // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–61.
- Соснин В. А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012а.
- Соснин В. А. Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной межнациональной и межконфессиональной ситуации в России // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б.
- Соснин В. А. Феномен коррупции в России как социологическая, социокультурная и социально-психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 78–90.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономика. 2013а. № 4 (67). С. 6–16.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013б. № 2. С. 8–24.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.

- Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Св, 2002.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов / Под ред. Д. В. Сочикко, Е. Е. Газриной. Рязань, 2010.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Статистика экономической преступности за 2014 год (по данным МВД РФ) // Экономическая преступность сегодня. URL: <http://econcrime.ru/statistika-s-ekonomicheskoy-prstupnosty-za-2014-god-po-dannym-mvd-ru/> (дата обращения: 12.02.2017).
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рибкиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л. Доверие предпринимателей к разным видам организаций: региональные и половые различия // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 34–42.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л. Исследование характеристик общительности личности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 176–189.
- Таировский Ю. Схватка с тигром: как противодействует коррупции в КНР «товарищ Ся» // Завтра. 2014. Декабрь. Вып. 50 (1099). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?n=1418852520> (дата обращения: 12.02.2017).
- Тарabrina Н. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–12.

- Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Татарко А. Н. Социальный капитал как объект психологического исследования. М.: ИИУ ВШЭ, 2011.
- Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции: В 2 ч. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Троицкий М. М. Наука о душе. Общие свойства и законы человеческого духа. В 2 т. М., 1882.
- Турболевский Я. В Китае все по плану // Аргументы и факты. 2011. № 46.
- Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовые исследования / Отв. ред. И. С. Власов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Пути и принципы теоретико-экспериментальной психологии и практики // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 18–69.
- Федотов Л. Антикоррупционные императивы модернизации // Мир Перемев. 2013. № 4. С. 104–118.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергеевко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества: Коллективная монография / Отв. ред. Д. А. Китова. Карачаевск: Изд-во КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2011.
- Фобницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным делом. СПб.: Городец, Добросвет, 1889.

- Хакимов Р. Т. Коррупция – глобальная проблема. Ташкент, 2006.
- Хампаглэмон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Характеристика осужденных к лишению свободы / По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А. С. Михлина. М.: Юриспруденция, 2001.
- Хачемян В. А. Социально-психологические механизмы детерминации субъективного экономического благополучия: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
- Цыбульский С. П. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика личности влчочников: «Черные дыры» в российском законодательстве // Юридический журнал. 2005. № 3. С. 331–333.
- Цыбульскй В., Пышоварова О. Власть от кукур // Аргументы и факты. 2011. № 44.
- Церкасский Л. В. Коррупция в Швейцарии: проблемы идентификации и измерения // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Т. 1. М.: Издат. дом ВШЭ, 2012.
- Чапльыкина А. Ю. Коррупция в образовательных учреждениях: проблемы квалификации делений. Чита: Читинский гос. ун-т–Центр профессиональной подготовки УВД по Забайкальскому краю, 2010.
- Чашин А. Н. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. М.: Дело и Сервис, 2008.
- Что является основной проблемой российской экономики? (Результаты опроса). 2012. URL: [http://www.aif.ru/topper/chto_yavlyetsiya_osnovnoy_problemoй_rossiyskoy_](http://www.aif.ru/topper/chto_yavlyetsiya_osnovnoy_problemoй_rossiyskoy_ekonomiky) (дата обращения: 15.02.2017).
- Шамсунов С. Х. Труд и социализация личности осужденных к лишению свободы в России: Монография. Самара: Самарский науч. центр РАН, 2005.
- Шейкина Г. Правосудие запаздывает // Аргументы и факты. 2012. № 12.
- Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
- Шилова Е. Новый тип государственных кризисов // Мир перемен. 2011. № 4. С. 110–126.
- Экман П. Психология лжи: обмань меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010.
- Экономическая психология в России и Беларуси / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Поликарпова. Минск, 2007.

- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Коррупция в современной России // Экономическая психология в современном мире: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. Н. Лебедев. М.: Экон-информ, 2012а. С. 362–376.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012б. № 2. С. 137–140.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Психологические факторы коррупции // Психология в экономике и управлении. 2012а. № 1. С. 57–66.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012г. Т. 30. № 3. С. 43–52.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Нравственные проблемы современной России // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012д. С. 5–20.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013а. № 2–3. С. 81–92.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013б. Т. 34. № 3. С. 4–14.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Либерализм и его псевдолиберальная «мутация» в современной России // Наука. Культура. Общество. 2014а. № 1. С. 38–55.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014б. Т. 84. № 8. С. 715.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 3. С. 68–69.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л. Проблемы российского патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2016б. № 1. С. 56–69.
- Курочка А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 70–86.
- Курочка А. В., Журавлев А. Л., Курочка М. А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности // НВ: Национальная безопасность. 2013. № 2. С. 182–202.
- Aide T. S. Economic analysis of corruption: A survey // *Economic Journal*. 2003. № 113. P. 632–652.
- Andvig J. The economics of corruption: A survey // *Studi economici*. 1991. V. 46. № 43. P. 57–94.

- Arunshanes W., Tansuhaj P., Lemak D. J. Cross-cultural Business Gift Giving. A New Conceptualization and Theoretical Framework // *International Marketing Review*. 1994. V. 11. №4. P. 46–47.
- Bafl M. J., Newell J. Corruption in Contemporary Politics. Palgrave Macmillan, 2003.
- Campos J. E., Pradham S. The many Faces of Corruption: Tracking Vulnerabilities at the Sectoral Level. Washington DC, 2007.
- Caro R. Master of the Senate. N.Y.: Alfred Knopf, 2002.
- Cockcroft L. Global Corruption: Money, Power and Ethics in the Modern World. University of Pennsylvania Press, 2012.
- Cohen J. R., Laurie W. P., Sharp D. J. A methodological note on cross-cultural accounting ethics research // *International Journal of Accounting*. 1996. V. 31. № 1. P. 55–66.
- Collins J. D., Uittenbruck K., Rodriguez P. Why Firms Engage in Corruption: A Top Management Perspective // *Journal of Business Ethics*. 2008. №87. P. 89–108.
- Fletcher C., Herrmanns B. The Internationalization of Corruption: Scale, Impact and Countermeasures. Gower Publishing Ltd, 2012.
- Gohring F. Measuring The Inmeasurable: Boundaries and Functions of (Macro) Corruption Indices // *Measuring Corruption*. 2006. P. 101–130.
- Girling J., Girling J. L. S. Corruption, Capitalism, and Democracy. London: Psychology Press, 1997.
- Gonzalez-Pabre R. Las estructuras culturales de la corrupcion en Venezuela // *Eficiencia, corrupcion y crecimiento con equidad* / Ed. Aula Abierta de Etica. Bilbao, Spain: Universidad de Deusto, 1996. P. 60.
- Gordon K., Miyake M. Business Approaches to Combating Bribery: A Study of Codes of Conduct // *Journal of Business Ethics*. 2001. P. 161–173.
- Grossman G., Tremp V. G. Personal incomes in the USSR // *The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems* / Eds S. Alexandrini, B. Dallago. Gower, 1987.
- Hall E. T. The Silent Language. N.Y.: Doubleday, 1959.
- Hall E. T., Hall R. M. Hidden Differences Doing Business with the Japanese. N.Y.: Anchor Press-Doubleday, 1987.
- Hart K. E., Sasso T. Mapping the contours of contemporary positive psychology // *Canadian Psychology*. 2011. V. 52 (2). P. 82–92. URL: <http://www.apa.org/pubs/journals/features/cap-52-2-82.pdf> (data of pameum: 17/02.2017).
- Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the mind. N.Y.: McGraw Hill, 1997.

- Huntington S. Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Husted B. Wealth, Culture and Corruption // *Journal of International Business Studies*. 1999. V. 30. № 2. P. 339–346.
- International Handbook on the Economics of Corruption / Ed. S. Rose-Ackerman. Edward Elgar Publishing, 2007.
- Jonhson M. Civil Society and Corruption: Mobilizing for Reforms. University Press of America, 2005.
- Kaptein M., Schwartz M. S. The Effectiveness of Business Codes: A Critical Examination of Existing Studies and the Development of an Integrated The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations 99 Research Model // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 77. № 2. P. 111–127.
- Kjeldgaard R. Adjusting to reality: Beyond “state versus market” in economic development. San Francisco: ICS Press, 1991.
- Kotkin S., Szóó A. Political Corruption in Transition: A Skeptic’s Handbook. Budapest–N. Y.: Central European University Press, 2002.
- La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. W. Trust in Large Organizations // *The American Economic Review, Papers and Proceedings*. 1997. V. 137. № 2. P. 337.
- La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. W. The Quality of Government // *The Journal of Law, Economics and Organization*. 1999. V. 15. № 1. P. 251–252.
- Lambderff J. G. Corruption in Empirical Research: A Review // *Transparency International Working Paper*. 1999. November. P. 5–17.
- Lambderff J. G. What are We Trying to Measure? Reviewing the Basics of Corruption Definition // *Measuring Corruption* / Eds Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galung. London: Ashgate Publishing, 2006.
- LaPolombara J. Structural and Institutional Aspects of Corruption // *Social Research*. 1994. V. 61. P. 325–350.
- Lascombes P., Torrecu-Harto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions // *Perspectives on European Politics and Society*. 2008. V. 9. № 1. P. 24–38.
- Morris S. A., Rebbein K. A., Hussaini J. C., Armacost R. L. A Test of Environmental, Situational and Personal fluencies on the Ethical Intentions of CEOs // *Business and Society*. 1995. № 34 (2). P. 119–146.
- Notarp P. Eineleitung in die Psychologie nach kritischer Methode. Freiburg i. B.: Akademische Verlagshuchhandlung von J. C. B. Mohr, 1888.
- Nieuwenoeer N., Kaptein M. Spiraling Down into Corruption: A Dynamic Analysis of the Social Identity Processes that Cause Corruption

- in *Organizations to Grow* // *Journal of Business Ethics*. 2008. № 83. P. 133–146.
- Nrayi J. M., Nyoboka P., Kakooza C. S. Moral Schemas and Corruption in Ugandan Public Procurement // *Journal of Business Ethics*. 2013. № 112. P. 417–436.
- Pekdam M. Corruption and Religion. Adding to the Economic Model. Unpublished manuscript, Aarhus University, Denmark, September 1999.
- Philip M. Corruption Definition and Management // *Measuring Corruption* / Eds Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Gahungu. Strasbourg: ASHGATE e-BOOK, 2006. P. 52–53.
- Pinto J., Leanan C., Pil F. Corrupt organizations or organizations of corrupt individuals? Two types of organizational-levels corruption. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2008. P. 685–709.
- Preston N., Sampford Ch., Connors C. Encouraging Ethics and Challenging Corruption. Australia, New South Wales, Annandale: Federation Press, 2002.
- Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. 1995. V. 6 (1). P. 65–78.
- Rah T. The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations // *Journal of Business Ethics*. 2011. № 100. Springer. P. 85–101.
- Rah T., Kuhlmann T. M. Understanding Corruption in Organizations – Development and Empirical Assessment of an Action Model // *Journal of Business Ethics*. 2008. Springer. № 82. P. 477–495.
- Rashid S. Public utilities in egalitarian LDC's: The role of bribery in achieving Pareto efficiency // *Kyklos*. 1981. № 34. P. 448–460.
- Rothberg R. L. Corruption, Global Security and World Order. USA: Massachusetts: Brookings Institution Press, 2009.
- Roth V., Aguilera R., Vadova K. The Dark Side of Authority: Antecedents, Mechanisms, and Outcomes of Organizational Corruption // *Journal of Business Ethics*. 2008. № 77. P. 431–449.
- Schulze G. G., Sukarnokov B., Günther G., Spahrir B. S., Zakharov N. Corruption in Russia. University of Freiburg Department of International Economic Policy Discussion. Paper Series № 22. 2013. March. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/86176/1/745198058.pdf> (data of paucena: 12.02.2017).
- Senior J. Corruption – the world's Big C: cases, causes, consequences, cures. N. Y.: The Institute of Economic Affairs in association with Profile Books, 2006.
- Spector B. I. Fighting Corruption In Developing Countries. South Africa: Kumarian Press Inc., 2005.

- Spinney L. The underhand ape // *New Scientist*. 2011. V. 212. № 2837. P. 42–45.
- Treisman D. The Causes of Corruption: A Cross-National Study. Unpublished manuscript, University of California, Los Angeles, June 1999.
- Turner J. The Formation of Social Capital // *Social Capital: A Multifaceted Perspective* / Eds P. Dasgupta, I. Storzeldin. Washington, DC: The World Bank, 2000. P. 94–146.
- United Nations Anti Corruption Toolkit / Ed. P. Langseth. Vienna, Austria, 2003.
- United Nations Guide on Anti Corruption Policy / Ed. P. Langseth. Vienna, Austria, 2006.
- Vitell S. J., Nwachukwu S. L., Barnes J. H. The effects of culture on ethical decision-making: An application of Hofstede's typology // *Journal of Business Ethics*. 1993. № 12. P. 757–758.
- Werve J. The Corruption Notebook, 2006. Washington, DC: The World Bank, 2001.
- Zanitu M. El contexto humano de la corrupcion // *Eficiencia, corrupcion y crecimiento con equidad* / Ed. Aula Abierta de Erica. Bilbao, Spain: Universidad de Deusto, 1996.
- Zharov A. L., Kuprichenko A. B. The Moral Elite in Contemporary Russian Society: The Sociopsychological Aspect // *Russian Studies in Philosophy*. 2013. V. 51. Spring. № 4. P. 28–50.
- Zharov A., Drolysheva T. Value orientations of the formative personality in Russia's historical dynamics // *Social Sciences*. 2011. V. 42. № 2. P. 93–111.
- Zyglidopoulos S. C., Fleming P. J., Rothenberg S., Seifos C. Rationalization, Overcompensation and the Escalation of Corruption in Organizations // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 84. P. 65–73.

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОРРУПЦИИ**

Редактор – Т.А. Сарычева

Оригинал-макет, обложка и верстка – С. С. Фёдоров

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

125366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: (495) 683-63-62

E-mail: info@ipras.ru, <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 17.03.17. Подписано в печать 22.03.17
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура гос. Стандарт. Уч.-изд. л. 15; усл.-печ. л. 18
Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Паблент»
127282, Москва, ул. Поларная, д. 31а, стр. 1
Тел. (495) 683-93-18

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»

2017 г.

- Моравин В. П. Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды 1964–2016. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 398 с.
- Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 467 с.

2016 г.

- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «У Московские встречи», 30 июня–2 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 637 с.
- Историкогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Колондниц. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 487 с. (Методология, теория и история психологии)
- Ожиданова Г. В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 282 с.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Караменкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 496 с.
- Хадарко В. А. Личность и группа в системе экономических и управленческих отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 535 с.

- Зырева Т. В., Наскова О. Г. Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 214 с. (Методология, теория и история психологии)
- Ворошия А. Н., Горюхова Н. Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 276 с.
- Технология сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Отв. ред. В. Н. Носуленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 457 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Понякин В. И., Бондырева Т. С. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 320 с. (Психология социальных явлений)
- Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Сыктывгорск, 3–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анашкин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 720 с.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестях Т. А., Подъяков А. Н., Юренин А. В. Социальная психология знания / Под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 446 с. (Психология социальных явлений)
- Долыхова Н. А. Антропологическая психология Бориса Аваньева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 366 с. (Методология, теория и история психологии)
- Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 256 с. (Методы психологии)
- Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 950 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Журавлев А. Л., Нестях Т. А., Соснин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 122 с.
- Прохоров А. О. Образ психического состояния. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 245 с. (Экспериментальные исследования)
- Воловажкова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 144 с. (Психология социальных явлений)
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Мамняч, Л. Г. Дюкая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 755 с.

- Психологические исследования: Вып. 8 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 231 с.
- Смирнов О. Е. Активность мозга: Специализация нейрона и дифференциация опыта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 190 с. (Перспективы психологии)
- Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 383 с. (Труды Института психологии РАН)
- Fachtag 2016: Труды 32-й ежегодной конференции Международного психофизического общества. Москва, Россия / Под ред. И. Скотниковой, О. Корольковой, И. Елинниковой, В. Дубровского, В. Шендяпина, Н. Волковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 100 с.
- Холодная М. А., Гельфман Э. Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 200 с.
- Зыков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 488 с.
- Емельянов Т. Л. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 476 с. (Психология социальных явлений)
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 479 с. (Методология, теория и история психологии)
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безсвязности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, Н. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 315 с. (Труды Института психологии РАН)
- Мельнич А. В. Жизнеспособность человека и семья: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 267 с. (Психология социальных явлений)
- Соснин В. А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 344 с. (Психология социальных явлений)